

БАМБАРА

ДВОРЕЦКАЯ

ОГНЕННЫЙ ВОЛК

ЮБИЛЕЙНОЕ ПОДАРОЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Елизавета Дворецкая

ОГНЕННЫЙ ВОЛК

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Дворецкая Е. А.

Огненный волк / Е. А. Дворецкая — «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-174771-8

Огнеяр, сын княгини Добровзоры, родился оборотнем. Князь Неизмир, его отчим, всю жизнь боится и ненавидит пасынка. Он посылает своего младшего брата Светела на поиск волшебного оружия – рогатины из небесного железа по прозвищу Оборотнева Смерть... Обидевшись на весь человеческий род, который не признает его своим, Огнеяр уходит жить к волкам. Единственное, что привязывает его к людям, – любовь к матери и девушке из лесного рода Вешничей, Милаве. Полузверь-полубог, Огнеяр напряженно ищет свое место среди людей. А ведь он еще не знает, для чего Велес послал своего сына в мир людей...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-174771-8

© Дворецкая Е. А., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	27
Глава 3	47
Глава 4	63
Глава 5	80
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Елизавета Дворецкая

ОГНЕННЫЙ ВОЛК

© Дворецкая Е., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава 1

Осень доживала последние дни – вот-вот выпадет первый снег, замостит дорогу Зимерзле. Было раннее утро, сумерки едва начали рассеиваться, с неохотой уступая земной мир скупому осеннему свету.

Чуроборский князь Неизмир стоял на верхней площадке крепостной стены и смотрел вниз, во внутренний двор детинца. Там перед раскрытыми воротами конюшен сновали люди, ржали кони, звенели железом оружие и упряжь – дружина княжича Огнеяра собиралась на охоту. Весь Чуробор еще спал, даже на посаде виднелось всего два-три дымка из печек самых усердных хозяек. Но дружине княжича не было дела до покоя чуроборцев. Собираясь, они громко спорили о предстоящей добыче, покрикивали на челядь, хохотали. Князь Неизмир кутался в теплый плащ из толстой шерсти, наброшенный поверх кафтана на соболях, и все-таки ему было холодно. Шапки он не взял, и стылый ветер шевелил его полуседые волосы. Ему было всего сорок шесть лет, но он чувствовал себя старым и больным. Особенно когда видел княжича или просто думал о нем. А о пасынке князь Неизмир думал постоянно.

Внизу резко скрипнула дверь. Отроки во дворе дружно закричали, взвыли по-волчьи. Князь невольно содрогнулся, хотя и был к этому привычен. Огнеярову дружину так и звали в Чуроборе – Стая.

На крыльце показался сам Огнеяр, на ходу оправляя широкий кожаный пояс, туго затянутый вокруг крепкого стана поверх накидки из косматого волчьего меха. Он был среднего роста и не поражал могучим сложением, но в каждом его движении видны были сила и истинно звериная ловкость. Длинные черные волосы княжича вольно раскинулись по плечам, шапок он не признавал, да и гребней не любил. В Чуроборе его прозвали Дивием¹, и он даже гордился этим прозвищем.

Вскинув ладони ко рту, Огнеяр протяжно завыл, затянул охотничью песню волка-вожака. На обоих его запястьях блестели широкие серебряные браслеты, серебряные бляшки покрывали пояс, серебряными накладками были усажены ножны охотничьего ножа. Вместо меча, приличного воину, за пояс Огнеяра была заткнута рукоять боевого топора с серебряной насечкой на обухе.

Отроки радостно завыли вслед за вожаком, самые молодые даже заскулили, как волки-перярки, в азартном предвкушении большой добычи. Кони во дворе и в конюшнях тревожно заржали, по всему детинцу и даже на посаде залаяли собаки. Неизмир ненавидел шум, сопровождающий всем Огнеяровым развлечениям, но был благодарен судьбе хотя бы за то, что из-за пристрастия пасынка к лесам он не так уж часто видит его дома.

¹ Дивий – «дикий».

Один из отроков подвел Огнеяру коня, и княжич прямо с крыльца вскочил в седло. Его любимый серый жеребец Похвист грыз удила и переступал копытами – рвался в дорогу. Дворовая челядь поспешно растворяла ворота. Отроки вскакивали в седла – все как один в плащах из серой шерсти поверх волчьих накидок, все без шапок, с длинными волосами, у кого связанными в хвост, у кого перехваченными тесемкой через лоб, у кого, как у княжича, распущенными вольно – от глаз ветром отдует. Издалека они все казались одинаковыми, но князь быстро выбрал взглядом одного. Круглолицый русоволосый парень с густыми черными бровями выпрямился в седле, словно почувствовал взгляд Неизмира, но не обернулся. И князь торопливо отвернулся, боясь сглазить все дело. От этого парня сейчас зависело слишком многое. Может быть, сама судьба князя Неизмира.

Рывком послав жеребца вперед, Огнеяр первым вылетел со двора. Отроки плотным косяком поскакали за ним. Неизмир проводил глазами Огнеяра, с соколиной цепкостью сидящего в седле. Хвост жеребца мелькнул в воротах, грохот копыт прозвучал по мощным деревянным плахам улочкам детинца и затих возле посадских ворот. Стая умчалась. А князь Неизмир еще некоторое время постоял на забороле, глядя на улицу за воротами, словно хотел навсегда запомнить отъезд Стаи. Он надеялся, что сегодня видел это в последний раз.

С оглушительным топотом и свистом дружина Огнеяра промчалась по детинцу и посадку – воротники едва успевали давать им дорогу, – вылетела из Чуробора и поскакала по замерзшей грязи в сторону темнеющего леса. Разбуженные шумом чуроборцы осенялись знаком огня и облегченно вздыхали. Теперь княжича и его шальной Стаи не будет несколько дней, а то и недель. И многие, подобно князю Неизмиру, желали бы больше никогда его не видеть.

– Не в добрый час княжич на лов собрался! – говорили воротники, провожая глазами улетающую Стаю. – Ведь ныне Лешачий день – вся нечисть лесная так и хороводится!

– Вот ему там и самое место! – отвечали им другие. – Где нечисть, там и он. Хоть бы ему там голову свою дурную сломить!

– Поберегись! К живому-то мы уж приладили, на дороге не зевай – и не затопчет. А вот что он мертвым станет творить?

Ответить на этот вопрос не взялся бы ни один чародей. Собеседники умолкали, осеняя голову знаком огня и держась каждый за свой оберег. Все-таки на сердце было легче при мысли, что в ближайшее время Серебряного Волка не будет в Чуроборе.

Княжич Огнеяр был оборотнем, рожденным княжной Добровзорой от Огненного Змея. Не все в это верили, но князь Неизмир знал, что это правда. Двадцать лет назад все случилось у него на глазах. Был сумрачный вечер месяца капельника, но вся капель уже замерзла, прихваченная холодом подступающей ночи. Княжна с подругами гуляла по берегу Белезени и уже направлялась домой. Неизмир, тогда еще молодой сотник в дружине князя Гордеслава, с десятком отроков провожал княжну. Вдруг земля дрогнула под ногами, резко свистнул холодный ветер, и из-под обрывистого берега вылетел огненный шар. Истошно закричали женщины, отроки по привычке схватились за оружие, но руки-ноги у всех онемели, никто не мог даже двинуться. Огненный шар развернулся и принял очертания летящего Змея. Молнией Змей пал на застывшую в ужасе княжну и поглотил ее, завертел в столбе ослепительного пламени, а потом мгновенно рассыпался искрами и исчез. Княжна осталась лежать замертво на сыром холодном берегу среди полурастаявшего снега. Все произошло так быстро, что случайные свидетели даже не все успели обернуться на крики. Но тем, кто стоял рядом, казалось, что этот ужас длился нескончаемо долго.

Княжну не чаяли найти живой, но она дышала, только очень тихо. Три дня и три ночи она оставалась без памяти, металась, рвала на себе рубаху и бессознательно просила воды, льда, снега. Ее сжигало подземное пламя, и ни лед, ни самая холодная ключевая вода не могли облегчить ее жажды. Ведуны и чародеи не знали, как ей помочь, и сами побаивались с ней оставаться. Волхвы уже стали поговаривать, что Велес требует княжну в жертву, предрекали

беды. Князь Гордеслав наполовину поседел за эти три дня. А на четвертое утро княжна пришла в себя и постепенно поправилась. Но никому и никогда она не сказала ни единого слова о том, что было с ней внутри огненного столба.

А через пару месяцев обнаружилось, что она ждет ребенка. Сначала об этом зашептали женщины княжьего двора, потом заговорил весь Чуробор. Не все верили, что ребенка дал княжне Огненный Змей. А князь Гордеслав не знал, как было бы лучше – окажись отцом Велес или попросту кто-нибудь из молодых чуроборских витязей, хоть тот же Неизмир, открыто восхищавшийся красавицей Добровзорой. Но сам-то Неизмир знал, что он здесь ни при чем.

Младенец родился в зимний Велесов день, завершающий новогодние праздники. Взяв дитя в руки, бабка-повитуха вдруг охнула и чуть не выронила – вдоль его спинки тянулась полоска серой шерсти, мокрой, нежной, тонкой, как у новорожденного щенка. Или волчонка.

И тут уж всем стало ясно, что среди молодых витязей виновного искать нечего.

В Чуробор призвали самого мудрого из волхвов-прорицателей всех дебрических земель, прозванного Двоеумом. Он долго смотрел в воду перед огнем со священными травами, накалил в пламени клинок ножа и читал на нем знаки, невидимые обычному взору.

– Сам бог Велес, Подземный Хозяин, явился твоей дочери Огненным Змеем, – наконец сказал он Гордеславу. – Послал Велес в мир земной своего сына и твой род избрал для него. И вижу я в знаках Огня, что непроста будет его судьба. Послал его Велес не впустую, есть у него назначение – принести смерть одному из властителей мира земного. А кому – того не открыли мне боги. Вижу я, что здесь битва богов продолжается, битва Перуна и Велеса. Более ничего не открыто мне.

Рождение Огнеяра вызвало много толков в Чуроборе, во всех дебрических землях и со временем во всех говорлинских племенах, куда слухи доставлялись вездесущими торговыми гостями. Многие склонялись к мысли, что младенца следует если не пустить по водам на волю его отца-Велеса, то, по крайней мере, отдать на воспитание в святилище, где он опять же служил бы своему божественному отцу. Но княжна Добровзора с самого рождения полюбила сына больше всего на свете и не желала расставаться с ним, а князь Гордеслав не мог огорчить свою дочь и единственную наследницу.

Через полгода после рождения внука князь Гордеслав выдал дочь за Неизмира, и тот стал наследником чуроборского стола. Неизмир происходил из знатного воеводского рода, из числа его предков дебричи неоднократно избирали себе воевод, и он был достойной парой Добровзоре. Но любила она другого человека, и Неизмир знал, что почетным жребием обязан только Огнеяру. Вернее, его появлению на свет, после чего женихи отшатнулись от красавицы Добровзоры – соперничать с Велесом никто не хотел.

В год смерти деда Огнеяру было всего шесть лет, и никто еще не знал, что из него получится. Оборотни и подменыши не живут долго, и люди ждали, что сын княгини умрет, не дожив и до семи лет. Но он жил, словно назло общему толку, рос здоровым и крепким, смелым и задиристым. В детских потасовках, а потом в подростковых воинских учениях он побивал не только всех сверстников, но и противников старше себя. Он был азартен, ловок, неутомим, настойчив до упрямства, свободолюбив и непокорен. Отчима он не ставил почти ни во что, и только мягкосердечной и ласковой княгине удавалось поддерживать мир между сыном и мужем. Кроме матери Огнеяр уважал только деда Гордеслава, а после его смерти очень чтит его память. Для посвящения в воины отчим заказал для него меч, но от меча Огнеяр отказался и потребовал дедову секиру. С тех пор он не расставался со своим оружием, и вид его каждый день заново напоминал Неизмиру о неповиновении пасынка. В этом он видел прямое неуважение к себе, но молчал, не изливая недовольства даже перед женой. С самого детства в глазах Огнеяра был заметен багровый отблеск Подземного Пламени, противного Небесному Огню. Каждый, кому хоть раз случалось заглянуть в глаза сыну Велеса, уносил в сердце трепет и страх перед его полубожественной-полузвериной мощью. Даже князь Неизмир.

У княжеской четы не было другого потомства – видно, Велесово пламя выжгло Добровору и больше иметь детей она не могла. Как видно, Велес не хотел, чтобы у его сына были братья. Вся страсть материнской любви княгини была отдана единственному сыну, так что даже на долю мужа в ее сердце оставалось не много места. И это было еще одной причиной, мешавшей Неизмиру питать к пасынку добрые чувства. Двадцать лет он жил под одной крышей с Огнеяром, скрывая страх, замечал красные отсветы в его глазах. И двадцать лет он думал, не его ли жизнь пришел оборвать сын Велеса. Этот страх лишал князя всех радостей жизни, сделал саму жизнь невыносимой. И вот сегодня, проведив пасынка на охоту, Неизмир надеялся, что этому придет конец.

* * *

Выехав в поле, Огнеярова Стая прекратила свист и вой – незачем пугать дичь раньше времени. Сам Огнеяр скакал впереди, выбирая дорогу, и никто из отроков не давал советов и не приставал с вопросами. Вожак во всем разберется сам. Огнеяр с удовольствием подставлял лицо свежему, прохладному ветру, жадно вдыхал запахи инея на ветках, прелой листвы, еловой хвои. Пришла наиболее им любимая пора года – предзимье, время первого снега, когда так хорошо видны следы. Земля теперь заговорит в полный голос – где проскакала молодая куница, где прошел старый кабан. Но до поры глубокого снега, по которому не побегаешь, еще далеко, и все дороги открыты перед тобой – лети куда глаза глядят. Зима раскрывала белый свет на все четыре стороны, на все семьдесят ветров. В эту пору Огнеяра почти не видали дома. Между белым снегом и темным небом он чувствовал себя свободным и сильным. И сейчас, предчувствуя близкий снегопад, Огнеяр готов был выть от восторга, гнать и гнать жеребца без остановки до самого края света.

Возле дубравы Огнеяр придержал коня, повернулся по ветру, незаметно для взгляда потянул ноздрями. Чуткости его нюха мог бы позавидовать настоящий волк. Воздух для него был соткан из десятков и сотен запахов, и каждый он с легкостью читал, как умелая вышивальщица читает священный узор. Из дубравы явственно несло густым, теплым, дразнящим запахом кабанов. Огнеяр различал запахи, как ветки в банном венике, знал, сколько здесь кабанов и какие они – охота обещалась славная. Вот и следы, хорошо заметные на подмерзшей грязи. Взмахом руки Огнеяр послал свою Стаю в обход дубравы. Каждый отлично знал свое место и свою задачу.

Растянувшись редкой цепью, Стая охватила дубраву полукольцом, и по данному знаку два десятка молодых волков взвыли за деревьями. Не то что кабаны – настоящие волки не отличали голоса Огнеяровых отроков от голосов своих собратьев. Выпевая охотничью песню, отроки шли через дубраву, а впереди них ломилось перепуганное стадо, наевшееся желудей, – прямо на рогатины оставшегося десятка, где был и сам Огнеяр.

Вдруг из глубины послышался голос одного из загоняющих:

– Братцы, медведь!

– Берлога! – закричали другие. – Медведя подняли!

Огнеяру уже не нужны были слова – в порыве ветра со стороны рощи он и сам уловил запах взрослого, сильного медведя. В досаде Огнеяр закусил нижнюю губу – этого он не ждал. Бобер глупый, да вон же затес на стволе – а ростом Хозяин на две головы повыше тебя, Дивий, вон куда достал!

Из рощи слышались треск веток, рычание зверя, разгневанного нарушением его первого предзимнего сна. Только-только он нашел себе уютное местечко, сгреб мягкую охалку листвы и веток, залег и мирно задремал, дожидаясь теплого снежного одеяла, а тут на тебе! Свирепо рыча, медведь ломился к опушке, туда, куда его невольно погнали загонщики.

Отроки на опушке изготовили рогатины, но Огнеяр резко махнул рукой.

– Не тронь! Назад все! К лошадям! – крикнул он, и отроки отошли ему за спину, к лошадям, привязанным в нескольких десятках шагов от опушки.

Кто-то протянул ему рукоять рогатины, но княжич отмахнулся: не надо.

Медведь вырвался на опушку. На задних лапах он был выше на голову даже Тополя, самого рослого из Огнеяровых отроков. На опушке он ненадолго остановился, пригнувшись. В нос ему бил запах кабанов, коней, людей и волков. Со сна он был зол, а соображал плохо. Зажатый между врагами позади и впереди, медведь собирался драться за свою жизнь. Одно движение – и он яростно ринется напролом, не разбирая дороги и круша всех на своем пути.

Но сейчас перед его подслеповатыми глазками был всего один противник. Из оружия с Огнеяром был только нож в посеребренных ножнах.

Тот, кого князь Неизмир провожал глазами, подумал, что, может быть, Лесной Хозяин избавит его от хлопот. Медведь силен и зол – без рогатины против него не устоять.

Ожидая медведя, Огнеяр подобрался, в нем проснулась его звериная сущность – он стал смотреть как зверь и думать как зверь. Волк и медведь – не враги, двоюродные братья по деду Велесу, близкая лесная родня. Огнеяру не нужна была смерть Лесного Хозяина, и он хотел попробовать договориться.

Из горла его вырвалось глухое рычание. Медведь повернулся к Огнеяру. Он видел плохо, а в нос ему бил резкий запах волка. Огнеяр смотрел прямо в маленькие медвежьи глазки, взор его загорелся красным. И медведь увидел на его месте не человека, а волка – молодого сильного волка с гладкой серой шерстью и крепкими зубами. «Не сердись, хозяин, – уловил он в тихом рычанье и удивился – далеко не всякий волк мог говорить по-медвежьи. – Я не на тебя охотился. Не знал, что ты тут зимуешь».

«Не учуял – нос заложило? – гневно прорычал медведь, готовясь ударом когтистой тяжелой лапы отбить прыжок. – Вот подойди только!»

«Кабаны запах перебили. Я не со злом. Я уйду. Спи себе».

«А ты потом опять явишься со своей стаей? Когда я спать буду?»

Медведь угрожающе подался к Огнеяру. Отроки стиснули рукояти рогатин, но не двинулись с места.

«Велесом клянусь – не приду. Будь мне другом».

Злоба в глазах медведя погасла. Он услышал Слово, которому не мог не подчиниться. Став опять на четыре лапы, он повернулся и скрылся в чаще.

«Договорились», – с облегчением подумали отроки. И никого это не удивило – многие видели и не то. Сын покровителя лесных зверей понимал языки всех звериных и птичьих племен и на многих мог говорить сам. В Чуроборе любили поболтать о том, что, дескать, на ловах княжич всю свою дружину превращает в волков или соколов, но это была неправда. Превращать людей в зверей Огнеяр не умел. Однако, если кого-то из его отроков об этом спрашивали, никто не спешил опровергать эти толки. Утреч, мастер поговорить, сочинял такие басни, что слушатели его раскрывали рты. Даже самому Огнеяру порой случалось заслушаться воображаемыми рассказами о собственных небывалых делах.

– А знатная зверюга! – с сожалением сказал Утреч, веселый светловолосый парень и страстный охотник, провожая взглядом скрывшегося в чаще медведя.

– Не на него шли! – ответил ему Огнеяр, подходя ближе. Он дышал чуть чаще обычного и на ходу утирал тыльной стороной ладони взмокший лоб. – Кабаны – они свиньи и есть, их Велес и развел нам на пропитание. А Хозяин – дело иное, его просто так, спросонья, бить не годится!

«Родич, стало быть!» – улыбаясь, подумал Утреч, но вслух ничего не сказал.

– Жаль – свиней-то упустили! – вздохнул Тополь, высокий, прямой, стройный парень.

– Не последние! – утешил его Огнеяр и стал отвязывать Похвиста. – Чего встали? Давай догоняй!

* * *

На третью ночь после отъезда из Чуробора Огнеярова Стая остановилась на займище рода Моховиков, неподалеку от берега Белезени. Две ночи они провели под открытым небом возле костров, но сегодня Огнеяр, оглядев небо и принохавшись к ветру, определил, что ночь будет очень холодной. А зачем напрасно мерзнуть, если можно поспать в тепле?

Хозяева приняли Огнеярову Стаю с опаской, но отказать в гостеприимстве не могли – и с князем поспорить, и соседи застыдят. Чуроборского княжича знали по всей Белезени, по всему племени дебричей. Никто не мечтал принимать его у себя, но тех, кто принимал, потом долго осаждали расспросами.

На займище в кольце бревенчатого тына стояло по кругу шесть-семь изб. Из каждой дверной и оконной щели выглядывали блестящие любопытством глаза женщин и детей. А двор займища наполнился шумом, топотом и ржаньем коней, которых привязали к крылечкам по всему двору, звоном оружия и упряжи, голосами чуроборцев.

Огнеяра и его отроков провели в беседу – обширную, вдвое больше обычного избу, где осенью и зимой девицы и женщины собирались на посиделки, мужчины – на советы, где оставались княжеские сборщики дани, заезжие купцы и, вообще, кому придется. В открытом очаге посередине развели огонь, отроки стали жарить добытого по пути оленя. Вторую тушу Огнеяр отослал старейшине в благодарность за гостеприимство.

Вскоре к ним стали понемногу заходить хозяева – кто принес кваса, кто брусники, кто капусты и репы. На самом деле всем очень хотелось посмотреть на княжича поближе – он еще не бывал у Моховиков, а наслышаны они были о нем порядочно.

Явился и сам старейшина, Взимок, старик с густой и широкой седой бородой, щуплый и разговорчивый. Подарок успокоил его тревогу и раздражил любопытство.

– Ко времени олень ваш пришелся, благо вам буди! – говорил он, усевшись на край лавки у очага, под охраной родовых чуров. – У нас веселье нынче, всю родню угощаем.

– Что же за веселье?

Огнеяр сидел прямо на полу возле горящего очага и поглядывал на старейшину снизу вверх, но это его не смущало. К тем досадным условностям, что называются княжеским достоинством, он всегда был равнодушен. Гораздо больше смущался сам Взимок, вынужденный сидеть выше княжича. Все хотел встать, но терялся, не в силах сообразить, как следует держать себя с чуроборским оборотнем. Отблески огня играли в темных глазах княжича, и мороз пробежал по коже Взимока от одного их взгляда. Старик так напугал сам себя слухами и тревожными ожиданиями, что теперь видел признаки дурной ворожбы там, где ее вовсе не было.

– Сговор у нас нынче! – важно отвечал Взимок, стараясь не показать, как ему неудобно. – Дочку нашу приехали сватать из рода Лисогоров, вот и сговорили их нынче на добрый век.

– То-то я чую – пивом и медом малиновым пахнет! Что же нас не позовете? – живо спросил Огнеяр. – Мы песни славно петь умеем, а?

Княжич бегло окинул взглядом своих отроков, и они одобрительно засмеялись. В Чуроборе они не пропускали ни одной свадьбы, и часто после этого «с прибылью» оказывалась не только новобрачная.

– Да, того... – Старейшина замялся. – У нас в роду обычай от чуров идет – сговоренной невесты никому не показывать, из избы не пускать. А то...

– А то я темным глазом испорчу! – досказал Огнеяр то, что сам Взимок не смел произнести. – Не робей, старче, я и не то слышал. Не хотите невесту показать – не надо, ваше право. Скажи только, когда свадьба – тура с лова вам пришлю.

– Спасибо, княжич! – Взимок с облегчением поклонился. – В Макошину Неделю свадьба, на второй день. Сейчас пирогов вам еще пришлем.

Взимок поклонился еще раз и пошел к дверям, перешагивая через охапки соломы для ночлега гостей.

– Гусли пришли! – крикнул Огнеяр ему вслед.

Вскоре в сенях снова зашриптели двери и зазвучали шаги. В истобку вошли три девушки, видно, самые смелые или самые любопытные во всем роду. Они несли целую гору пирогов в деревянной кадучке, накрытой вышитым рушником, а провожали их два парня. Один нес гусли, заботливо завернутые в кусок медвежьей шкуры.

Отроки оживленно загомонили, радуясь девушкам еще больше, чем пирогам, вскочили с мест, освобождая дорогу к столу. Смущаясь и краснея, девушки выложили пироги на стол и хотели идти, но отроки их не пускали.

– Посидите с нами! – наперебой кричали отроки. – Мы не обидим! Про Чуробор расскажем! Песни споем! Уважьте гостей!

Девушки переглядывались, теребя обереги на груди, и сами не знали, уйти им или остаться. Чуроборские отроки вызвали опасение и жгучее любопытство. Долгими месяцами девушки не видели у себя на займище никого, кроме своих родовичей, и им очень хотелось разглядеть гостей получше. Каждая чуть ли не с детства знала всех парней из окрестных родов, пригодных в женихи, а тут вдруг сразу столько новых лиц! Причем далеко не самых безобразных.

– Больно вы ловки – оленей наловили, за нас взялись? А не лопнете? – бойко отговаривалась старшая из девушек, высокая и статная красавица с русыми, рыжеватыми толстыми косами, серыми глазами, чуть широко расставленными, и россыпью веснушек на белом лице, не исчезнувших даже в осенние холода.

– В лесу оленей много, а таких красавиц еще не встречали! – отвечал ей Тополь. – Как тебя звать?

– Березкой, – смело ответила девушка, и отроки дружно расхохотались.

– А меня Тополем, – ответил ей отрок, и девушка тоже рассмеялась.

Тополь и береза – прародители рода человеческого. Оба высокие, стройные, с русо-рыжеватыми волосами, они даже казались в чем-то похожи и сразу понравились друг другу. Без долгих разговоров Тополь взял Березку за руку и увел в угол. Березка упиралась, но больше для вида. Очень скоро они уже болтали и смеялись, будто век были знакомы.

Видя, что Березка решила остаться, две другие девушки тоже сели на лавку перед огнем. Вторая, со светлыми мягкими косами и серо-голубыми глазами, не была такой красивой, но лицо ее отражало добрый и мирный нрав. Один из пришедших с ними парней сразу сел на пол возле ее ног, и никто из отроков, поняв молчаливый намек, не трогал ее, чтобы не ссориться с хозяевами.

Третья девушка была совсем еще юной, не больше пятнадцати лет на вид, русоволосой и сероглазой, со свежим румянцем на открытом лице. Она оглядывала длинноволосых отроков без робости, с дружелюбным любопытством и кого-то искала среди них.

Огнеяр, по-прежнему сидевший на полу возле очага, быстро обежал взглядом двух девушек и остановился на третьей. Он и сам сначала не понял, чем она привлекла его внимание. В Чуроборе было немало красавиц, но все они казались дурнушками рядом с его матерью, княгиней Добровзорой. Не шла с ней в сравнение и эта девушка из лесного рода, но в лице ее было чистосердечное дружелюбие, интерес без примеси праздного любопытства и пустой боязни. Нечасто Огнеяру случалось встречать такие светлые лица, такие открытые взгляды.

Княжич негромко свистнул, и отроки между ним и девушкой мгновенно раздalisь в стороны. Девушка встретила его взгляд и почти тут же отвела глаза. Она казалась смущенной, но не испуганной.

– Берите пироги! – Тем временем вторая девушка угощала отроков. – Свежие, мы только нынче утром для сговора пекли. Вот тут с грибами, маленькие с брусничкой... Да бери сразу,

тебе на один зуб! – Она улыбнулась и всунула в руки Кречета сразу три пирога. – А кто с мясом хочет, вот эти, длинные. Сестры, да помогите же!

Березка в углу была занята беседой с Тополем, а третья девушка тоже стала раздавать пироги. Огнеяр ждал, когда она подойдет к нему. Она и правда подошла.

– Попробуй нашего угощения, княжич! – сказала она, протягивая ему румяный пирог. – Хорошо удались – как будто знали про вас.

– А ты откуда знаешь, что я княжич? – спросил Огнеяр.

Ни одеждой, ни волосами он не выделялся среди других, браслеты, гривны на шее или серьги в левом ухе многие отроки носили и побогаче, чем у него. Но девушка выбрала в княжичи его, ни на миг не усомнившись.

– Откуда? – Девушка посмотрела наконец ему в глаза, словно удивленная вопросом. – Видно же...

– Что видно?

Она все еще протягивала ему пирог, и Огнеяр взял ее руку с пирогом, чтобы не убежала. А она смотрела ему в лицо, как будто искала ответ, что же ей видно. Пламя причудливо играло в чертах его смуглого лица, правильных и немного резковатых, глаза у него оказались темно-карие, с очень большим зрачком, и в самой глубине их тлел красный огонек. Или это отблеск очага? Или ей мерещится? О нем столько разного говорили, что она ждала увидеть чуть ли не Змея Горыныча, а увидела простого парня... Нет, совсем не простого. Угольная чернота его бровей, темный румянец на скулах, блеск снежно-белых зубов сразу отпечатывался в сознании, весь облик Огнеяра был какой-то резкий, выделяющийся и западающий в память с первого взгляда. Что-то неуловимое отличало его от людей. От людей, потому что он не был человеком. И это отличие бросилось ей в глаза с первого же взгляда, хотя она не смогла бы объяснить, в чем оно.

– Так возьмешь? – не найдя ответа, сама спросила она о пироге.

При этом ей подумалось: «Усли нечисть у тебя возьмет еду, то не обидит, даже поможет».

Огнеяр усмехнулся, словно услышал ее мысли.

– А думаешь, нет? – вызывающе спросил он. – Думаешь, я только живой кровью питаюсь, добычу клыками рву?

Не давая девушке времени ответить, он быстро потянул ко рту ее руку с пирогом. Девушка вскрикнула и дернулась – ей показалось, что сейчас Огнеяр ее укусит. Парень у стола вскочил с места, готовый броситься на выручку сестре. Но Огнеяр откусил от пирога и выпустил руку девушки. Она уронила пирог, отступила назад, перевела дыхание. Она слышала, что отроки вокруг смеются, смеется и сам Огнеяр, и застыдилась своего испуга. Поправляя волосы, чтобы скрыть смущение, она кинулась поднять пирог, рука ее встретилась с рукой Огнеяра, и девушка снова отпрянула.

– Не бойся, не съем! – весело сказал Огнеяр, снова откусывая от поднятого с соломы пирога. Смятение этой юной и миловидной девушки забавляло и странно трогало его, на сердце у него потеплело, на душе стало вдруг хорошо, как давно не бывало. – Не сама пекла?

– Нет, это здешние, – смущенно ответила девушка, пытаясь улыбнуться и приглаживая и без того гладкие волосы на висках.

– А ты ведь не здешняя?

Огнеяр успел разглядеть, что у нее не две косы, как у других, а одна, и рубаха вышита как-то по-другому – он не разбирался в хитростях женских рукоделий, но видел разницу.

– Из Вешничей мы, – ответил тот парень. – Невеста нам по матери двоюродная сестра, вот мы на сговор и пришли. Сестра, иди сюда.

Светло-русые волосы и лицом парень был так похож на девушку, что всякий догадался бы – они не просто из одного рода, у них общий отец и общая мать. Потянув сестру за рукав, парень заставил ее отойти от Огнеяра и усадил на лавку. Утреч привычно сделал Огне-

яру вопросительный знак бровями – не увести ли как-нибудь строгого братца? Но Огнеяр не ответил.

– Э, да ты гусли принес! – воскликнул он, заметив гусли в руках у второго парня. – Давай сюда!

Взяв гусли, княжич бережно развернул кусок медвежьей шкуры и повернул их к огню, разглядывая резьбу, украшавшую верхнюю крышку. В гуслих он разбирался не хуже, чем в оружии, и мог на глаз определить, сколько им лет, в каком племени и даже в каком из Велесовых святилищ они сделаны.

Огнеяр не знал, какой жаркий спор разгорелся у Моховиков из-за его просьбы. Гусли эти хранились в роду уже шесть поколений и считались священным оберегом Моховиков. Давать такую вещь в руки чужаку, да еще, по слухам, и оборотню, было опасно. Но ведь он княжеского рода – к чему прикоснется, то счастливым сделает! А что оборотень – ведь самого Велеса сын, а песенный дар людскому роду дал Велес. Короче, Огнеяру принесли гусли, и почти все родовичи, кроме жениха с невестой, постепенно собрались в беседе послушать, как он на них сыграет.

Огнеяр устроился поудобнее, позвенел струнами на пробу, ненадолго призадумался, оглядел слушателей.

– Коли у вас сговор, я вам сговорную песню спою! – объявил он. – Может, и на свадьбу тогда позовете!

Моховики переглянулись, а Взимок беспокойно заерзал на месте. После второго намека не позвать княжича будет невежливо, а ведь боязно! Кто их знает, оборотней? Да и отроки его тоже, по всему видно, не промахи – нарожают девки после выводов волчат!

А Огнеяр глянул на девушку из Вешничей, глаза его блеснули в свете огня, и он запел:

*Козушка белоногая по горушке ходила,
Дразнила, подраживала она серого волка:
«Волчушко серенький, я тебя не боюсь,
Я тебя не боюсь, за тыном схоронюсь!»
Не разгадала да и козушка, что поутру будет:
Тын, как был, стоит, а козушки нет!*

Родня лисогорского жениха с удовольствием усмехалась, слушая, как сам княжич прославляет успех сватовства их парня. Моховики опять переглянулись: песня волка заставила их встревожиться о своих козочках. А Огнеяр уже запел новую песню:

*Ах, нынешня зима непогожлива была,
Непогожлива была, все метелица мела,
Завяела, занесла, все дорожки замела!
Ах, нету мне пути, как мне к ладушке пройти?
Я по лесу поскачу серым волком,
Через речку полечу ясным соколом,
Через тын перескачу горностаюшкой,
А на двор войду добрым молодцем!*

Забыв обо всем, хозяева слушали его, женщины не сводили с княжича глаз, теперь он им всем казался красавцем. Глубокий, низкий и при этом легкий голос лился, как широкая могучая река, завораживал, проникал прямо в сердце, минуя слух. Каждый из слушателей в себе самом ощущал любовь и стремление к любимому существу, неизмеримые силы, чтобы идти к нему. Эта любовь заполняла весь мир и наполняла жизненными соками, но где-то в

глубине ее слышалась тоска по несбыточной мечте – ведь Велесу, зимнему жениху прекрасной Лели-Весны, любовной тоски достаётся гораздо больше, чем краткой и обманчивой радости. Так мог петь только сын самого Велеса.

И больше всех им была очарована молоденькая девушка из рода Вешничей. Он смотрел на нее, пока пел, и она не отводила глаз, всем существом впитывая любовь, что обещала его песня. Слова ее девушка знала и раньше, но теперь саму себя ощутила богиней Лелей, вечно желанной для сумрачного Подземного Хозяина. Вода весенних ручьев потекла в ее жилах, весеннее солнце засверкало в очах. Прежде весь ее мир был ограничен своим займищем да несколькими соседними, родовыми угодьями, полями, ближним лесом и рекой, но он, чуроборский княжич и оборотень, вдруг раскрыл перед ней огромный мир, неоглядный по ширине и глубине. Сами очертания привычного мира дрожали, становились прозрачными. И сквозь них проглядывало совсем иное бытие – медленно дышащее, лишённое времени, лишённое четких границ и ограничений, но живое! Туда могут заглянуть только самые мудрые ведуньи и чародеи, но сейчас и она, простая девушка из рода Вешничей, видела эти миры, и не в воде гадательной чаши, а в глазах чуроборского оборотня. По рассказам она представляла его чудовищем, а на деле он оказался так прекрасен, что захватывало дух от одного его присутствия. Хотелось без конца смотреть ему в лицо, загадочное под пробегающими тенями от огня, слушать его волшебный голос. Он все это может – и серым волком, и ясным соколом, и добрым молодцем...

А что-то в глубине сознания настойчиво предостерегало: берегись, он – волк, никто не знает, что у него на уме и чего от него ждать. Он сам был как огонь – и согреет, и обожжет. Ведь недаром первый же поцелуй Велеса погружает Лелю в сон, схожий со смертью, – и не Велесу дано пробудить богиню-весну к новой жизни, а другому, совсем другому...

Огнеяр замолчал, звякнули в последний раз бронзовые струны и стихли, будто жалуясь, что никакая красота не может жить вечно. И в наступившей тишине ясно прозвучал где-то вдали волчий вой. Все вздрогнули, а Огнеяр сдвинул гусли с колен и мигом оказался на ногах, вскинул голову, прислушиваясь. Люди молчали, не мешая ему, тоже слушали, хотя не могли услышать то же, что и он. Далекий волчий вой разливался под небом, и в нем было что-то от воровбы только что отзвучавших песен.

– Это он, – хрипло сказал Огнеяр, словно боролся с желанием на вой ответить воем, и всех пробрала дрожь от его изменившегося голоса. Только что он был богом, а теперь в нем поднял голову зверь, и всем стало так жутко, будто перед очагом вдруг оказался настоящий косматый волк. – Это Белый Князь Волков. Он говорит, что этой зимой его охота – здесь.

– Как так – здесь? – Взмок первым опомнился и тревожно завертелся на месте. – Куда нам еще? У нас и так волков развелось – страсть! И так боимся – не то к войне, не то к мору повальному.

– Княжич наш ясный! – подала голос одна из женщин. – Ты бы оборонил нас от них!

Опомнившись, все наперебой стали просить Огнеяра защитить их от Князя Волков. Поверив в дружелюбие оборотня, все в нем увидели лучшую защиту.

Огнеяр молча выслушал просьбы, а потом резко затряс головой, так что пряди черных волос закрыли ему лицо.

– Поговорить – поговорю, – сказал он наконец. – А не захочет Князь Волков уйти – в драку не полезу. Я ему не указ.

Никто не ответил ему, уговоры прекратились. Отроки знали, что при всей своей любви к охоте Огнеяр не убил ни одного волка. А Моховики поняли: волк для Огнеяра зверь заповедный. Все равно что брат.

* * *

Вскоре Моховики разошлись, тот парень из Вешничей увел сестру, не дав ей даже оглянуться на Огнеяра. Гости улеглись спать. Огнеяр устроился возле самого очага, но долго не мог уснуть, ворочался, то и дело поднимался и подкидывал дров к огню. Вдали разливался волчий вой, и он ясно различал голос Князя Волков. Огнеяру не приходилось встречать старого Князя, хромого на переднюю правую лапу, но он не раз видел его следы и хорошо помнил его запах. Протяжным воем старый Князь оповещал всех, имеющих уши, что этой зимой он со своей стаей охотится над Белезенью, и горе тому, кто явится сюда без его позволения. Его предупреждения и угрозы не касались Огнеяра, рожденного человеком и живущего в человеческом облике, но внутри него медленно и неуклонно поднималось раздражение. Протяжный вой холодным сквозняком втягивался в уши, и Огнеяр сжимал зубы от подступающей злобы, вызов сам собой зарождался в его груди, рвался в горло. Хотелось выйти во двор, поднять голову к небу и ответить, сказать Хромому Князю, что он, Огнеяр Серебряный Волк, будет со своей Стаей охотиться там, где захочет, и угрозы старого хромого пса его не пугают.

Наверное, Князь тоже когда-то встречал его следы.

Промучившись какое-то время, Огнеяр встал и вышел из избы во двор. Накидку и плащ, которым укрывался, он оставил на полу, но холод его не пугал – внутри него самого жарко горел огонь, давший ему жизнь. Во дворе было темно и тихо, нигде не слышалось голосов, все окошки были задвинуты заслонками.

Займище спало, и в одной из этих тихих изб была и она – девушка из рода Вешничей. Спит она или слушает этот вой в лесу? При мысли о ней Огнеяру вдруг расхотелось выть – она испугается, пожалуй. Подумает, что он такой же зверь, как и старый хромоухий Князь Волков. А Огнеяру не хотелось, чтобы она так думала. Теплый человеческий мир ее серых глаз неожиданно приласкал его, и ему было жаль рушить это драгоценное ощущение.

Огнеяр сел на ступеньку крыльца, посмотрел в темное небо. Князь Волков все выл, приветствуя наступающую зиму. Его низкий вой навевал Огнеяру неприятные, тревожные мысли – чем еще зимние ловы Князя Волков и его стаи обернутся для окрестных родов? Все-таки по своей человеческой половине он принадлежал к роду дебрических князей, и благополучие племени было для него важно. Единственное, что могло бы толкнуть его на охотничью тропу Хромого Князя, – это угроза людям. Люди были его, Огнеяра, Стаей, и он никому не позволял ее обижать.

«Нет, хромоухий старик, сюда ты не сунешься, – думал Огнеяр, чутко прислушиваясь к далекому вою. – К жилью я тебя не пушу, не надейся». Правда, за Вешничей можно и не беспокоиться – у них в ельниках живет сам Князь Кабанов, а к его стаде не подступится даже Хромоухий.

Старый волк все выл, но Огнеяр встал со ступеньки и повернулся к двери. Пусть она не считает его зверем. Да и нечего злиться – молод еще на старого Князя зубы скалить. Князь Волков живет семь веков – а Огнеяр только первый век начал.

Удар обрушился, когда он шагнул через порог. Глядя под ноги, Огнеяр не успел ничего заметить и ощутил только, как холодный клинок скользнул по его груди против сердца и сорвался вбок, только прорвал рубаху. Зверь внутри него каждый миг готов был к защите, а далекий вой старого Князя обострил эту готовность. Для человека в сених было темно, но волчьи глаза Огнеяра ясно различали черную человеческую фигуру возле самого порога, беспомощную в первый миг после нанесенного удара. Этого мига Огнеяру было достаточно – извернувшись, он оказался за спиной у нападавшего и сильным ударом в голову отбросил его к стене. Черная фигура влетела в ряд бочонков и упала, что-то загрохотало и обрушилось. Огнеяр стоял, готовый встретить новый выпад, но его противник только дернулся и бессознательно застонал.

В истобке мгновенно послышалось движение, дверь резко скрипнула, в сени выскочили растрепанный Тополь, Утреч, Кречет, за ними лез кто-то еще, ругаясь, что его не пускают. Тополь первым увидел Огнеяра, и на его лице отразилось облегчение.

– Чего ты? – в досаде за напрасную тревогу воскликнул отрок. – Я слышу – грохочет в сенях, глядь – тебя нет. Чего ты тут буянишь?

Утреч огляделся с хитроватым видом – искал девушку. Но увидел лежащего у стены, и лицо его мигом переменялось. Огнеяр сам подошел к противнику, присел рядом и перевернул того лицом вверх. Тополь открыл дверь пошире, чтобы пропустить свет очага.

– Да отойдите вы, лешачьи дети! – крикнул он на отроков: возбужденно и тревожно гудя, те пытались через узкую дверь прорваться в темные сени и посмотреть, что случилось. – Дайте огня!

Из истобки ему в руки передали горящую смолистую ветку. Тополь опустил ее к лежащему. И все увидели парня с длинными волосами, в рубахе со знаками огня, как на них на всех. Лицо с закрытыми глазами все хорошо знали. В первый миг отроки онемели от изумления.

– Трещага! – воскликнул Утреч, опомнившийся первым, и поднял глаза на Огнеяра. – Да ты что? Что вы с ним не поделили? Ты его за кикимору, что ли, принял?

Огнеяр не ответил. Он сидел на корточках над Трещагой, закусив нижнюю губу, лицо его стало угрюмым и замкнутым.

– Э, глянь! – Кречет заметил возле порога блеск клинка, перегнулся через лежащего и поднял длинный охотничий нож с костяной рукояткой. Нож был Трещаги, и это тоже все знали.

– Он что – на тебя? – с недоумением спросил Утреч. Не в силах так сразу взять все в толк, он переводил растерянный взгляд с ножа в руке Кречета на лежащего Трещагу.

Огнеяр даже не кивнул в ответ, но и так было ясно, что Утреч не ошибся.

– Давай, тащи! – хмуро сказал Тополь, уже все понявший. Сунув кому-то в руки догорающую ветку, он взял Трещагу за плечи. – Не до утра же тут сидеть...

Трещагу перетасили в истобку и уложили на полу, огонь в очаге разожгли поярче. В беседе не смолкал гул возмущенных и удивленных голосов: Стая не могла взять в толк, как это один из них оказался таким подлецом и замыслил убить вожака. И как убить – исподтишка, безоружного.

– За сестру, что ли? – неуверенно предположил Ярец.

– За сестру! – презрительно воскликнул Кречет. – А он тут при чем? Девка – дура, а он опять виноват?

Как положено стае, Стая Огнеяра крепко стояла за своего вожака. Те, кто ему не верил, здесь не держались. А историю с сестрой Трещаги все хорошо помнили. Прошлой зимой однажды вечером она столкнулась с Огнеяром в темных сенях и выскочила оттуда как ошпаренная, стала кататься по полу в клету, биться об пол и кричать в беспомощности: «Волчий глаз, волчий глаз!» Сам Огнеяр был в том же недоумении, что и все, а девка ударила головой об угол ларя и затихла. После этого она повредила рассудком и целыми днями теперь сидела, тупо стуча пестом о дно ступы – с другой работой она не справлялась, – неумытая и нечесаная, а если кто-то из женщин подходил к ней с гребнем, она визжала, кусалась и замахивалась пестом. С приходом темноты, особенно осенью и зимой, она начинала беспокоиться, твердила про волчий глаз и не выходила из дома. И общая молва винила в ее помрачении Огнеяра. Мало ли чего он хотел с ней сделать в темных сенях? Кто их знает, оборотней?

– Да как же? – Другим отрокам это тоже не показалось убедительным. – Два года с нами, и ничего. А то вдруг – и с ножом! Может, он тоже того? – Кто-то со значением крутил пальцем возле лба.

– Что – сестра? – Кречет был больше всех возмущен предательством Трещаги. – Если думаешь, что виноват, – зови в поле на честный бой! А так – шею ему свернуть не жалко!

– Шею – не шею... – бормотал Искрен, внук чуроборского ведуна, сам понимающий в лечении. Он уже успел бегло осмотреть Трещагу и сидел возле него на корточках, задумчиво пощипывая маленькую светлую бородку. – А вот головой он здорово приложился. До утра нипочем не опомнится. А там, слышь, тоже про волчий глаз песню заведет.

Искрен невесело усмехнулся, заправляя за ухо длинную прядь.

– Собаке – собачья смерть, – проворчал Кречет.

– Да как же ты отбился? – Тополь заметил прорванную рубаху Огнеяра и тревожно сдвинул брови. – Искрен, ты бы лучше жоака посмотрел. Ты сам-то цел, Дивий?

– Цел, – коротко ответил Огнеяр, впервые после происшествия подав голос. От него ждали продолжения, и он усмехнулся. – Бобер глупый! Железо в огне куется, и меня батюшка Велес огнем отковал. Всякий нож – мне брат родной, и этот тоже бить не захотел, боком сорвался.

Огнеяр насмешливо прищурился. Его вдруг наполнило возбуждение, радостное удивление от сделанного открытия. Все сказанное пришло ему в голову только сейчас – раньше он только подозревал, что неуязвим для железа, но не был уверен, и то, что до сих пор ему удавалось избегать ран, относил за счет собственной ловкости и удачливости. Но сейчас все это не годилось. Удар Трещаги, сильный и хорошо рассчитанный, должен был убить его. Клинок шел прямо в сердце, но сорвался, хотя на Огнеяре была одна рубаха. Выходит, нож сам не захотел его бить!

– Ладно. – Огнеяр прошел к очагу, где на охапке соломы лежала его волчья накидка. – Погудели – и будет, не пчелы. Спать давайте.

Отроки стали опять укладываться. Лица их помрачнели, каждому было досадно и даже стыдно, как будто все они несли какую-то часть вины за предательство одного. Тополь велел по очереди присматривать за Трещагой, а сам всю ночь дремал одним глазом, охраняя княжича.

Но Огнеяр остаток ночи спал по-волчьи – задремлет на чуть-чуть, потом проснется, оглядится, и опять дремлет. Неприятное чувство от предательства Трещаги почти задавило в нем всю радость от сделанного открытия. Трещага не принадлежал к ближайшим друзьям Огнеяра, как Тополь или Кречет, но всю Стаю Огнеяр ощущал как продолжение себя самого, и обнаружить в ней предательство было для него то же самое, что найти на теле зловердный нарыв. Если человек, много лет дравшийся рядом с тобой и деливший с тобой хлеб, вдруг оказывается предателем – это больнее его смерти.

– Да спи ты! – не выдержав, шепотом прикрикнул на него Тополь.

– Больше среди нас таких нет! – проворчал Утреч, не открывая глаз.

* * *

Утром Огнеяр вышел из избы еще в сумерках. Моховики уже проснулись: из маленьких окошек тянулись серые струйки дыма, ворота были раскрыты, женщины и девицы шли через двор с ведрами на коромыслах. Огнеяр подошел к бочке возле крыльца, пробил тоненькую корочку льда, зачерпнул пригоршней воды и поднес к лицу.

– Давай я тебе полью! – вдруг услышал он рядом с собой нежный девичий голос.

Отняв ладони от лица, Огнеяр увидел вчерашнюю девушку из Вешничей, одетую в серый заячий полушубочек, покрытый простым серым сукном. Огнеяр смотрел на нее через мокрые волосы, упавшие на глаза, и молчал. И она молчала, не понимая, чему он так удивился.

– Как ты тихо подошла! – наконец сказал Огнеяр. – Я и не слышал!

– А ты всегда слышишь? – Теперь уже девушка удивилась, но тут же охнула про себя – вспомнила, кто он такой. Еще бы ему не слышать!

– Давай! – Огнеяр вспомнил, с чем она подошла. – Полей.

Девушка взяла деревянный ковшик, висевший на краю бочки, зачерпнула воды, стала выбирать из ковшика мелкие обломки льда. Пальцы ее порозовели от холода, кончик носа тоже, щеки разрумянились. Огнеяр взялся было за ворот рубахи, хотел снять, но вовремя передумал. Вот он нагнется, и она увидит полосу серой шерсти, бегущую вдоль его хребта от основания затылка до самого пояса. Ему уже слышался ее изумленный и испуганный крик, выдвинулось, как она отскочит, выронит ковшик, бросится бежать без памяти... Нет, он не хотел ее пугать. События прошедшей ночи обострили его воспоминания о помрачении сестры Трещаги, перед глазами стояло лицо несчастной, искаженное диким, бессмысленным ужасом. Нигде и никогда он не хотел бы увидеть подобное еще раз.

– Как тебя звать? – спросил Огнеяр, умывшись и утираясь рукавом.

Губы девушки сложились для ответа, но внезапно она сама себя остановила и сказала совсем другое.

– Незваной, – ответила она, как всегда отвечают тому, кому настоящего имени знать не надо. Все-таки она его боится.

А в общем, и правильно, умная девушка. Миновали те времена, когда род жил сам по себе, не зная никого из чужих, а все, кто не свой, тем самым считались не людьми, а лесной нечистью. Все давно изменилось, жен теперь берут только из других родов, ездят торговать, принимают у себя торговых гостей или княжских людей во время полюдья, но по древней привычке в каждом госте жители лесных займищ видят нечто опасное и даже потустороннее. А он, Огнеяр, эти опасения полностью оправдывает.

– Боишься меня? – прямо спросил он.

– Не... не знаю, – ответила девушка, отводя глаза. Она не хотела его обидеть, но не умела лгать. – Брат не велел...

– Что не велел?

– Говорить с тобой.

– А что же говоришь?

– Тоже не знаю.

Девушка подняла на него глаза и улыбнулась, как-то беспомощно и недоуменно, словно сама себе удивлялась. Огнеяр улыбнулся ей в ответ. Все-таки она совсем не такая, как бедная Толкуша, – она добрая, а добрые меньше пугаются и гораздо реже сходят с ума. Он не подумал о том, что в улыбке заметны два его верхних клыка, которые выдавались из ровного ряда белых зубов.

Девушка увидела это, и сердца коснулся холодной рукой страх. То нечеловеческое, что она вчера видела в лице княжича при отблесках огня, при свете дня выглядело по-другому, но не ушло.

Огнеяр увидел в ее глазах проблеск тревоги и понял, отчего это. Он перестал улыбаться, спрятал клыки. Также ему хотелось в этот миг спрятать в себе зверя, загнать его поглубже, запереть на замок, чтобы он не рычал и не скалил зубов, не выглядывал из глаз, чтобы остался только человек, тот парень, которого любит мать и могла бы полюбить эта девушка, похожая на хрустальное утро ранней осени. Раньше его забавляли испуганные взгляды людей, но сейчас ему впервые в жизни захотелось быть как все. Но нельзя выгнать вон часть самого себя. Под рубахой все равно останется серая волчья шерсть.

– Сестра! – закричал от крыльца соседней избы тот парень-Вешнич. – Иди сюда!

Девушка повернулась и бегом бросилась на зов. Огнеяр смотрел ей вслед, и зверь толкал его за ней, за этой козочкой, за серым зайчонком, которого так легко догнать. Но сейчас Огнеяру особенно хотелось быть человеком и только человеком. Приглаживая ладонью мокрые волосы, он пошел назад в беседу.

Отроки уже проснулись, заново раздули огонь, жевали остатки вчерашнего оленя и пирогов, в большой корчаге в очаге грелся отвар брусничных листьев. Трещага все так же лежал без памяти и был бледен, дышал часто. Видно, удар о бочонки оказался слишком силен.

– Споткнулся парень в сенах, – объяснял Искрен Моховикам. – Голову зашиб, пусть отлежится. Мы за ним после придем из Чуробора и вас за труды отблагодарим. Да смотрите за ним получше. Если рано поднимется и идти захочет – нипочем одного не пускайте, а ждите, пока от нас люди приедут.

Услышав это объяснение, Огнеяр одобрительно кивнул. Моховикам незачем знать, что один из его отроков хотел его убить. И отпускать его с глаз тоже совсем ни к чему.

Но это досадное происшествие вовсе не было поводом прерывать охоту. За утро Кречет и Тополь расспросили мужиков и узнали, что в ельниках и дубравах вокруг займища Вешничей гуляет множество кабанов. Эти земли, как Огнеяр и сам знал, были под покровительством Князя Кабанов, и его отпрыски расплодились безмерно. Туда и решили ехать.

Выводя коня, Огнеяр невольно шарил взглядом по крылечкам и по двору. Девушка и ее брат стояли возле соседней избы. Парень держал за руку светловолосую девушку-Моховушку, с которой вчера приходил в беседу, и что-то тихо говорил ей. Она слушала, опустив глаза, на лице ее был румянец радостного смущения.

– Вот вам и попугачики, княжич, – сказал Взимок. Старейшина был очень доволен, что опасный гость покидает род. – Брезь вам самые кабаньи места покажет. Вешничичи и рады будут – у них кабаны поля портят, а самим им не поохотиться – Князь Кабанов осерчает. Даже к нам, бывало, захаживают, репище попортили, да что поделать – против Сильного Зверя не пойдешь.

– Потому к вам Князь Волков и явился, что кабанов много, – отозвался Огнеяр. – Моли-тесь, чтобы кабанов побольше было. А то не хватит их стае на зиму – за скотину примется.

– Сохрани нас Велес!

Огнеяр подвел Похвиста к крыльцу, где стояла девушка, и позвал ее:

– Садись, козочка, довезу, коли нам по дороге.

Девушка попятилась, тревожно затеребила конец красной ленты в косе, оглянулась на брата. Ей и хотелось бы поехать с Огнеяром, он волновал ее и непонятно притягивал, но смутный страх не пускал. Сесть на его коня легко – да как знать, где потом слезешь? В голову лезли старые бабкины сказки о девицах, похищенных то вихрем, то орлом, то волком, который потом в лесу ударяется оземь и оказывается добрым молодцем... Все это было очень любопытно слушать, сидя в кругу сестер и братьев у родового очага, но примерить это на себя на самом деле...

Она вглядывалась в его лицо, словно пыталась в последний миг решить, верить ему или не верить. Огнеяр молчал, не уговаривал, и глаза его были в этот миг совсем человеческие. Важнее всего ему сейчас казалось, пойдет она к нему или не пойдет. Признает она его человеком или не признает?

Внезапно решившись, девушка шагнула с крыльца и протянула ему руки.

– Милава! – предостерегающе крикнул брат.

Огнеяр схватил ее за руки и радостно рассмеялся. Вот оно, ее имя! Брат больше ее самой о ней тревожился и сам же выдал.

Поняв оплошность, Брезь досадливо покраснел, но было поздно. Милава смущенно улыбалась, но не отнимала рук. Утреч подошел к Брезю сзади, шутливо толкнул в плечо и сунул в руки повод Трещагиного коня.

– Садись, человек добрый. Показывай дорогу. Не съедим мы вас, не бойся, пирогами наелись.

Моховики вокруг пересмеивались. Огнеяр подхватил Милаву на руки и посадил перед седлом. Она была такая легкая, не тяжелее зайчонка.

– А ну как укушу? – задорно спросил он, глядя на нее снизу вверх и не убирая рук.

– Ты же вчера обещал не кусаться, – с детским простодушием ответила она, но в глазах ее светилось девичье лукавство.

Мальчишки открыли ворота пошире, Огнеяр по обыкновению поехал первым, Стая потянулась за ним, провожаемая поклонами и прощальными напутствиями хозяев. Взмок даже пригласил заглядывать еще, если случится ехать мимо, – и тут же сам себе удивился и понадеялся, что княжич не расслышал. Но напрасно – слух у Огнеяра тоже был по-звериному чуткий.

Разворачивая коня вслед за вожаком, Тополь обернулся и быстро отыскал среди девушек Березку.

– Жди – в Макошину Неделю приеду за тобой! – крикнул он.

Березка насмешливо фыркнула в кулак. Но, смеясь, она знала, что и правда будет ждать. Красивый и разговорчивый отрок так понравился ей, словно самой Макошью был для нее назначен.

Брезь ехал впереди, показывая дорогу, но то и дело в беспокойстве оглядывался на сестру. Ему очень не нравилось то, что Милава поехала с княжичем-оборотнем, но поднимать шум, запрещать – и княжич обидится, да и люди смеяться будут. Сама Милава почти не поворачивалась к Огнеяру, смотрела на дорогу, а он нарочно заводил с ней разговор, вынуждая обернуться.

– Отчего же у вас так кабаны расплодились? – спрашивал он. – И сам Князь их поблизости живет?

– И Князь поблизости, – подтвердила девушка. – Он нашему роду помогает.

– Хорошо помогает – я слышал, все поля попортил! – усмехнулся Огнеяр. Девушка метнула на него обиженный взгляд: чего он явился бранить Сильного Зверя, покровителя здешних мест? – А вы ведь ему еще и жертвы приносите?

– Приносим. Репу, капусту, горох, всякий овощ.

– А головы человечьи?

– Да что ты! – Милава оглянулась на Огнеяра почти с ужасом. – И не слышали даже о таком. У него же Хозяйка есть – ведунья наша, Елова.

– А что – не жертва? Она к нему в ельник когда ушла?

– Давно, я и не помню. Меня еще и на свете не было.

– Видно, молодая была, как ты, да?

– Да, наверное. Но это очень давно было. Она теперь совсем старая, седая вся.

Огнеяр помолчал. Он знал, что седая ведунья, живущая под покровительством Лесного Князя, необязательно очень стара годами.

– А был бы я Лесной Князь – хотела бы ты моей Хозяйкой быть? – не удержавшись, спросил он, наклонившись сзади к самому ее уху.

– Да что ты! – почти с негодованьем воскликнула Милава. Такой разговор казался ей и бессмысленным, и опасным – у Леса тысяча ушей и тысяча глаз, его не следует раздражать пустой болтовней о важных вещах. – Лесные Князья – звери, – все же пробормотала она, смущенная необходимостью говорить княжичу то, что знают и малые дети.

– А я кто же, по-твоему? – задорно спросил Огнеяр.

Милава обернулась, взглянула в его весело блестящие темные глаза и поспешно отвернулась, будто обожглась. Она не знала, что ответить, в ее сознании образ Огнеяра был нечетким, колебался, как отражение в подвижной воде. Или как пламя.

– Ты не годишься, – коротко ответила она, и Огнеяр чувствовал, что она дрожит.

«Не годишься!» Огнеяр усмехнулся, но ничего не ответил. По правде говоря, он и сам почти не задумывался о том, на что годится. И сам с трудом мог бы определить, кто он такой. В нем жили два – или больше – разных существа, и мир его был неоднозначным. За тонкой

пленкой внешнего бытия он видел его изнанку – все равно что видеть сразу и берег реки, и ее дно за толщей бегущей воды. Только где оно, это дно мира?

На левом запястье Милавы Огнеяр заметил полоску чеканного обручья из дешевого серебра, какие сотнями делают сереброкузнецы Чуробора и продают на торгу прямо из ларя. Плохое серебро быстро темнеет, но обручье Милавы было еще светлым, видно, его изготовили совсем недавно. Не раньше жатвенных торгов этой осени. Оно означало, что девушка выдержала испытания по домашним и полевым женским работам, вступила в круг взрослых невест и теперь вольна выбирать себе жениха. Огнеяру было приятно увидеть у нее невестино обручье – знак воли и никому еще не отданной любви. Он взял руку Милавы и приподнял, словно хотел разглядеть украшение получше, но девушка боязливо отняла руку. Огнеяр усмехнулся.

– Отчего же не хочешь показать? – спросил он, обращаясь к затылку отвернувшейся Милавы. – Может, я его у тебя попрошу?

– Глупостей-то не болтай! – сурово, даже с легкой обидой ответила Милава. Уж не за дурочку ли он ее считает? – Ты – княжич, тебе надо на княжне жениться.

– На княжне? – Огнеяр насмешливо свистнул. – Да я в жизни ни одной княжны не видал, не знаю, какие они и бывают-то.

– Ну, на боярской дочери, – не сдавалась Милава. – Или на воеводской.

– А воеводские дочери меня боятся. Говорят, не человек я.

Милава обернулась и посмотрела наконец ему в лицо. Огнеяр старался сохранить веселый вид, но это оказалось нелегко. В самое сердце его вдруг уколола тревога – а вдруг она сейчас скажет, что тоже боится его?

А Милава смотрела ему в глаза, как будто старалась заглянуть поглубже и понять, правда ли это все. Взгляд Огнеяра показался ей напряженным, он не вязался с веселым голосом, и в глазах его была тревога. Милаве вдруг стало жалко его – кто он ни есть на самом деле, а живется ему, как видно, нелегко.

Ничего не решив, Милава опустила глаза, а потом сама поднесла руку к руке Огнеяра, державшую поводья, и прикоснулась к ней обручем. Огнеяр усмехнулся – он понял ее. Его собственные серебряные браслеты, бляшки пояса, оклады оружия всю жизнь помогали ему убедить окружающих, что он не принадлежит к нечисти, боящейся серебра. Он – оборотень, но не зверь в человеческом теле, а бог!

– А мои-то – или не видишь? – Он улыбнулся и встряхнул рукой, показывая тяжелый, старинной работы – из ларей деда Гордеслава – браслет.

– Вижу. – Милава сама была смущена своей проверкой. – Твои-то – я не знаю какие, а мой – настоящий, из чистого серебра.

– Так не будешь меня бояться? – тихо и весело спросил Огнеяр, чувствуя, что еще немного – и последний лед между ними будет сломан.

– Не буду.

Милава подняла глаза к его лицу и наконец-то улыбнулась. Видно было, что ее саму радует это решение. Огнеяру хотелось смеяться: вместо багрового Подземного Пламени в нем вдруг вспыхнула яркая невесомая радуга. Милава отчаянно нравилась ему, и небывалым, неожиданным счастьем казалось то, что она признала его человеком. Поверила ему. Среди зябкой осени она была ярким, свежим весенним цветком, и в самое сердце Огнеяра вдруг повеяло весной.

Но путь оказался недолгим, Брезь впереди уже придержал коня и ждал на перекрестье набитых троп, пока подтянутся все чуроборцы. Одна тропа отсюда вела прямо к займищу Вешничей, а вторая ввела к берегу Белезени, к охотничьим угольям.

– Вам туда, княжич! – завидев подъезжающего Огнеяра, Брезь махнул рукой к реке. – Спасибо за коня, нам теперь в другую сторону.

Огнеяр соскочил на землю и снял Милаву с коня, не дожидаясь, пока подойдет ее брат. На прощание она как будто искала его взгляда, словно хотела еще что-то спросить, сказать, но, ступив на землю, молча отвернулась и пошла навстречу Брезю.

– Спасибо и вам, что путь указали, – безучастно ответил парню Огнеяр, с трудом оторвав взгляд от Милавы.

Ему вдруг стало скучно, предстоящий лов утратил привлекательность. Но, не желая этого показывать, он отвернулся и вскочил в седло.

Попрощавшись, брат и сестра пошли прочь по тропинке, а отряд из трех десятков всадников стоял неподвижно. Огнеяр смотрел вслед удаляющейся девушке, так похожей на зайчонка в своем сером полушубочке, и совсем не думал о кабанах. Чего ему еще искать, кого ловить? Ему вдруг показалось, что на всем свете нет дорожки и желаннее добычи, чем эта невысокая сероглазая девушка с тяжелой светло-русой косой; она удалялась, а ему вдруг стало неуютно, словно с ней уходило от него что-то очень хорошее, незаменимое. Что-то хорошее в нем самом, разбуженное ее приветливым взглядом, чего и сам он еще не понимал.

Тряхнув волосами, Огнеяр развернул коня и поскакал в обход ельника, высматривая следы. Хватит Ладе над ним потешаться, он не за тем ехал. В стылом воздухе Огнеяр чуял запах кабанов, наевшихся за ночь и устроившихся на дневную лежку где-то неподалеку. Стая растянулась вслед за ним, а Тополь догнал Огнеяра.

– А зря мы Трещагу там бросили, – сказал он на скаку. – Надо бы сразу порасспросить. Не верю я, чтобы он за сестру больше года зло таил и молчал. С тех пор двадцать раз мог бы попытаться.

– И двадцать раз шею свернуть! – бросил Кречет, расслышав его слова.

Огнеяр не ответил, но слова Тополя напомнили ему о том, о чем он не забыл бы и сам, если бы не девушка. Видит Мудрый Велес, ему и без нее есть о чем тревожиться!

Заметив наконец свежие следы, Огнеяр пересчитал их взглядом – где-то в ельнике устроились на лежку две взрослые свиньи с шестью подросшими поросятами и молодой кабан. Взмахом руки он послал отроков в обход ельника, оставшиеся спешили, стали привязывать лошадей, готовить рогадины.

– А ты чего хотел? – вдруг ответил Огнеяр на последние слова Тополя, когда больше никого рядом с ними не осталось. – О чем его спросить? Что князь-батюшка на меня нож наточил? Это я и сам знаю!

В голосе его были злоба и горечь. И даже Тополь, хорошо его знавший, не понял, кто говорит сейчас в Огнеяре – человек ли, зверь ли?

* * *

Поздно ночью у ворот Чуробора раздался знакомый вой трех десятков голосов. Стая вернулась с охоты. Она не стала бы так вить, если бы потеряла вожака. Но она его не потеряла. Издалека, через весь посад и детинец, сквозь плотно задвинутые заслонки окон, сквозь толстые бревенчатые стены терема князь Неизмир различал в хоре Стаи голос Огнеяра. В последние года мало выезжая из Чуробора, Неизмир научился отличать зяблика от зимородка, но голос Огнеяра узнал бы среди сотни волчьих голосов.

Княгиня Добровзора тоже его узнала – ее слух был обострен материнской любовью так же сильно, как у ее мужа – ненавистью и боязнью. Мигом приподнявшись, она поспешно выбралась из-под теплого беличьего одеяла, стала натягивать верхнюю рубаху, зовя санных девок.

– Куда ты, не ходи! – пытался остановить ее Неизмир, но больше ничем не выдал своего разочарования. – Завтра бы повидалась, никуда за ночь не денется твое сокровище...

Однако княгиня его не слушала, а вбежавшие девки уже подбирали ей волосы под повой, подали черевьи, тащили шубу. Княгиня порывалась бежать, мешала девкам одевать ее, стре-

мясь скорее встретить сына. Сама не зная почему, она беспокоилась о нем все эти десять дней, и в этот раз его отлучка показалась ей особенно долгой. Не надев даже шубу в рукава, а просто запахнув ее и придерживая на груди, она с девичьей стремительностью вылетела из теплой опочивальни. Обе девки побежали за ней, возбужденно стрекоча. Из плохо прикрытой двери на князя потянуло холодом. Он встал и тоже стал одеваться, медленно, будто нехотя. Провожал – придется и встречать.

Княгиня уже стояла на крыльце, когда ворота двора отворились, впуская Стаю. Выбежавшая челядь светила факелами, и Добровзора сразу увидела сына, влетевшего первым, как всегда. Огнеяр тоже увидел мать и мгновенно скатился с седла.

– Мама! – с детским ликованьем крикнул он и взлетел на крыльцо. Княгиня обняла его, прижала к себе его голову с холодными от ветра густыми волосами, пахнувшими лесом и дымом костров.

– Волчонок мой! – нежно прошептала она, целуя его горячий лоб. – Что же ты долго в этот раз!

– Разве долго? – с радостной беспечностью отвечал Огнеяр. – Всего ничего! Сказал – к первому снегу, так даже раньше обернулся!

Не выпуская мать из объятий, Огнеяр поднял голову. Князь Неизмир стоял на забороле стены, окружавшей княжий двор, и смотрел на них. И даже издали князю почудился злобный красный блеск в глазах Огнеяра. Он вернулся. И он все знает, Неизмир был уверен в этом. Трещагу Неизмир даже не искал среди Стаи, понимая, что в случае неудачи тому не уйти живым. Провожая их в лес, князь знал, что одного из них он видит в последний раз. И пока Морена взяла не того.

На дворе стоял гомон, неприличный позднему часу, но Дивий все переворачивал вверх дном. Челядь вела коней в конюшню, волокла к хоромам двух туров, забитых в последний день, отроки шумной гурьбой устремились в гридницу, требуя еды и пива.

Огнеяр увел мать. Один князь Неизмир остался стоять на забороле, глядя, как челядь затворяет на ночь ворота, как постепенно стихает суета. Гридница, напротив, осветилась, до заборолы стали долетать звуки шумного пиршества. Неизмиру было холодно, но он не мог заставить себя вернуться в хоромы, глянуть в лицо пасынку. Князь не ждал гласного обвинения – едва ли Трещага успел рассказать о его участии. Но этот тяжелый, звериный взгляд с тлеющей в глубине зрачка красной искрой... Не диво, что Толкуша сошла с ума, заглянув в эти глаза.

Кутаясь в плащ, Неизмир медленным шагом спустился с заборолы и по стылым переходам направился назад в опочивальню. Идти через гридницу было необязательно, но и из сеней он ясно различал крики и хохот Огнеяровых отроков, голос самого пасынка, отвечающий на неслышные отсюда расспросы Добровзоры. Теперь они еще долго не угомонятся. И не сегодня, так завтра, но ему придется встретиться с оборотнем лицом к лицу.

Неизмир вошел в опочивальню, с облегчением закрыл дверь, хотя бы до утра отрезавшую его от пасынка. Здесь было тепло, сухие березовые дрова в маленькой глиняной печке горели почти без дыма. А возле печи сидела на краю скамьи темная человеческая фигура. От неожиданности Неизмир вздрогнул, но тут же узнал ночного гостя.

– Ты, Двоеум! – с досадой и облегчением воскликнул он. Из-за проклятого оборотня он скоро будет бояться собственной тени, а потом засядет нечесаным над ступой и будет твердить про волчий глаз! – Чего ты притащился на ночь глядя!

– Да ведь ты звал меня, я и пришел, – спокойно ответил чародей.

На вид ему было лет пятьдесят, но за те двадцать лет, что он прожил на княжьем дворе после рождения Огнеяра, Двоеум нисколько не изменился, и князь даже не задумывался, сколько тому лет на самом деле. У чародея были серые пронизательные глаза под изогнутыми бровями, в темной бороде белели две полоски седины вокруг рта, словно усы, длинные русые волосы падали на плечи, на неизменную темную рубаху со множеством обвергов на поясе.

– Я тебя не звал, – с глухим недовольством ответил князь. Сейчас он чувствовал себя побежденным и ни с кем не хотел говорить. И неудачи, и редкие радости своей жизни он предпочитал переживать в одиночестве.

– Не звал, так хотел позвать. Садись, княже, на забороле настоялся, – невозмутимо пригласил чародей, словно сам был здесь хозяином.

Князь сел на край взбитой лежанки, все еще кутаясь в плащ. За прошедшие годы он привык к способности Двоеума угадывать мысли и желания, но порой она пугала и раздражала его. Чародей легко заглядывал в душу и видел то, что князь предпочитал скрывать ото всех. И сейчас он пришел, потому что тоже понял его поражение. Женщина на его месте обязательно сказала бы: «Я тебя предупредила».

– Убедился? – примерно так же сказал и чародей. Он не смотрел на Неизмира, а слегка пошевеливал веточкой в огне, наблюдая за ее горящим кончиком. – Всякое железо из руды добыто, а железная руда – кровь самого Змея, Перуном пролитая. Велесовой кровью Велесова сына убить нельзя, вот его никакое оружие и не возьмет.

– Что же делать? – глухо отозвался князь и вдруг быстро заговорил: – Не могу я в одном доме жить с оборотнем проклятым! Волчонку двадцатый год кончается, было и моложе немало князей! А он внук Гордеслава, он в Чуроборе – законный князь! Была бы дочь, тогда бы еще другое дело... Светел мой... А раз он один, то... Думаешь, он не знает? Кому же он первому глотку перервет, как не мне? Что же мне теперь – дожидаться?

Двоеум молчал, давая ему выговориться и не обращая внимания на путаную невнятность речи – чародей и сам знал все, что князь хотел ему сказать. Опасения Неизмира его мало волновали. Конечно, у князя не идут из головы мысли о том, кому передать престол. Может быть, новым чуроборским князем и станет со временем Огнеяр, а может, и нет. Это совсем не важно. Он рожден вовсе не для того, чтобы делить власть над одним из многочисленных говорлинских племен, живущих по берегам Истира. Он рожден совсем для другого. И все попытки истребить его, пока он не исполнил своего предназначения, заранее обречены.

Но Неизмиру этого не объяснишь. Его судьба теснейшим образом связана с судьбой Огнеяра и от нее зависит – ведь если бы не рождение оборотня, сам Неизмир не стал бы мужем Добровзоры. Но об этом он и слушать не станет. Каждый склонен считать себя избранником, на которого устремлены взгляды богов, ради которого гремят грозы и реки выходят из берегов. Так пусть Неизмир идет своей дорогой. А от судьбы не уходит никто – ни князя, ни оборотни, ни даже сами боги.

– Так что же делать с ним, если его оружие не берет? – прервал молчание Неизмир, отдышавшись после своей горячей речи. – Бронзовый, что ли, нож на него готовить? Что родилось, то когда-то умереть должно. Ты, чародей, все знаешь – сыщи погибель оборотню, я тебе ничего не пожалею. Хоть на краю света, на дубу, в зайце, в утке да в яйце железном, а должна она быть!

– Зачем так далеко искать? Я спрашивал Огонь и Воду, – неспешно заговорил Двоеум, помешивая веточкой в огне. – И поведали мне Дающие Жизнь одну тайну земную. Есть на свете только одно оружие, которым можно Волка нашего убить. Есть в землях дебричей рогатина, имя ей – Оборотнева Смерть. Откована она была в давние времена, и железо было не из болотной руды добыто, а с неба упало. Из кузни самого Сварога выпало оно, Велес его не сотворял, потому может сия рогатина убить Велесова сына.

– Где же она? – нетерпеливо спросил Неизмир, жадно слушавший неторопливую речь чародея.

– Сказала мне Вода, что Светлая Белезень видела эту рогатину. А где – не знаю. Владеет ею один из дебрических родов. Имени его я не ведаю. Ищи, княже. Коли судьба – найдешь Оборотневу Смерть.

Князь отчасти успокоился и стал снова ложиться спать, Двоеум ушел. Измученному тревогами Неизмиру он подарил надежду, но сам не ждал от своего совета большой пользы. Чтобы

убить сына бога, простых человеческих сил мало. Мудрый чародей неплохо знал все те струны вселенной, на которых играет рука судьбы. У Велеса есть в мире один настоящий противник. И у Велесова сына тоже должен быть такой. И это – совсем не князь Неизмир.

Глава 2

В день, когда выпал первый снег, парни Вешничей собрались на посиделки к Моховикам. Настоящие посиделки, с песнями, игрищами и договорами о сватовстве, начнутся только на Макошиной Неделе, до которой оставалось еще дней десять, но молодежи не терпелось, и стайки парней уже ходили от одного рода до другого, чинили крыши и очаги в старых беседах, где требовалось.

Милава увязалась за братом. Девушкам Вешничей тоже не пришлось бы скучать – к себе они ждали Боровиков, – но Милава сказала матери, что идет помогать Малинке шить приданое. Малинка и правда торопилась, шитья было много, а Милава дружила с двоюродной сестрой, и ее желание никого не удивило.

– Посмотри там! – Старшая сестра, Спорина, украдкой подмигнула ей на Брезя, которому мать чесала голову, разбирая светло-русые кудри на ровный пробор. – Потом расскажешь!

Милава знала, о чем речь, и улыбнулась. Брезю девятнадцатый год пошел – давно пора жениться, и вот, дай Макошь счастья, наконец присмотрел невесту.

Но было еще одно, что тянуло Милаву к Моховикам. До сих пор ее не оставляли мысли об Огнеяре. Его лицо, его темно-карие глаза с большими, нечеловеческими зрачками стояли перед ее взором как наяву, и даже теперь, через десять дней, ее пробирала тихая горячая дрожь при одной мысли о нем. Ей хотелось снова оказаться в беседе Моховиков, где она увидела его, посидеть возле очага, где сидел он. Заслышав в лесу волчий вой, она сразу думала о нем. Сама себя она упрекала в глупости – княжич, да еще оборотень, о нем ли думать девице на первой зиме, когда стала считаться в невестах! Разве он ей жених? Больше глупости век не слыхала! Но все другие парни теперь казались Милаве скучными, и ни красавец Капельник из Черничников, по которому сохли все девки в окрестных родах, ни Свирель-Бортник с его песнями и байками не смогли бы задержать ее дома, когда братья пошли к Моховикам. Но никому-никому Милава не признавалась в истинной причине своего стремления туда. Скажут ведь, что с ума сошла девка. И будут правы!

Семеро парней и Милава шли через лес, холодный и неприятный в это время, покинутый листвой, но не прикрытый снегом – вроде необряженного покойника, хотя и стыд так думать о защитнике и кормильце. Намокшие палые листья, побуревшие за время дождей, тяжело цеплялись за ноги, меж стволов было видно далеко, а в глубине леса прятались черные тени. И лучше туда не смотреть – нечисть выползет на живой взгляд.

В поле было еще хуже – голая земля, открытая всем семидесяти ветрам, нагоняла чувство тоски и бесприютности. Милава мерзла, куталась в плащ и не могла дождаться, когда же впереди покажется дубрава, укрывающая тын Моховиков. Осенние ранние сумерки быстро сгущались, небо было глухо затянуто тучами, стал накрапывать дождик. Парни нахлобучили шапки на глаза и прибавили шаг.

– Поспеваешь? – Брезь взял Милаву за руку и сжал в теплой ладони. – Э, рука холодная какая! Смотри, замуж никто не возьмет!²

– Пока придет пора – отогреюсь! – отшутилась Милава. Этой зимой она не ждала сватов: пока еще женихи к ней присмотрятся на посиделках, пока ведуны посчитают, с кем она не в родстве на семь колен³, – и два года просидеть можно!

Несмотря на холод и дождь, Брезь был весел. Дорога к Моховикам уже пять месяцев казалась ему радужным мостом к счастью – там жила Горлинка. С тех пор как он заметил ее в хороводах Ярилина дня, других девушек для него просто не было, зато она одна собрала в себе красоту, доброту и прилежание всех. Ее мягкие косы и голубые глаза были для него милее всего на свете. Только ее он желал увидеть матерью своих детей и ждал только Макошиной Недели, чтобы спросить, желает ли того же и она. И в сердце Брезь знал – желает. С того самого хоровода Горлинка отвечала улыбкой на его взгляд, была приветлива при встречах, и он верил, что и сейчас она ждет его. Только одно его смущало – не оказаться бы им родней. Моховики и Вешнички были в давней дружбе и часто роднились, а всю родню в семи поколениях в голове не удержать, это только ведуны и могут. Только бы не это – и тогда его свадьба будет первой этой зимой в роду Вешничей.

Дождь пошел сильнее. Сумерки и влага бродили по полю, собирались серым маревом между небом и землей, сгущались то там, то здесь, из оврагов ползли угрюмые тени. Милава крепче вцепилась в руку брата: холод, тьма, сырость навевали страх, внушали чувство, будто поблизости бродит опасное и злобное существо. Теплая беседа с ярким огнем в очаге уже казалась недостижимым счастьем, и Милава шурилась, всматривалась в серую пелену, старалась скорее увидеть впереди дубраву. И нечего думать по такому ужасу идти обратно, надо будет у Моховиков ночевать.

В стороне от дороги, в поле, ей почудилось какое-то движение. Милава взгляделась, но не могла понять, то ли посреди поля шевелится живое существо, то ли маются тени дождя. Потянув Брезя за руку, она показала ему туда.

– Мряка ходит, – тихо ответил ей брат. – Не смотри туда, а то расти начнет и все небо закроет. Чуры добрые, сберегите нас!

Мряку заметили и другие братья. Осеняясь знаком огня, они снова прибавили шаг, почти побежали. А Мряка не отставал: двигаясь по полю вдоль дороги, он постепенно приближался, все рос и рос, и вот уже серое облако приняло очертания человеческой фигуры.

Тут Милаве стало по-настоящему страшно: она спряталась за Брезя и на ходу выглядывала из-за него. Чтобы поспеть за братьями, ей приходилось почти бежать, ноги ее скользили на мокрой грязи, платок сбился на затылок, по лицу текли холодные капли дождя.

– Братцы! Упырь! – вдруг закричал старший из братьев, Заренец.

Милава посмотрела еще раз и вскрикнула. В двух десятках шагов от дороги по полю скакало перепачканное землей и грязью существо, покрытое лохмотьями грязной шкуры, то ли надетой, то ли облезающей с тела, с растрепанными волосами, почти закрывшими лицо, а из-под волос дурным огнем горели глаза. Упырь облизывался длинным красным языком и скалил зубы с выступающими верхними клыками, грязь у него под ногами чмокала, и сам он чмокал широким ртом. Проваливаясь в кротовые норы, скользя на мокрой неровной земле, упырь шатался, нелепо размахивал лохматыми руками и ногами, но двигался очень быстро и приближался к дороге. Его бессмысленные горящие глаза смотрели прямо на людей.

Милава хотела закричать, но сама зажала себе рот, закусив губу. Может быть, упырь еще не чувствует их, а она привлечет его своим криком. Ветер был в их сторону, и в холодном потоке

² Намек на некоторые народные обряды выбора невесты, где преимущество имела девушка, у которой руки без варежек на холоде остаются теплыми.

³ По древнерусским нормам брак разрешался в том случае, если родство было в семь поколений и дальше. Считали цепочку до общего предка, то есть троюродные брат и сестра пожениться еще не могли, а четвероюродным уже брак разрешался.

явственно слышался запах плесени. Побледневший Брезь одной рукой крепче обнял сестру, а второй выхватил нож из ножен на поясе. Но чем здесь поможет простой нож? Упырь тем и страшен, что он уже перешел смертную черту и вернулся, не принятый миром мертвых, его не возьмет простое оружие. Он был мертв и холоден, как камни, но двигался и грозил живым, хотел выпить из них тепло жизни, не полной мерой отмеренное ему. Но его это не оживит и не согреет, а живых утащит за ним во тьму и холод Кошного Навьего владения.

– Бегом, братцы! – севшим от страха голосом прохрипел Заренец, не стыдясь своего испуга. Лучше волк, лучше медведь-шатун, чем упырь! – Бегом, он чует нас! Дед, помоги!

Вешничи припустились бегом. Брезь ташил за руку Милаву, она скользила по грязи и чуть не падала, дрожа от страха, собственная промокшая коса тяжело била ее по спине и подгоняла: беги, беги, уноси ноги! Задыхаясь, Милава жадно ловила открытым ртом холодный ветер, горло ее заболело, в груди теснило, в боку кололо, ноги были как деревянные, а ледящий ужас гнал и гнал вперед.

– Не оглядывайтесь! – хрипел Заренец. – Деда зовите – может, отстанет!

Но парни все равно оглядывались – иначе казалось, что вот-вот ледяные лапы с медвежьей силой вопьются в плечи. Забыв все обереги и заговоры, братья бежали во весь дух, едва не падая, и даже самому смелому хотелось забыть науку остороженья и по-детски звать маму.

Вот и дубрава; спасение было близко. Издалека стали долетать грохот и звон железа, крики, через оголенную дубраву замелькали огни. Упырь отстал, убоявшись то ли Перуновых деревьев, то ли шума и огня. В воротах займища стояло с десятков человек, мужики и парни гремели железом, размахивали факелами, кричали, лаяли собаки. Мокрые от дождя и пота, запыхавшиеся Вешничи из последних сил вбежали во двор, и ворота сразу же закрылись за ними.

– Видели? Где он? Не тронул? – Со всех сторон посыпались возбужденные вопросы, хотя ответы были ясны и так.

– Там! В поле отстал! Здоровый, Мороков сын! Ух, чуть не дух вон, как бежали! Уж думали – сожрет! А клыки-то! Ой, чуры добрые! – едва дыша, отвечали Вешничи.

Милава молчала, хватая воздух ртом, всей тяжестью повиснув на плече Брезя – ее не держали ноги. К ней подбежали Малинка с наброшенным на голову отцовским плащом и Горлинка, оторвали от брата, с возгласами потащили в избу вытираться, переодеться и сохнуть. Парню что – отряхнулся и здоров, а девке простыть – смерть.

Гостей отвели в беседу, где уже ярко горел огонь в очаге. За прошедшие дни сюда натаскали целые вороха обтрепанного, но нечесаного льна, теперь он был навален на полу серыми рыхлыми грудками, и из-за него в просторной беседе казалось тесно. Сюда же собрались женщины и девушки, которым не терпелось послушать про упыря. Стянув мокрую одежду, Вешничи расселись вокруг огня, девушки заварили им брусничных листьев, развели отвар медом, принесли пирогов, каши, блинов. Обогревшись и наевшись, Вешничи повеселели и стали рассказывать про встречу с упырем.

– И откуда только взялся? – удивлялись гости. – Уж сколько лет у нас упырей не видали! Я вовсе сроду ни одного не видал!

– Вот и повидал! – ответила Березка Встреню, младшему брату Заренца. – Нам его гости чуроборские оставили.

– Да ну?

– А вот так! Наутро, как стали они собираться, отрок один у них больным оказался. Говорили, что через порог ночью спотыкнулся да голову сильно зашиб. Так и лежал без памяти. Что-то темнят гости, мы еще тогда подумали. С чего бы ему голову зашибать? Обещали после за ним прислать, да вот...

– Не прислали?

– Приезжали тут трое. Да он их не дождался – помер. Два дня у нас полежал да и помер.

– Так и не опомнился?

– Не опомнился. Все стонал, метался, как в горячке, а чело холодное, да все бормотал: «Волчий глаз, волчий глаз!»

– Волчий глаз? – Заренец удивленно почесал лоб. – Про что это он? Не волк же к вам ночью через тын заскочил.

– Зачем через тын? Сами пустили, в ворота. Мы так думаем, тут без княжича ихнего не обошлось. – Березка тревожно огляделась и заговорила шепотом: – Волк-то – он и есть!

В истобку вошла Милава, переодетая в две сухие рубахи Горлинки и обутая по-новому. С ней шли Горлинка и Малинка с толстыми свертками льняного полотна. На свадьбе невесте придется всех родовичей жениха одарить рушником, платком, рубахой, рукавицами, кушаком, а ведь Лисогоров без малого полсотни человек! Поэтому Малинка радовалась, что Милава пришла помочь ей.

Ступив за порог, Горлинка сразу отыскала глазами Брезю. От стараний матери, расчесавшей ему голову, не осталось и следа, мокрые волосы медленно сохли, рубаха на плечах тоже была влажной, но Брезь обо всем забыл. Он увидел Горлинку, а ради этого стоило идти по любой непогоде хоть через десяток упырей. Горлинка незаметно подошла и села рядом с ним, хотела что-то сказать, но только положила руку на плечо Брезю и прижалась к нему лбом. Она так боялась за него, зная, что Вешничам идти в сумерках мимо упыря! Брезь обнял ее и прижался лицом к ее волосам, тонко пахнущим ромашкой. И пусть все смотрят – уже неважно.

Но на них никто не смотрел – всех занимал упырь.

– Хоронить-то его огнем дед Взимок не велел, говорит, дурной смертью помер, Огонь обидится, – рассказывала меж тем Березка. – Отволокли его на глухую поляну к Белезени да там зарыли. А он на другую ночь и вышел.

– Что же вы сразу его колом не проткнули?

– Над могилой костер жгли, думали, до завтра не выпустит, а там мы хотели Елову позвать, а ее дома не случилось. Не ждать же было, чтобы он тут лежал!

– Вот и поспешили!

– А ты хотел, чтобы он у нас на займище лежал, чтобы встал ночью и всех нас загрыз? Сам-то думаешь, полено дубовое, что говоришь?

– Сама полено!

– Это все оборотень виноват, сглазил его. Теперь каждую ночь под тыном зубы скалит. Двух собак загрыз у нас. Вот оно как, оборотней в гости пускать!

– Да правда ли он оборотень? – усомнился Встрень. – Может, одна бабья болтовня?

– Ничего не болтовня! – убежденно возразила Березка. – Я у Тополя спрашивала, правда ли. Он говорит – правда, как есть оборотень. А Тополь с ним всю жизнь живет, с малых лет его знает и сам видал, как княжич в волка превращался!

– Да ну! – Один из парней-Моховиков недоверчиво махнул рукой. – Видел я, как ты с тем отроком... Тут и не то соврешь, когда с девкой...

– Да уж ты по себе знаешь! – накинулась на брата Березка.

Пока все говорили об упырях и оборотнях, Милава и Малинка пошли к столу и раскатали лен, принялись отмеривать будущие полотенца. Уловив имя Огнеяра, Милава стала прислушиваться, как вдруг кто-то позвал ее.

– У своей же сестры бы и спросил, кто он такой! – говорила Березка Заренцу. – Он с ней больше всех водился!

Все обернулись к Милаве. Она почувствовала, что краснеет от досады. Ее и дома донимали расспросами об Огнеяре, и ей это было неприятно.

– Не знаю я ничего! – с обидой отозвалась она. – Вы все его видели не хуже моего!

К ней торопливо подседа одна молодушка родом из Черничников, которые далеко славились своим многочисленным и вредным бабьем.

– Да ну, не вертись! Давай рассказывай! – настойчиво приставала она. – Правда, что у него шерсть на спине? И хвост сзади? А он целуется или кусается?

Кто-то смеялся, а Милава покраснела почти до слез.

– Не знаю я ничего! И не было ничего такого! Отстань ты от меня!

– Скажешь – не было! Мы про него знаем – он на какую девку глаз положит, та от него не уйдет! Он девок глазами завораживает, а они потом ума лишаются!

– Да оставьте ее! – вступилась за Милаву Малинка. – Она с нами тогда спала и со двора не ходила ночью!

– А мы от упыря всю ночь костер жжем! – рассказывали тем временем парни-Моховики. – Видали, сколько можжевельника на дворе навалено? Вот, для костра. По трое сидим, чередуемся. Будете с нами сторожить?

– Как же думаете от него избавляться? – спросил Заренец. – Или так всю жизнь и терпеть?

– Ждем до завтра, до четверга. Дед Взимок хочет с мужиками могилу разрыть да колом его осиновым. Оставайтесь – с нами пойдете.

Конечно, идти домой ночью мимо упыря Вешничи и не думали, разговоры затянулись до полуночи. Милава была рада, что ее оставили в покое. Подшивая край полотенца, она в мыслях продолжала спорить с вредной Черничницей, доказывать ей, что ничего-то у нее не было с чурборским княжичем-оборотнем... Или все-таки... Может, он и правда ее сглазил, что теперь из ума нейдет?

А еще и упырь! Ведь выходит, что Огняр оставил Моховикам упыря. Но разве он виноват? Кто знает? Он был как черный омут – то ли там глубоко, то ли мелко, то ли тепло, то ли холодно, а держись-ка подальше – целее будешь. Перед Милавой снова встало его лицо – улыбка у него совсем человеческая, а два верхних клыка выдаются... Но ведь совсем чуть-чуть, не как у того упыря, что теперь поскуливает под тыном, как голодная собака. А вдруг и про шерсть тоже правда? Холодок пробежал по спине Милавы, когда она пыталась представить это доказательство волчьей, оборотнической сущности Огняра. Тогда он тоже – часть темного нечеловеческого мира, как тот упырь, от него тоже надо бежать без оглядки, призывая чуров на помощь.

И все же Милава не хотела в это верить, сердце ее противилось тому, чтобы выгнать Огняра из мира живых. Она помнила его сильные горячие руки, поднявшие ее на коня, – в нем был не могильный холод, а живое тепло, не меньше, а больше, чем у иных людей. А главное – глаза, такие странные, полные нечеловеческого пламени, но во взгляде их отражалось обычное человеческое желание быть понятым и принятым... Матушка Макошь, да, может, все это морок, обман? Ведь сам Огненный Змей, тот, что прилетает к девушкам и одиноким женщинам, тоже представляется им красавцем, перед которым невозможно устоять...

– Милава, ты чего задумалась? – Малинка дернула ее за рукав, удивляясь, отчего сестра опустила полотенце на колени и смотрит в огонь очага, чуть-чуть улыбаясь. – О женихе замечталась?

Милава бегло глянула на сестру, улыбнулась и снова взялась за вышивку. О женихе! Скажет тоже!

* * *

Утром все займище было в волнении. Пришел четверг, Перунов день, самый подходящий день для изгнания нечисти и нежити. Мужчины по очереди прыгали через костер на дворе, чтобы можжевельный дым пропитал их одежду и не подпустил упыря близко. Три мужика сходили в лес и вытесали там крепкий осиновый кол. Женщинам и детям запретили выходить не только за ворота, но и из домов – под крылышком у чуров безопаснее. Приближался полдень, и мужчины отправились к поляне над Белезенью, где неделю назад зарыли чужого мертвеца.

Земля над могилой была взрыта и перемешана с углем – значит, мертвец выходит.

– Огонь, огонь давайте! – суетился Взимок, стараясь сдерживать дрожь. – Не топчитесь близко, только разбудите его зря!

Неподалеку от могилы развели огонь – под его защитой было чуть поменьше страшно. Самый крепкий из мужчин-Моховиков, Поярок, взял приготовленный кол с обожженным острием и встал наготове, а двое других принялись осторожно раскапывать могилу. Было тихо, только ветер гудел в близком лесу. Ветер метался, дым от костра кидало из стороны в сторону, он лез в глаза и в горло, мужики морщились, утирали глаза рукавами, но даже браниться вслух не смели.

Вдруг один из копавших охнул – земля на дне ямы под лопатой чуть шевельнулась, словно ее толкнули изнутри. Все замерли.

– Ройте! Ройте живее! – шепотом визжал Взимок, теребя конец бороды, от испуга и возбуждения приплясывая на месте.

Мужики принялись копать еще быстрее, торопясь скорее покончить с этим жутким делом. Поярок крепче сжал кол. Лопата зацепила край ткани или шкуры – в грязи трудно было разобрать. Видны стали очертания человеческого тела, и оно было заметно крупнее того умершего отрока, которого положили в эту могилу неделю назад.

И вдруг тело дернулось, подпрыгнуло и вылетело из могилы, расшвыривая комья грязи и мокрой земли. Мужики с криками попадали на землю, Поярок вскинул над собой кол, словно хотел им защититься. Мертвец, весь в грязи, раздутый, как лесной клещ, кое-как обмотанный остатками рваной грязной одежды, выскочил на поверхность и сразу встал на четвереньки, с его отвисших губ капала пеннистая слюна, несло дурным запахом гниющего трупа, застоявшейся крови, холодной сыростью осенней земли.

Отскочив от ямы, мертвец так же на четвереньках бросился бежать к лесу, не тронув никого из людей; одни орали без памяти, другие онемели от ужаса. Мертвец бежал быстрее лошади и почти сразу скрылся в лесу, только его дурной вой долго еще доносился издалека, подхваченный мелкой лесной нечистью, не залегшей еще в зимнюю спячку.

Не скоро Моховики пришли в себя. Постанывая, они поднимались на ноги, тревожно озирались, дрожащими руками пытались отряхнуть грязь с одежды и лиц.

– Что же ты его... не тыкнул? – заикаясь, спрашивал Взимок у Поярка.

– Да он... того... больно скор... – бормотал Поярок, одной рукой опираясь на кол, а второй потирая горло, как будто его кто-то только что душил. – Кто ж знал, что он так скакнет... Сам никого не тыкнул, и то слава чурам...

Один из мужиков подошел к яме и опасливо заглянул. Сквозь осыпавшуюся землю проступало темное пятно свернувшейся крови. Мороз продрал каждого, кто это заметил. Вот отчего упырь так вырос – задрал кого-то. Кого, из какого рода? Как далеко он уходит за ночь?

– А здоровый-то! – постепенно отходя от страха, толковали мужики. – С бычка! С медведя! Такой и медведя завалит! А бежал-то! И конем не догнать! Где ж он теперь?

Взимок огладил бороду.

– Здоровый, да, – озабоченно протянул он. – И колом такого не взять! Такого только рогатиной! Видно, без Оборотневой Смерти нам не обойтись!

* * *

Снег выпал и растаял, опять выпал и опять растаял. Зиммерзла то подступала ближе, то снова отступала, отброшенная молчаливым упрямым Трояном, не желавшим отдавать земной мир во владение скупой злобной старухе. Но Перун-Громовик уже спал зимним сном в густой грозовой туче, и руки его непреклонного брата слабели, секира уже не так уверенно грозила белым ездовым волкам Зиммерзлы, и ей все чаще удавалось подсыпать снега на грудь Макоши-

Земли. Как голодная собака, Зимерзла подкрадывалась, жадно отрывала по куску от светового дня, от тепла слабеющего солнца. В борьбе полуколов земной мир был похож на линяющего зверя, носящего на себе остатки старой и начало новой шубы.

В лесах, на полях и лугах было пусто и тихо, а в Чуроборе на княжьем дворе, напротив, начиналось оживление. После сбора урожая пришла пора собирать княжескую дань. Князь Неизмир сам ходил в полюдье редко, раз в три-четыре года, – берег небогатое здоровье. В эту зиму он тоже оставался дома. Вести полюдье предстояло его младшему брату, Светелу.

Несмотря на молодость, Светел уже был уважаем как толковый советчик и надежный помощник князя. В Чуроборе к нему относились хорошо, и он, благодаря своему знатному роду, уму и отваге, с большой вероятностью мог бы вслед за братом стать новым чуроборским князем. Племя дебричей, жившее далеко от больших торговых городов, вдали и от южных, и от северных соседей, хранило обычаи старины, и порядок наследования престола у них не был четко определен. На княжескую власть мог претендовать и муж княжны, и его брат наравне с собственно княжескими сыновьями, а выбор делало вече. Светел вполне мог рассчитывать на его поддержку, при условии, конечно, что оборотень не помешает.

А вот уж кому не было дела до сбора дани, так это княжичу Огнеяру и его Стае. Не замечая предотъездной суеты княжеских емцов, они жили обычной жизнью. В Чуроборе любили поворачать по осени: совсем взрослый, дескать, княжич вырос, давно жениться пора – только кто за такого пойдет? – а отчиму не помощник, только и знает, что по ловам скакать. Одно слово – Дивий! Огнеяру и правда было бы слишком скучно из года в год ездить одной и той же дорогой – сначала вверх по Белезени, потом лесом до Стрема, потом вниз по Стрему опять к Белезени. А сама дань – считать мешки с зерном, связки шкурок, браниться, что слишком мало, выслушивать сбивчивые оправдания оратаев. Да еще разбирать путаные жалобы родов друг на друга и судить, кому издавна принадлежала вон та луговина и чье право ловить карасей во-он в том пруду! Все это загнало бы Огнеяра в Кошное владение куда быстрее и надежнее любой трижды священной рогатины. Вот это была бы верная «оборотнева смерть»!

За пару дней до намеченного отъезда полюдья князь Неизмир сидел в своей теплой горнице с тиунами. На вышитой скатерти перед ними были разложены свитки бересты – князь просматривал уговоры с родами, с какого сколько и чего полагается взять. Такие договоры были у него со всеми родами подвластных земель – большего не запросишь, но и меньше не возьмешь, выгодно и спокойно. Князь Неизмир считал себя хорошим князем, и не без права – все годы его правления внутри дебрических земель было мирно. Без нападений извне никто не обходится, но брат на брата при Неизмире с копьём не ходил.

Со двора, заглушая сухой шорох бересты, доносились шум, топот, выкрики – Огнеярова Стая занималась своими ежеутренними воинскими упражнениями. Огнеяру многое можно было поставить в упрек, но только не пренебрежение ратным искусством. Если на дебричей пытались нападать дикие личивины или пушень, то именно Огнеяр со своей Стаей в последние три года выходил встречать врагов. И лесные племена по се поры оставались в своей глуши.

Судя по отсутствию железного звона, сегодня они бились без оружия. Рукопашную борьбу княжич-оборотень любил даже больше – ведь зверь бьется без оружия, только с тем, что дала Мать Макошь. Неизмир старался не слушать, морщил лоб, вглядываясь в берестяные листы, даже зажимал ладонями уши, но ничего не помогало. Ликующий победный крик пасынка, когда очередной противник летел на землю, все равно достигал его слуха и мучил хуже любой беды. Что может быть хуже победного крика твоего врага, даже если на сей раз побежден еще не ты?

Промаявшись какое-то время, князь отпустил тиунов прочь и послал за братом. Очень скоро отрок доложил, что боярин Светел идет, и вслед за тем в горницу, согнувшись в низкой двери, вошел высокий, стройный витязь двадцати четырех лет. Его светлые волосы были опрятно подрезаны, лицо обрамляла красивая небольшая бородка. Рубаха на нем была из ярко-

красного, дорогого заморского сукна, сапоги из красного сафьяна, прошитые золотой нитью, – работа орьевских умельцев.

– Звал, княже? – спросил Светел, поклонясь. – Здоров ли ты сегодня? Хорошо ли спал?

Он не из пустой вежливости задал этот вопрос – Неизмир выглядел плохо. Братья имели общего отца, но разных матерей, и в лицах их не было ни малейшего сходства. Рядом с молодым, красивым Светелом огрузневший, смуглый, с крупными чертами лица Неизмир казался хмурым вечером перед ясным утром. А сегодня у него под глазами отчетливо видны были набухшие коричневые полукружья, в глазах краснела тонкая кровяная сетка, морщины на лбу углубились, даже седины в темной бороде, казалось, прибавилось за ночь.

– Здоров я, спасибо! – Подойдя ближе, Неизмир положил руку на плечо более высокому брату и ласково пожал. – Садись.

Светел был моложе брата на двадцать два года, и князь всю жизнь относился к нему скорее как к сыну, в котором Макошь ему отказала. И в бездетности он тоже винил Дивия. Разве обошла бы их дом милостивая Мать Всего Сущего, если бы ее не отпугивал оборотень? Но если бы Мать Макошь спросила Неизмира, какого сына он желает, он указал бы на Светела. Молодой боярин был умен, деятелен, не обижен удалью, почитал древние заветы предков, уважал стариков, был ровен и вежлив с ровесниками. Ему одному Неизмир доверял – почти все! – и ему одному хотел бы оставить после себя чуроборский стол. Не было бы на свете лучшего князя, но на пути Светела опять стоял оборотень – ленивый в делах и усердный лишь в забавах, дерзкий, несдержанный. Оборотень, живое несчастье для рода и племени.

– Я в путь готов, брате! – рассказывал Светел, когда Неизмир усадил его на лавку, крытую пестрым куркутинским ковром. – Только жертвы принести – и то уже двух баранов почернее Двоеум выбрал, в хлеву стоят. Велес доволен будет, даст легкий путь.

Неизмир незаметно содрогнулся, услышав имя Отца Стад, повелителя земных и подземных богатств, покровителя дорог. Ему стыдно было бы обижаться на Велеса, сделавшего дебрических князей одним из самых богатых княжеских родов по всем говорлинским племенам, но Велесу же Неизмир был обязан и самой тяжелой заботой своей жизни. Что толку в богатстве, когда живешь с камнем на душе?

– Я знаю, что ты готов, потому и позвал, – подавляя вздох, ответил Неизмир. – Все простые дела ты, брате мой милый, и сам знаешь. Пора о важном поговорить – зачем в поход идешь.

– Зачем? – Светел удивился. – Разве не за данью? Или ты ратное какое дело задумал?

– И за данью, да и ратное, пожалуй, тоже.

Неизмир помолчал, подбирая слова. Светел ничего не знал о его попытке покончить с Огняром руками Трещаги, но теперь пришла пора посвятить его в самую тяжкую из княжеских забот.

– Не одну дань ты будешь искать, – заговорил он снова. – Искать ты будешь жизнь нашу, от беды лютой избавленье.

– Что за беда? – Светел тревожился, не понимая брата, на его высоком ясном лбу залегла глубокая морщина, и вот теперь в лицах братьев появилось неуловимое сходство.

– Эй! Давай третий! Иди, Ярец, брату помоги, не убью! – резко, словно стрела, ворвался снизу, со двора выкрик Огняра. Судя по голосу, он немного запыхался, но был полон боевого азарта.

Неизмир невесело усмехнулся, а лоб Светела разгладился. Он понял, о чем говорит брат.

– Двоеум мне открыл, что в нашем племени есть где-то рогатина, из небесного железа откованная, и что этой рогатиной любого оборотня убить можно, – тихо, словно Дивий со двора мог их слышать, заговорил Неизмир. – Любого, ты понимаешь?

– Но ведь он... – начал Светел.

– Что – он? – перебил его Неизмир.

Вскочив с лавки, он несколько раз прошелся по горнице. Ни жене, ни брату он не хотел вслух признаться в том, что не просто недолюбливает оборотня – об этом знал весь Чуробор, – а боится его. Часто первым нападает именно тот, кто больше боится, у кого не хватает душевных сил жить в ожидании удара.

– Ты пойми: он – оборотень! – горячо, с прорвавшейся ненавистью заговорил князь, остановившись перед братом. – Он волк, он смерть наша! Не сегодня, так завтра! Он на нас с тобой зубы точит! Думаешь, он до старости за девками будет бегать да по лесам кабанов травить? Нет, ему большего надо! Он часа своего ждет! А нам на этот час нечем его взять! Нет такого ножа, нет такого копья, чтоб его шкуру пробило!

– Да, может, это все бабьи басни, – пытался успокоить его Светел. – Коли он что худое задумает – тут и найдется на него копье!

– Нет, не бабьи, я уж знаю! – в запале выкрикнул Неизмир. Но кричал он шепотом – страх держал его за горло.

– Знаешь? – повторил Светел, глядя ему в глаза. И по глазам Неизмира он понял, что тот и правда знает. Проверял.

Князь тоже понял, что брат обо всем догадался – они слишком хорошо знали друг друга. Замолчав, он снова сел на лавку и отвернулся, не зная, как Светел это примет. Брат был его последней надеждой.

– А он знает? – чуть слышно спросил наконец Светел.

– Не знаю, – выдохнул Неизмир. – Прямо не говорил. А по глазам его видно – знает. И он нам этого не спустит. На всем свете на него одна рогатина годится – Оборотнева Смерть. В ней жизнь наша. Найдем ее – одолеем оборотня. Не найдем...

Не договорив, Неизмир отвернулся, низко опустил голову. Светел помолчал. Редко ему случалось видеть старшего брата в таком волнении, в таком гневе, в таком страхе, какой сквозил за его лихорадочно-горячими речами. И не только за рогатиной – за Живой Водой в долину между миром живых и миром мертвых Светел пошел бы, лишь бы вернуть брату спокойствие духа, уверенность, радость жизни. Ведь двадцать лет назад он тоже был молод, полон сил, умел любить, умел радоваться жизни. И все умерло в нем от жизни бок о бок с проклятым оборотнем!

– Где искать ее, эту рогатину? – спросил Светел после молчания.

– На Белезени, – ответил князь, и на душе у него сразу полегчало от сознания, что брат понял его и согласен с ним. – В роду каком-то хранится с давних времен. В каком – и Двоеум не знает. Поезжай медленно, не торопись, по три дня в каждой стоянке живи, людей расспрашивай. А найдешь – ничего не жалея. Выкупи, сколько ни попросят. От дани освобождай хоть на век. Только силой не бери – тогда она свою силу утратить может. Двоеум говорил.

– Я найду. – Светел успокаивающе положил руку на плечо брату. – Не тревожься. Без рогатины не вернусь.

– А найдешь – не медли. Полюдь бросай, прямо сюда скачи. Только берегись. Оборотень пронюхать может. Береги себя, брате. На тебя вся надежда моя.

Простившись с братом, Светел спустился из горницы на двор. Теперь ему хотелось скорее отправиться в путь, и он шел поторопить челядь с последними сборами, но на крыльце ему пришлось задержаться. Прямо перед ступеньками, не дальше двух шагов, Огняр боролся с Тополем – под конец утра только этот его любимец, четырех с лишним локтей роста и крепкий, как дубок, а не тополь, и мог быть достойным противником оборотню. Остальные отроки стояли по сторонам и криками подбадривали противников, взрывом радостных воплей встречали каждый удачный удар. Огняр соединял в себе ум человека и силу зверя, поэтому его успех никого не удивлял. У обоих противников волосы взмокли от пота, от напряженного дыхания на осеннем холоде валил пар. Тополь устал больше, но не сдавался и бил не жалея. Тех, кто так или иначе боялся биться с ним всерьез, Огняр в своей Стае не держал.

Наблюдая за быстрыми, безостановочными движениями противников, за их сильными и точными ударами, Светел на миг представил себя на месте Тополя и невольно содрогнулся. Может быть, Дивий только и умел, что драться, но уж это он умел хорошо. Даже в холодный день предзимья Огняер сбросил рубаху – его грело Подземное Пламя. Светел смотрел в его смуглую спину, по хребту прочерченную серой полоской волчьей шерсти, и вдруг поймал себя на ощущении, что смотрит с прицелом, как будто держит в руках лук с наложенной боевой стрелой. Но простым оружием его не возьмешь.

Тополь пытался ударить выставленным локтем, но Огняер выскользнул из-под удара и оказался у Тополя за спиной, без замаха мгновенно и сильно ударил в челюсть, и окончательно вымотанный Тополь рухнул на землю. В следующее мгновение оборотень уже сидел на нем.

– Срубил Тополя! – смеялись отроки. – Березы плачут!

Светел сумрачно нахмурился, глядя на исход поединка. Быстрота, неутомимость, всегдашняя готовность к борьбе – опасные качества у врага. А Огняер обладал всеми способностями волка, может быть, самого жизнеспособного из всех созданий Матери Макоши.

– Загрызу, пень трухлявый! – гневно выкрикнул Дивий. – Еще раз так быстро рухнешь...

Должно быть, падая, Тополь успел что-то заметить, а лежа – подать Огняеру какой-то знак. Не договорив, Огняер выпрямился, и Светел понял, что его обнаружили.

Дивий поднялся на ноги и повернулся. Бывали дни, когда он вовсе не замечал Светела, проходил как мимо пустого места. Но сегодня, когда Светелу особенно не хотелось смотреть в лицо оборотню, у того был иной настрой. Злобные духи заставляли его делать все назло. За спиной Огняера тут же встал Тополь, ладонью отирая пот со лба, отроки все повернулись к Светелу. На мгновение стало тихо. Светел ощущал на себе взгляды тридцати двух пар глаз и чувствовал себя оленем перед волчьей стаей. Но оленем, вовсе не собирающимся безропотно подставлять горло под рвущие клыки.

– Куда спешишь-то, воевода грозный? – с показной небрежностью обратился к нему Огняер.

Светел внутренне собрался, как перед дракой. С самого детства устремленный на него горящий взгляд оборотня вызывал у него чувство близкой опасности и необходимости защищаться. Всю жизнь сын княгини и брат князя, будучи почти ровесниками, соперничали почти во всем и в детстве часто дрались. Уже в отрочестве умный и осторожный Светел научился уходить от постоянных драк, в которых неукротимая задиристость Огняера возмещала разницу в четыре года – а в детстве и отрочестве это очень много. Четыре года, когда он уже был посвящен в воины, а Дивий нет, Светел жил спокойно – отрок не имел права задирать воина, и даже Дивий это признавал. Но вот уже восемь лет, как все началось снова. Неизмир прав – рано или поздно их честолюбивая борьба превратится в борьбу за место среди живых. И, трезво глядя на вещи, Светел не был уверен в своей победе.

– По делам боярин спешит, – из-за плеча подсказал Огняеру Тополь, безразлично, как будто сам Светел их не слышал.

Именно такое обращение больше всего раздражало Светела и побуждало принять вызов. Он немного побледнел и подался вперед. Может, и правда оборотень не уймется, пока его не проучишь!

– С твоей земли дань собирать, – добавил Утреч.

– Не замерз ли? – насмешливо спросил Огняер у самого Светела, окидывая взглядом его кожух на белом горностаевом меху. – Гляди, братья, какая одежда! Никак в самом Орьеве шили?

– А то как же, – согласился Тополь. – Сам князь орьевский и подарил.

– Со своего плеча! Видишь, рукавички-то позатерлись! – кинул Утреч.

Светел стиснул зубы, глубоко вдохнул – это уже было явное оскорбление. Огняер заметил – этого он и добивался.

– Иди сюда! – позвал он. – Разогрейся с нами, боярин-свет, а то засиделся в палатах! Смотри, до срока посидеешь!

Светел вспомнил брата, в тридцать лет начавшего сидеть – не оборотню попрекать его этим! – и в нем вдруг холодной волной вскинулась такая ненависть, какой он в себе не знал. На миг он с наслаждением представил, как его клинок летит вперед и впивается в горло Дивия, как хлещет на землю черная, смолисто-тягучая кровь оборотня, и он стиснул рукоять меча на поясе. «Простым оружием его не взять!» – сами собой вдруг прозвучали в его ушах слова брата. И Светел сдержал порыв. Еще не время. Но придет пора, и он рассчитается с оборотнем за все.

– Бойся! – с понимающим видом, опять как о глухом, предположил Тополь.

– Да ведь нос разобьют – девки любить не будут! – опять встрял Утреч, и вся Стая дружно, с удовольствием засмеялась – заржала, как табун жеребцов. Светелу часто казалось, что Огнеярова Стая – это не тридцать два отдельных человека, а единое существо, чудовище, обладающее тридцатью двумя парами зорких бесстыжих глаз, сильных рук, неутомимых, быстрых ног, но всего одной головой, думающей и управляющей, – головой самого Огнеяра. Поразив его сердце, закаленное подземным огнем до крепости стали, можно разом уничтожить всех.

– Недосуг мне с вами забавляться, – медленно, с тайным презрением ответил Светел и небрежно сошел с крыльца. – И без вас дел хватает.

Неизвестно, что ответил бы он при других свидетелях. Но сейчас их никто не видел. Челяди Светел не стеснялся, а Стая и так считает его изнеженным трусом. Ничего. Придет время, и эти переярки узнают, как ошибались.

И Светел пошел прочь мимо молчащей, плотной толпой стоящей Стаи. Каждый мускул в нем был напряжен, всем существом он ждал, что ненавистный голос оборотня бросит ему вслед одно только слово, и тогда... Нет, он сумеет сдержаться. Не побояться выглядеть трусом в чьих-то глазах – на это тоже нужно мужество.

Но Огнеяр молчал. Если бы Светел обернулся в этот миг, то увидел бы на его смуглом лице не торжество, а угрюмую озабоченность. Нахмурясь, Огнеяр крепко закусил белыми зубами нижнюю губу, один из верхних клыков был хорошо заметен. Без привычки глянувший бы на Дивия в этот миг от страха лишился бы языка.

Тополь слегка подтолкнул Огнеяра плечом.

– Чего задумался? Холку мы ему всегда начешем.

– Любит Утреч врать, а тут правду сказал, – медленно ответил Огнеяр. – С моей земли он поедет дань брать. С моей.

Стая озадаченно молчала. Их вожак заговорил о том, чего они от него не ждали.

– Да ладно тебе! – Тополь положил руку ему на плечо, горячее даже под холодным ветром предзимья. – Пора-то какая! Макошина Неделя на носу! Не забыл?

Огнеяр обернулся к Тополю, усмехнулся и вдруг быстро ударил его в плечо. Отдохнувший Тополь поймал удар почти на замахе и немедленно ответил. Огнеяр резко свистнул, и тут же Стая, разбившись на две половины, кинулась друг на друга. Разинув рты, челядинцы смотрели на быстрое мелькание кулаков, длинноволосых голов, ног и спин, так быстро сменившее недавнее неподвижное безмолвие. Никогда не знаешь, чего ждать от оборотня.

* * *

Светел отправился в путь на другое же утро после разговора с братом. Ночью он почти не спал. Страх не глушил его разум, а возникшая ненависть сделала даже более осторожным, и он мог рассуждать здраво. Судьба! Великая Мать Макошь и две ее помощницы, Небесные Пряхи, прядущие нити человеческих судеб, всегда внушали Светелу благоговейное почтение. С детства он знал назначение оборотня – принести смерть одному из живущих – и надеялся только, что жертвой его суждено сделаться не ему и не Неизмиру. Но уверенность старшего

брата теперь передалась и ему. Он, сын княгини, является первым соперником Светела на пути к престолу. О чем же он думал раньше? Надеялся, что оборотень так и проскачет по лесам всю жизнь и сам не захочет брать на себя княжеские заботы? Глупо было так думать, просто не хотелось забивать голову неприятным.

Если Дивий угрожает им – можно ли что-то изменить? Можно ли помешать свершиться судьбе, созданной на небесах? Если нет, то к чему эта поездка, поиски рогатины? Какие же нечеловеческие силы нужны, чтобы по-своему перемотать пряжу Доли и Недоли! Может быть, у оборотня такие силы и есть, а вот у него, у Светела?

Проворочавшись с боку на бок, Светел поднялся еще в полной темноте, сам растолкал хоромную челядь и с удовлетворением подумал, что сегодня встал даже раньше неугомонного оборотня. В дружинной избе Стаи, где ночевал и сам Огнеяр, было еще тихо. Это показалось Светелу добрым знаком – опередил. Ему хотелось верить в благополучный исход затеянной борьбы, и он как мог подбадривал себя.

Стоя на крыльце, Светел ждал, пока ему подведут коня, и снова загадал – не заденет ли конь порога, выходя из конюшни? В двери уже показался заспанный и нечесанный отрок-конюший, как вдруг позади себя Светел услышал резкий скрип двери. На него повеяло теплом из покоев и непонятной силой. Оборотень! Светел резко обернулся, невольно схватился за меч. Перед ним стоял Двоеум.

Чародей выглядел так, будто и не раннее утро на дворе – его глаза смотрели ясно, русые с тонкой сединой волосы были расчесаны и перетянуты через лоб тесемкой с непонятными красными узорами. На нем была коричневатая рубаха с оберегами на поясе, плечи покрывал темный плащ из толстой шерсти. Ветер шевельнул полу плаща, как огромное крыло, и чародей вдруг показался Светелу птицей-вороном, принесшим ему решение судьбы.

– Доброй тебе дороги, Светлый-Ясный! – спокойно сказал чародей, словно не заметив его торопливого движения. – Вон как рано поднялся! Не торопись – Судьбу не догонишь, да и от Судьбы не уйдешь, а будет срок – сама найдет.

Он говорил о том самом, что так тревожило Светела. Сейчас, перед трудной дорогой, измученному ночными раздумьями Светелу нужен был совет знающего человека – ведь что знают о Судьбе простые смертные?

– Скажи, чародей, выйдет ли толк? – тихо, но горячо заговорил Светел. – Коли ему судьба... убить... можно ли его остановить?

– Скажи ты мне – за чем всякий год по Белезене и Стрёму едешь? – спросил в ответ чародей.

– За данью, – растерявшись, ответил Светел, не понимая, при чем это здесь.

– Стало быть, твое назначение – дань собирать. Коли поедешь, холода и трудов не убоишься – исполнишь его. А коли дома останешься?

Светел молчал, и Двоеум сам ответил:

– Тогда не исполнишь. Так и он. Судьба-то, она ко всем равна – что к людям, что к оборотням, что к богам самим. Его судьба – сила, и твоя – сила. Чья переборет – и сами Пряхи не ведают. Один свою судьбу исполнит, другой сгинет.

– А я-то исполню ли? – нетерпеливо воскликнул Светел. Он не все разобрал в речах чародея, но понял, что в темном омуте предвечного назначения появился просвет надежды.

– Э, сыне мой! – Двоеум махнул рукой. – Сего я не знаю, а и знал бы – не сказал. Кабы каждый судьбу свою знал, то половина бы жить не захотела. Ты дорогу знаешь – и ступай себе, а по пути разберешь. К смертному часу все до последнего будешь знать.

Весь этот день Светел думал о словах чародея. То ему казалось, что он понимает все, а то – что ничего. На одной из полян над берегом он увидел двух могучих оленей, сцепившихся рогами, – у лесных красавцев была пора гона. Поочередно Велесовы скакуны напирали друг на друга, то один отступал, то другой, но, собравшись с силами, снова устремлялись вперед.

Их красивые ветвистые рога были так тесно переплетены, что едва ли их теперь удастся распепить. Отроки хотели было забить обоих, но Светел не велел. Схватка оленей показалась ему похожей на их схватку с Огнеяром. И до самого вечера этот образ стоял перед его взором. «Чья переборет – и сами Пряхи не ведают».

Роды, жившие на один день пути от Чуробора, везли свою дань сами, и первый день дружина полюдя останавливалась лишь ненадолго передохнуть. Светел хорошо знал весь путь по дебрическим рекам, помнил жившие на пути роды, даже кое-кого из старейшин. Первая остановка на ночлег приходилась на род Ручейников. Подъезжая, Светел и его люди удивлялись, что никто их не встречает. Только в самых воротах они увидели несколько мужчин и женщин. Оглядев кланяющиеся фигуры, Светел узнал одного старика – это был брат старейшины.

– А сам Карась где?

– Помер, к дедам ушел. – Старик указал в небо. – Моровая Девка у нас побывала, боярин светлый. Да не бойся, – добавил он, когда Светел с конем подался назад. – Давно, той зимой еще. Разом полрода полегло, а кто тогда не померли, и теперь все живы. А коли кто и помер – так то с голодухи, не от мора того.

Светелу не хотелось останавливаться в таком месте, но других поселений, способных принять на ночь его многочисленную дружину, поблизости не было, ночевать в лесу тоже не хотелось – ночи предзимья были очень холодны. Положась на милость богов, Светел решил ночевать здесь. От рода Ручейников осталось не больше четверти, места в опустевших избах было достаточно. Чего нельзя было сказать о съестных припасах и мехах.

– Дани-то тебе нету у нас, боярин светлый! – виновато моргая и разводя руками, почти сразу сказал ему новый старейшина. – Соболей да куниц промышлять некому было, пахали да сеяли мы против прежнего впятеро меньше. Хлеба самим не хватит, желудями спасаемся да рыбой.

Светел без гнева принял это известие и смирился. Неумный и жадный князь перетряхнул бы все займище и забрал бы хоть что-нибудь – но тогда Ручейники вымрут за зиму все и на следующий год здесь будет пустое место. Махнув рукой, Светел принялся расспрашивать, что за болезнь опустошила займище, откуда пришла и широко ли развернулась? Не хватало еще, чтобы ему по всей Белезени разводили руками и указывали в небо!

– Хуже нашего ни у кого нет, – успокоил его старик, хотя его самого это, конечно, мало утешало. – В Сенниках Моровая Девка погуляла, да больше ребятишек пожрала, мужики целы остались. В Рябинниках не то трое, не то четверо померло. А у Моховиков и Вешничей все до одного целы. У Вешничей ведь оберег могучий! Они, говорят, себе и Моховикам займище рогатиной опахали, и ни одной собаки у них не сдохло.

– Рогатиной? – тут же переспросил Светел. Всякое упоминание об этом оружии теперь настораживало его. – Что за рогатина?

– Известно что. – Старик, в свою очередь, удивился его неосведомленности. – У Вешничей священная рогатина от предков в роду хранится, они ею от всех бед обороняются. Как прослышали про мор, так собрались ночью девки, белые рубахи поверх кожухов натянули, ведунью свою позвали – злая у них баба, а сила в ней могучая! – да с заговором опахали все займище рогатиной, будто сохой. И Девка Моровая к ним ни ногой!

При первых же словах его рассказа, в котором благоговение перемешалось с откровенной завистью, Светела прошиб пот; в избе было не слишком жарко, но ему пришлось вытереть лоб. По мере рассказа он убеждался, что рогатина та самая – другой было бы не под силу оборонить два рода от Моровой Девки. Светел не верил своим ушам – это казалось чудесным сном. Он готовился к долгому и трудному пути, готовился лезть в леса и горы, уговаривать и одолевая ведунов и чародеев, как рассказывают в кошунах. И вдруг, безо всяких хлопот в первый же день он находит если не саму рогатину, то хотя бы верные вести о ней!

Вешничи! И трех дней пути не будет до них! Светел неплохо помнил этот многочисленный, трудолюбивый, дружный и вполне зажиточный род, помнил старейшину Берестеня и коекого из родовичей. С этими людьми он сумеет договориться. Никакой жертвы не хватит отблагодарить богов за такую удачу! Теперь Светел от всего сердца простил Ручейникам отсутствие дани – такая весть стоила дороже хлеба и шкурки.

– А нет ли у нее особого прозвания? – с замирающим сердцем, стараясь не выдать волнения, спросил он у старика.

– Обратневою Смертью зовут, – ответил старик. Он был слишком занят своими заботами и не заметил, что у молодого боярина вдруг заблестели глаза и задрожали пальцы в перстнях. – И Черничников тронуло малость, три бабы у них померло. Да ничего – Черничники еще девок нарожают. Иные дивятся – отчего у них столько девок родится, а парней всего ничего? А ведь и глупый поймет – живут бедно, корешки жуют, желуди да кору сосновую в квашню трут – вот девки и рождаются. А то бы вовсе вымерли...

Но про Черничников Светел уже не слушал. Ему хотелось прямо сейчас скакать к Вешничам, не глядя на тьму и противный холодный дождь. Был бы он один – непременно поскакал бы. Но что он скажет дружине? Из осторожности Светел никому не открывал главной цели поездки и даже сейчас, в разговоре со стариком, делал вид, что спрашивает про Обратневу Смерть из одного любопытства.

Этой ночью Светел почти не спал. Переполюнявшие его радостное нетерпение и волнение были схожи с чувствами жениха в последнюю ночь перед свадьбой. На все лады Светел воображал себе священную рогатину, как неведомую невесту, ощущал в ладонях ее тяжелое древко, отполированное за века многими десятками рук, сочинял речи к ее владельцам. Это и есть она – Судьба! Ищи, говорил Двоеум, коли судьба – найдешь! И пусть они с оборотнем еще стояли, сцепившись рогами, – теперь Светел знал, к кому из них благосклонны боги. Нетерпеливое желание скорее оказаться у цели терзало его, как лихорадка.

И еще одно не давало Светелу сомкнуть глаз: мысли об оборотне. Дивий знает, что они ищут его смерть. Как бы он не пронюхал, что его враги почти у цели. Да и...

Под утро Светел уже уговаривал себя не обольщаться надеждой. Бывает всякое, судьба любит жестоко насмеяться. И чужой злой умысел, и нелепая случайность могут увести желанную цель прямо из рук.

* * *

Упырь становился день ото дня все опаснее и наглее. Старики Моховиков во главе со Взимоком пришли к Вешничам просить священную рогатину, а под вечер того же дня Вешничи увидели жуткое серое существо уже под своим тыном. Как волки, суровой зимой доведенные голодом до отчаянного бесстрашия, прыгают через тыны и режут скотину прямо в хлевах, жрут собак прямо во дворах, так и упырь теперь не боялся даже светлого Хорсова лица и бродил над Белезенью целыми днями, серой лохматой тенью шатался от одного займища до другого. Далекое для людей расстояние для него было пустяком. Днем он бродил по лесам и полям, подстерегая случайную жертву. Но все окрестные роды быстро прослышали о нем, и за тын люди выходили только по большой надобности, и то не в одиночку.

А ночью упырь садился то под одним, то под другим тыном и мерзко, протяжно выл. От этого воя стыла кровь, дети плакали от страха, прижимаясь к матерям. Люди не спали, жгли можжевеловые костры всю ночь напролет.

Иногда в дальних лесах раздавался волчий вой. В такие ночи упыря не было слышно – волков он боялся сам и отлеживался где-то в оврагах.

– Весною-то все оживает, солнышко Землю-Матушку греет, корни шевелятся, ростки вверх тянутся, оттого и чуры просыпаются да идут взглянуть, как их внуки поживают, – рас-

сказывал дед Щуряк. – А вот осенью земля мерзнет и мокнет, нечисти в ней мерзко становится, вот она и вылезит в белый свет, ищет, чем поживиться. А Земля-Матушка спит – и удержала бы гадов, не выпустила, да сил нет, всю хлебу отдала. Оттого и зовется осень временем нечистым.

Дед Щуряк с детства был слаб глазами, все время шурился, за что и получил прозвание, а под старость почти совсем ослеп. Сидя в темном углу, он на ощупь плел короба и лукошки и все время что-то бормотал или напевал себе под нос. Вешничи говорили, что дед Щуряк ведет беседы с чурами, с кикиморой, с домовым, и приходили к нему, если хотели что-то сказать или спросить у мелкой домашней нечисти. Дед Щуряк знал множество преданий, забавных баек и быличек. В осенние и зимние вечера дети, подростки, девушки целыми стайками собирались в избу Спожина, где дед Щуряк качал люльки своих правнуков.

– А солнышко трисветлое осенью тоже обессилело, всю силу Земле отдало, – рассказывал дед. – Потому нечисти и нежити осенью воля. А самые дурные дни – от солнцеворота до новогодья. Старому году конец пришел, а новый едва народился, солнце – что ягненок новорожденный. Вот тут и берегись!

– Нам бы теперь уберечься! – озабоченно ворчали мужики. – И чем мы богов прогневили, что дали нам такую напасть?

– Не о большой ли беде предупреждают?

Хорошо, что все полевые работы были кончены, лен свезен, брусника в лесах собрана, а грибы сошли. Упырь никого не пускал из займища. День и ночь ворота были на засове. Только раз в несколько дней мужики выбирались за дровами, и то держались вместе – пятеро рубили, а пятеро сторожили с рогатинами и колами. Но на десяток мужчин упырь не покушался и даже ни разу не подошел близко.

Дети хныкали целый день – невелика радость сидеть взаперти. Молодежь тоже ходила в тоске – упырь грозил лишить их посиделок. Не со своими же сестрами в перстенок играть! Как огромный серый клещ, упырь каждый день показывался возле займища, поскуливал, скалил клыки, ветер нес мерзкий запах трупной вони и плесени. Страх и тоска делались нестерпимы.

Не раз мужчины выходили на него с Оборотневою Смертью. Но упырь, едва завидев священную рогатину и нутром чуя, что в ней его гибель, пускался бежать, а догонять его было нечего и пробовать. Оставалось ждать, пока голод сделает его менее осторожным. Дед Щуряк надумил было сторожить упыря возле его могилы, но из этого ничего не вышло. Обозленные своей первой неудачей, Моховики вбили в могилу осиновый кол острием кверху – «по дурости», как говорила ведунья Елова, – и упырь больше к могиле не подходил. Так пропало единственное место, где можно было его подстеречь.

Пришла пора охоты по пороше, но и о ней приходилось забыть. На зайцев всем родом не пойдешь, а выйти одному – самому попасть в зубы упырю. В вынужденном безделье сидя дома, ловцы перебирали свое снаряжение и горько вздыхали, не зная, доведется ли этой зимой пустить его в ход. А чем тогда будущую дань князю платить?

Томясь от скуки больше всех, самый лучший ловец Вешничей, Корец, учил своих сынишек пищать мышью-полевкой. Прижав к губам тыльную сторону ладони, он тянул в себя воздух, и хотелось оглянуться – где тут затаился маленький серый комочек? Так Корец приманил уже не одну лису. Были у него особые манки, с которыми он подражал крику раненого зайца, и мальчишки наперебой просили попробовать.

– Да угомонитесь! – прикрикнул на них Берестень, которого раздражала бесполезная возня в избе. – Покуда лисьим ловом у нас не пахнет...

Дети стихли, и сам старейшина вдруг тоже замолчал. А потом хлопнул себя по затылку.

– И как я раньше-то не додумался? – воскликнул он. Все домочадцы оставили дела и повернулись к нему. – Вишь, в бороде рожь цветет, а в голове и не пахано! Спасибо чурам – наставили наконец на ум! Мы упыря-то нашего приманим! Мышей-то он не ест, а ведь корова

старая вот-вот сдохнет. Чем забивать, лучше мы ее на приманку пустим. Выгоним ее, а сами следом. Упырь кровь живую учует – прибежит.

– Да на что ему корова? – усомнился старший сын Берестеня, Бебря, крепкий и рослый мужик с чуть выступающими передними зубами, за что его еще в детстве прозвали Бобренком. – Ему человека надо.

– Голод и ему не брат. Люди-то попрятались, он и корове обрадуется.

– Да он в лесу лося или кабана завалит, коли ему звериная кровь по вкусу. Нет, батя, на корову он не пойдет. Человека надо.

– Чур с тобой! – замахал на него руками отец. – Что такое говоришь!

Однако замысел с приманкой был хорош, и Берестень послал трех мужиков за ведуньей.

– Сдурел, сыне, голову застудил! – кричала на Бебрю его мать, бабка Ветоха. – Да как же можно кровопивцу поганому живое дите отдать?

– Не отдать, а подманить! – убеждал ее сын. – Мы ж рядом укроемся, да с Оборотневой Смертью. Он только покажется, а мы его сразу – на рожон! И близко не пустим!

– Меня возьмите, я не боюсь! – беспечно предложил четырнадцатилетний Вострец, третий внук Берестеня. Бабка Ветоха в сердцах дала ему подзатыльник.

Женщины никак не соглашались на такой страшный замысел, и даже Берестень был в сомнении. Ждали ведунью. Елова жила в ельнике одна, но упыря совсем не боялась – у нее была надежная защита, и упырь даже близко не смел подходить к ее избушке.

Но к беде рода Елова не осталась равнодушна и сразу пришла.

– Дело Бебря говорит! – решительно одобрила она возникший замысел. – Ловите гада на живую кровь, иного спасения нам нет. Я много ночей звала волков на помощь, но Белый Князь не хочет нам помочь. Только волкам, Хорсову стаду, дана сила пожирать упырей. Князь Кабанов, покровитель наш, его прогнать не может. И торопитесь. Упырь день ото дня все сильнее. Скоро с ним будет не совладать никому. А на приманку ему не всякий пригоден. Нужно дите не больше двенадцати годов или девка молодая.

– Да кто же свое дитя отдаст? – снова закричала бабка Ветоха.

Девки в ужасе прятались по углам, матери прижимали к себе маленьких детей. Но потребуй Елова – никто не посмел бы противиться. Так нужно для рода.

Елова села возле очага в избе Берестеня, положила клинок Оборотневой Смерти к себе на колени, закрыла глаза. Ее пальцы стали гладить железо, подаренное самим Сварогом, она тихо забормотала что-то, покачиваясь, чуть слышно запела. Домочадцы Берестеня попрятались и наблюдали за ворожкой, затаив дыхание и не смея пошевелиться. Сейчас Оборотнева Смерть сама укажет приманку.

Вот ведунья медленно поднялась на ноги, подняла рогатину. Черный клинок сам собой очертил круг по избе. Один из маленьких мальчишек, прятавшихся на полотах, пустил лужу от страха, другой чуть не свалился на пол. Но рогатина указала на дверь.

Не открывая глаз, Елова шла через двор займища туда, куда вела ее священная рогатина. Сейчас она смотрела в Надвечный Мир, мир богов и духов, открытый немногим. Оборотнева Смерть указывала ей путь. Елова не знала, чья это изба, какая семья живет здесь и кого выберет рогатина, но этот человек, наделенный особым жизненным теплом, был уже совсем близко.

Дверь сама собой распахнулась. Открыв рты, домочадцы Лобана смотрели, как к ним входит священная рогатина, а за ней ведунья. Черный наконечник миновал самого Лобана, его жену Вмалу возле печки, Брезя на лавке у порога с непочиненной сетью в руках, обернулась к дочерям. Спорица и Милава застыли, держа на коленях шитье и подняв иголки.

И острие священной рогатины указало на Милаву.

Елова открыла глаза.

– Ты! – сказала она Милаве, и все в избе ахнули. – Тебя выбралаоборотнева Смерть! На тебя будем упыря манить. В тебе жизнегонь особый, чистый и яркий, ты ему по вкусу придешься.

Вмала и Спорина запричитали, словно Милаву выбрали в жертву Ящеру в засушливый год. Лобан и Брезь переглянулись, нахмурились. Им было страшно за дочь и сестру, но с ведуньей не поспоришь – ее устами говорят боги и предки.

– Да не бойтесь! – снисходительно утешила их Елова. –оборотнева Смерть выбрала, она же и оборонит. Чуры не дадут такой ладной девке пропасть.

Когда Елова с рогатиной вышла, Брезь подсел к Милаве и обнял ее.

– Не бойся! Он тебя не тронет, – утешал он побледневшую сестру. – Я сам с мужиками попрошусь и тебя в обиду не дам.

– Я не боюсь, – нетвердо ответила Милава. Она очень боялась, но хотела успокоить родителей. – Ведь кому-то же надо... И Бебря, иоборотнева Смерть... Я не боюсь...

– Потому она и оборотню чуроборскому приглянулась! – сказала Спорина. – Видать, она всей нежити по вкусу. Ох, не до добра это доведет!

– Не каркай! – оборвал ее Брезь. – С твоим норовом и упырь жрать не станет!

Вмала полезла в ларь, вытащила несколько старых, от прабабки оставшихся оберегов и все их навесила на Милаву. Чурам она зарезала белую курицу и бросила ее в печку, в каждый угол поставила по площадке молока, бормоча молитвы. Если уж так нужно для рода, то пусть чуры получше берегут ее младшую дочку.

* * *

На другое утро Вешничи поднялись на заре. На маленьком родовом святилище перед идолами чуров разожгли костер, зарезали трех белых петухов, их кровью обмазали идолов и клинокоборотневой Смерти. Привели Милаву. Она была наряжена как невеста: в белой, красными узорами вышитой рубахе под меховым кожухом, с красным поясом, с нарядным венчиком на голове поверх платка. Она была бледна, но внешне спокойна, хотя внутри у нее все дрожало, дыхание теснилось, руки и ноги были слабы и холодны. Женщины причитали, словно отдавали ее замуж в чужой род или даже в жертву гневным богам. Милаву поставили перед ликами чуров, и Берестень, поднимая руки к небесам, просил богов и предков не оставить без защиты их внучку. Милава крепко сжимала в руках костяную фигурку женщины-медведицы, самый старый в роду женский оберег, бывший даже старшеоборотневой Смерти – бабка Ветоха дала ей Мать-Медведицу на такой случай. Уж если она не защитит, то больше надеяться не на что. Милава от страха сама не понимала, что с ней делается, а просила богов только о том, чтобы все кончилось поскорее.

Настал полдень, из своей избушки пришла на займище ведунья, пора было отправляться. Брезь просился пойти с сестрой, но старейшина ему не позволил – бой с упырем был делом для зрелых мужчин, а не для неженатого парня. Рогатину нес Бебря, самый крепкий мужик в роду. С ним шли еще два мужика – Корец и Спожин.

Вдруг мальчишки, которые сидели на тыну и высматривали упыря, дружно завопили и замахали руками, а семилетний Зайча чуть не слетел на землю.

– Неужто сам подвалил? – заговорили мужики. – И славно, недалеко ходить! К дому ближе – легче!

– Люди едут! Чужие! – орали мальчишки. – Много!

Услышав о чужих людях, сам Берестень побежал к воротам и выглянул наружу.

– Княжьи люди! – воскликнул он, взглядевшись в отряд, показавшийся со стороны Белезени. – Позабыли мы – ведь время дани! Ох, не ко времени как нелегкая принесла!

В самом деле, в тревогах и волнениях из-за упыря Вешничи совсем позабыли, что княжеское полюдьё проходит мимо них перед самой Макошиной Неделей. Теперь же приходилось отложить на время упыриный лов и встречать гостей.

Первое, что увидел Светел во дворе Вешничей, была священная рогатина в руках у Берестя. Он сразу узнал ее – такая могла быть только одна. Длинное крепкое древко потемнело от времени и было до блеска отполировано десятками ладоней, все его от конца до самого перекрестья покрывала затейливая древняя резьба. Черный клинок в полтора локтя длиной был украшен знаками огня, и на нем алела свежая кровь.

Светел остановился в воротах, не понимая, что здесь происходит. Почему горит огонь перед чурами, зачем вынесли рогатину? Почему мужчины с копьями и колами в руках окружают дрожащую молоденькую девушку, раздетую как невеста?

– Здоров будь, боярин светлый, пусть беды и недуги тебя и людей твоих за многие версты обходят! – выйдя вперед, с поклоном приветствовал его Берестень. – Прости, дань у нас не уложена – не ждали мы тебя ныне. Войди, обогрейся, пусть твоя дружина передохнет.

– Что у вас здесь случилось? – спросил Светел, сойдя с коня и глядя то на рогатину, то на девушку. – Или свадьба? Или на рать собрались? Или жертвы приносите?

– Беда у нас, боярин светлый. Упырь у нас по округе бродит. Не видали его? Уж дней десять мучает и нас, и соседей всех. Вот, вышли мы на него со священным оружием нашего предка! – Берестень показал рогатину. – Хотим погубить упыря!

– Это ваша рогатина священная? – с волнением спросил Светел. – Она любую нечисть бьет?

– Любую нечисть, нежить, любое зло она победит, – с гордостью ответил Берестень. – Когда пращур наш, Вешник, в сии места пришел, владел ими медведь-оборотень, и сила в нем была невиданная. Никому из людей он на десять дней пути жить не давал. Сам Сварог по мольбе пращура нашего дал ему железа из своей кузницы небесной, а Мать Макошь ветку Мирового Дерева сломала на ратовище. Так сделал наш пращур рогатину сию и ею убил медведя-оборотня. Сам он на этой земле поселился, род наш от него пошел, и рогатина, Оборотнева Смерть, нас от бед хранит. Нет такой нечисти, что от нее бы целой ушла!

– Я с вами пойду! – решил Светел. – Дайте мне вашу рогатину – я сам упыря на нее насажу!

Ему не терпелось взять священную рогатину в руки, с ней он готов был совершить небывалое, и даже упырь не вызывал в его душе ни тени страха. Вешничи озадаченно переглядывались – такого они не ждали. Конечно, во многих кощунах говорится, что к людям славный витязь пришел и от беды избавил, но с упырем они настроились биться сами.

– Прости, боярин, беда сия наша, и одолеть ее мы сами должны, – ответила Елова, выйдя вперед из-за спин родичей. – Чужие руки нашей беды не разведут, а нашим рукам оружие предка великую силу придаст. А коли хочешь – ступай с нами.

Светел согласился. Из своих людей он взял только двоих – Елова сказала, что толпа напугает упыря и он не покажется. Задержка оказалась небольшой, чуть-чуть перевалило за полдень, еще можно было успеть. Дружина Светела расходилась по избам, устраивалась в беседе, а из ворот займища вышли ловцы на упыря. Впереди шел Бебря с Оборотневой Смертью, за ним Милава, по бокам от нее шли Спожин и Корец с крепкими осиновыми кольями, заточенными и обожженными в священном огне перед чурами. Замыкал шествие Светел с двумя отроками. Особых оберегов на такой случай у него не было, но он надеялся, что меч не подведет его и при встрече с упырем. Родовичи провожали их заговорами, мольбами, плачем. Ворота закрылись.

Бебря держал священную рогатину так, как научила его Елова, и чувствовал, что Оборотнева Смерть, как живая рука, сама ведет его, указывает путь. Она сама чуяла себе поживу и вела прямо к ней. Миновав ближний березняк, Вешничи вслед за рогатиной свернули к Беле-

зени. В холодном пустом лесу людей пробирала зябкая дрожь, под ногами хрустела смерзшаяся грязь, кое-где уже присыпанная снегом.

Милага едва переставляла ноги. Ей казалось, что ее ведут приносить в жертву. В памяти ее сами собой звучали рассказы деда Щуряка и Еловы о давних временах, когда каждый год по одной девушке отдавали на съедение Змею Горынычу, или о засушливых годах, когда девушку бросали в реку в жертву Ящеру. Теперь она знала, что они чувствовали по дороге. Да, конечно, это нужно роду, чтобы рождались новые дети, но все равно Милаве было отчаянно страшно.

В лесу они набрали на поляну, окруженную старыми разлапистыми елями.

– Вот славное место! – шепотом решил Бебря. – Здесь и будем ловить!

Братья с ним согласились и спрятались за еловыми лапами. На виду осталась одна Милага, дрожащая и прижимающая к груди кулак с зажатой в нем Матерью-Медведицей. Теперь, когда дядек с оружием не было видно, ей казалось, что она и правда совсем одна в этом стылом лесу, одна со страшным ненасытным упырем.

– Кричи! – прошипел ей из-за елки дядька Спожин.

– Чего кричать? – дрожащими губами еле выговорила Милага.

– Чего хочешь! Аукай! Он мигом примчит!

Несколько раз Милага пыталась набрать в грудь воздуха для крика, но не могла. Наконец она подняла голову и закричала в чашу:

– Ау! Ау-у-у!

Голос ее дрожал и прерывался. Страшно и представить – самой кричать, самой звать к себе жуткого кровопийцу! Мигом примчит! Милага помнила, что так надо, но ей отчаянно не хотелось, чтобы это произошло! А вдруг он успеет к ней подойти? А вдруг дядьки его не одолеют? Боярина с его отроками она почти не заметила и надеялась только на Бебря с рога-тиной и на Мать-Медведицу.

Покричав несколько раз, она замолчала и с дрожью прислушалась. Все уже знали, как трещат сучья под ногами упыря, знали его мерзкий, отвратительный запах. Ветры со всех сторон насквозь пронизывали Милагу, но она не чувствовала запаха кровопийцы. И все же ужас все крепче брал ее за горло, стылый лес смыкался вокруг, ей казалось, что она одна в этом пустом, пронзительно-холодном, бесчеловечном и чужом мире, что сейчас ее сожрет неведомо кто, что гибель ее близка. Милага не могла больше владеть собой, хотелось кричать от страха и бежать, не разбирая дороги, только бы прочь отсюда!

– Еще кричи! – зашипел из-под елки дядька Спожин, и Милага вздрогнула даже от этого, с детства знакомого голоса. – Видать, не услышал.

С усилием втягивая в грудь холодный воздух, Милага опять повернулась к стене леса и вдруг отчаянно, пронзительно закричала. В десятке шагов от себя она увидела лохматую серую глыбу, раздутую, как чудовищный клещ. Из широко открытой пасти торчали желтые клыки, вонючая слюна капала на свалявшуюся шерсть, а бессмысленно-жадные, дурным огнем горящие глаза устремлены были прямо на нее.

Глава 3

С утра Огнеяру было скучно. С рассветом он взял Похвиста и умчался в поля, чуть не до полудня скакал без дорог над Белезенью, не думая, куда и зачем. С собой он взял только двоих отроков из Стаи – Тополя и Кречета. Но и с ними ему ни о чем не хотелось говорить, а чего хотелось – он и сам не знал.

Перед полуднем они вернулись в Чуробор. Огнеяр сам завел Похвиста в конюшню, сам вычистил его, потом долго мылся возле колодца. Почему-то ему вспомнилось, как девушка из рода Вешничей поливала ему на руки тем утром. От этого на душе у него на миг посветлело, но тут же тоска накатила с новой силой. Ему еще тогда хотелось взять ее маленькую руку с порозовевшими от холода пальцами, обогреть в своей руке. Огнеяр не знал, почему тогда не сделал этого, а теперь жалел.

Отроки ушли в дружинную избу, а Огнеяр пошел к матери. Она-то всегда будет ему рада, у нее ему всегда было хорошо.

Княгиня Добровзора сидела в тепло натопленной горнице с вышиванием на коленях, но не столько работала, сколько думала о своем, глядя куда-то в пространство, и изредка тихо, будто украдкой, покашливала в платок. Сейчас княгиня была почти так же красива, как двадцать лет назад, когда сам Велес выбрал ее в матери своему сыну. У нее были большие светло-карие глаза, блестящие, как темный янтарь, красиво изогнутые черные брови, правильные черты лица почти без морщин. Сенные девки, чесавшие ей волосы по утрам, знали, что в косах княгини, скрытых под повоем, почти нет седины, лишь несколько серебристых волосков светятся на висках. Двадцать лет назад Добровзору считали красивейшей девушкой всех говорлинских земель, и теперь еще ею любовались.

Две ее сенные девки, Румянка и Кудрявка, которую Огнеяр звал Лохматкой, сидели с прялками тут же и негромко пересмеивались. Княгиня иногда посматривала на них с рассеянной мягкой улыбкой, но даже не пыталась прислушиваться к их болтовне. Осенью и зимой княгиню мучил кашель, слабость разливалась по телу, так что она с трудом заставляла себя подняться по утрам. Но помогали ей не травы и заговоры ведунов, которых целыми толпами собирал к ней князь Неизмир, а только присутствие сына.

Огнеяр вошел тихо, как зверь, и ни одна половица не скрипнула. Как всегда, женщины заметили его, только когда он уже был в горнице. Румянка и Кудрявка разом вскрикнули и привычно засмеялись своему испугу.

Подойдя к матери, Огнеяр мягко, но решительно отобрал у нее вышивание, отбросил в сторону, а сам опустил на пол и положил растрепанную черноволосую голову к ней на колени. Княгиня погрузила пальцы в его густые волосы и стала ласково их разбирать. Ей одной Огнеяр иногда позволял себя причесывать, но сейчас у нее не было гребня.

– Холодом от тебя пахнет. В лесу был? – спросила Добровзора.

Огнеяр кивнул, не поднимая головы.

– Я сегодня хорошо, не кашляю совсем, – продолжала княгиня, зная, о чем он хочет спросить. – Правду говорю, вон и девки скажут. Ты если куда ехать надумал, так поезжай. Только ненадолго.

– На Макошину Неделю уеду, а потом назад, – глухо ответил Огнеяр. – После Макошиной Недели *она* опять придет за тобой.

– Может, не придет? – с надеждой спросила Добровзора. – Ты ее прошлой зимой так напугал. Может, побоится?

– Она? – Огнеяр усмехнулся. – Чего ей бояться? Она, тварь холодная, бессмертная сама. Чего она хочет-то от тебя, матушка? – Подняв голову, он откинул в лица пряди волос и заглянул матери в глаза. – Неужто другого кого не нашла?

– Отчего? – Княгиня вздохнула и снова прижала к себе его голову, чтобы он не смотрел ей в лицо. – А почему мне боги детей не дали? Не хочет Велес, чтобы у тебя братья-сестры были. Хочет, чтобы тебе некого было любить, волчонок ты мой. Видно, это твоему назначенью помешает. Вот он и хочет...

– Ну уж нет! – Огнеяр быстро выпрямился и крепко схватил мать за плечи. – Тебя я ему не отдам, и Веле его мерзкой! Шею ей сверну, если еще появится, не посмотрю, что бессмертная! Тварь подземная!

– Тише! – Княгиня в испуге пыталась унять его. – Они же слышат!

Перепуганные девки бросили свою пряжу и кинулись прочь из горницы. Может, Велес и Вела не заметят их и не накажут за то, что слушали ругань на хозяина и хозяйку подземного мира.

– Пусть слышат! – кипел Огнеяр. – Они мне братьев не дали, на меня отчим волком смотрит всю жизнь, сам хуже оборотня! Велес меня в мир послал – убить! Я и так иду да оглядываюсь – кого? А он у меня и мать отнять хочет! Совсем меня зверем сделать! Не дам! Не отдам я ему тебя!

– Тише, тише, волчонок мой родной! – Добровзора гладила его по лицу, стараясь успокоить.

Огнеяр снова опустил голову к ней на колени.

– Не могу я тебя им отдать, матушка моя, – тихо, с отчаяньем заговорил он. – Пока ты с мной – я человек. Потому что ты одна во всем свете во мне человека видишь. А не будет тебя – я для всего мира стану волком. Я для всех – волк.

– Не весь же век мне с тобой быть, – с нежной грустью ответила княгиня, перебирая его волосы. – И без Велы мой срок придет. Все матери умирают, и я умру. А чтобы люди волками не делались, им боги любовь дали. Сперва мать любит, потом – жена, дети остаются. Не будет меня – будет у тебя подруга. Она тебе не даст волком сделаться.

– Да где же я найду ее? – с тоской спросил Огнеяр. – От меня же девки шарахаются.

– Ну, не все же! – Княгиня лукаво улыбнулась.

– Да ну! – Огнеяр знал, о чем она говорит. – Это любопытство одно, не любовь. Носил бы Неизмир волчью шерсть на спине – козы глупые к нему бы липли! А вот кто меня самого любить будет... Не родилась еще такая, видно. Ее Вела в колыбели придушила!

– Не говори! – Княгиня положила руку ему на затылок. – Вела сильна, да и Лада Светлая не слаба. Найдет она тебе подругу. Ты человек для меня, и другая в тебе человека увидит. Ты сам только его в себе не потеряй.

Руки княгини ласкали его волосы, серую полоску волчьей шерсти, которая выбегала из-под волос у основания затылка и по хребту сбегала под ворот рубахи. Ей самой было странно думать, что найдется девушка, которая с чистым сердцем забудет об этой шерсти и полюбит ее сына как человека, как жениха и мужа. Но Добровзора любила своего волчонка, как всякая мать любит единственного ребенка, дорого ей доставшегося, и верила в его добрую судьбу.

– Вот женишься, я внуков буду нянчить, – вслух мечтала она и уже видела в мыслях какие-то неясные образы красивой молодой невестки, кудрявые детские головки, ощущала теплую тяжесть маленького тельца у себя на руках. И это так тронуло сердце, что слезы показались на глазах у княгини. Она ведь еще совсем не стара и могла бы сама еще иметь детей, если бы не эта странная судьба, почетная и злая!

– Женишься? – с унылым презрением повторил Огнеяр. Для него это слово было лишено настоящего смысла, он никак не мог вообразить себя женатым, накрепко связанным с другим человеческим существом. Он слишком привык к мысли, что он не такой, как все, и ему нет пары. – Где невесту взять? – продолжал он. В мыслях его не мелькнуло ничьего образа, кроме Милавы из рода Вешничей. – Да и куда ее вести? Сюда? У Неизмира-батюшки благословения просить?

Огнеяр выпрямился и решительно замотал головой. Он не ощущал никакой необходимости в жене, на общий толк ему было наплевать, да и не хотелось вести жену в дом, где хозяином Неизмир.

– Это твой дом! – с непривычной твердостью ответила княгиня. Лицо ее стало строгим, даже упрямым. Видно, она уже не раз думала об этом. – Это дом твоего деда и прадеда, здесь живут твои чуры. А не его.

– И сколько же ему быть здесь в хозяевах?

Огнеяр поднял на мать жесткий, требовательный взгляд. Он не так уж стремился быть князем и повелевать другими, но не мог стерпеть, чтобы кто-то пытался повелевать им самим. Неизмир давно уже оставил попытки приказывать ему, но само звание – княжич – указывало на подчиненное положение Огнеяра и унижало его.

– Не век, – только и ответила Добровзора, отводя глаза.

Горящий взгляд сына смущал ее, и она не знала, что ему сказать на это. Для княгини не было тайной, что Неизмир мечтает передать княжеский стол своему брату, но она не могла согласиться с этим. Помня о правах своего сына, она молчала до поры – до того времени, пока Огнеяр поймет, чего хочет. До сих пор он не горел желанием опоясаться княжеским мечом и княжеские дела совсем не занимали его. А ведь ему, с его волчьей шерстью на спине, вдесятеро труднее было бы настаивать на своих правах. Созови он сейчас вече и спроси у чуроборцев: «Люб ли я вам?» – во всем городе едва ли найдется человек, который ответит «да».

Конечно, Огнеяр знал, какой славой он пользуется в Чуроборе и что мыслит о наследовании стола Неизмир. Знал он и ту простую истину, что всякое право нужно отстаивать силой. Это значит – ездить по городам, боярским селам и родовым займищам, набирать сторонников, обещать золотые горы, кому – мирную жизнь, кому – победоносные походы, уговаривать, дарить подарки, задавать пиры, собирать полки... Женишься, в самом деле, да на какой-нибудь княжне, у кого отец посильнее и побогаче...

Да разрази меня Перунов Гром! Огнеяр слишком любил волю, любил делать то, что хочется, и не заботиться о чужих делах. Его стремление к Гордеславу столу было гораздо слабее, чем нежелание трудиться ради того, чтобы его занять. В этом деле зверь в нем был гораздо сильнее человека. Лесные Князья, Сильные Звери, не издают указов, не собирают даней, не разбирают тяжб. Они воплощают в себе дух и силу своего племени. Они – глаза, уши, лапы и зубы богов-покровителей на земле. Таким князем мог бы быть Огнеяр. «Да какой из меня, по совести сказать, князь? – хмуро думал он, не глядя в лицо матери. Он знал, что Добровзора очень хочет увидеть его на месте ее отца Гордеслава, и ему было совестно перед ней за свою, как он думал, полную негодность к этому. – И в люди-то не берут...»

Будущее казалось Огнеяру туманным, и он старался не думать об этом. Пока Неизмир не вмешивается в его дела...

И вдруг Огнеяр вспомнил удар ножом в темных сенях. Так что это было – нелепая месть за безумие сестры или корни тянутся гораздо глубже? До сих пор Неизмир почти не мешал

Огнеяру жить по-своему, но теперь Огнеяр стал подозревать, что отчим, может быть, собирается помешать ему вообще жить дальше.

И вдруг в ушах Огнеяра раздался отчаянный, полный неизмеримого ужаса женский крик. Он мгновенно вскинул голову, так что даже мать испугалась внезапного блеска его глаз. Он напрягся, как зверь перед прыжком, и вслушивался в тишину княжеского терема, нарушаемую только обычной возней челяди по хозяйству. Крик повторился еще только один раз, и в этот миг Огнеяр все понял. Перед его взором встало лицо той девушки из Вешничей, он видел ее серо-голубые глаза, широко раскрытые, полные испуга и мольбы о помощи. Она была далеко, но ей грозила опасность. Может быть, она звала и не его, но он ее услышал. Может быть, и к ней протянула холодную руку безжалостная Вела – задушить ту, что смотрела на него без боязни и вражды! Нет, не отдам!

Мгновенно Огнеяр оказался на ногах. Он помнил, что до девушки три дня пути самое малое, но не мог ждать.

– Сейчас поеду! – Он быстро поцеловал мать и бегом бросился к двери. – После Макошиной вернусь! – слышала Добровзора его крик уже с лестницы. Он родился от огня – и сам был как молния.

* * *

Упырь появился не из чащи, откуда его ждали, а со стороны Белезени, где цепочкой тянулись поляны. Теперь получилось, что Милава оказалась между упырем и Бебрей с его рогатиной; не они прикрывали Милаву, а она прикрывала их.

Под взглядом упыря Милава почти обеспамятала от ужаса. Мерзкая морда с оскаленными клыками и пятнами тления – никто не поверит, что когда-то это было обыкновенное человеческое лицо, – рывком приблизилась, нависла, серые лапы с кривыми грязными когтями потянулись к ней. «Беги! Да беги же!» – яростно закричал чей-то голос совсем рядом. И это был голос не Бебри и Спожина и даже не приезжего боярина. Мгновенно Милаве вспомнился Огнеяр – она видела его смуглое лицо, горящее тревогой и напряжением битвы, взволнованный блеск его глаз. Словно сильная горячая рука схватила ее за ворот кожуха и толкнула прочь. Как белка, Милава легко метнулась в сторону, и упырь рухнул на то место, где она только что стояла. А Милава уже бежала прочь от поляны – откуда только прыть взялась! – и ей казалось, что где-то близко за деревьями ее ждет он, Серебряный Волк, гроза нечисти, и он защитит ее хоть от всех оборотней, бродящих по осенней слякоти земного мира.

А на упавшего упыря набросились мужики. Недаром Елова обещала, что оружие предков придаст им сил – не заробев и не растерявшись, Бебря крепко сжал Оборотневу Смерть, замахнулся и ударил сверху вниз, норовя пронзить упыря. Но тот с неожиданным проворством откатился в сторону, и рогатина только ранила ему руку. Разбрызгивая по палым листьям тягучую черную кровь, упырь отскочил, взмахом другой руки обломал кол Спожина, ударился о ель и повернулся, пытаясь скрыться в чаще.

Тут на пути его встал Светел. Его мутило от мерзкого запаха, сердце замирало – ему еще никогда не приходилось сталкиваться с нежитью. Но воин был приучен идти вперед, не позволяя страху овладеть собой. Выхватив меч, он рубанул по башке упыря, и часть черепа слетела, как сбитая шапка. Но упырь уже был мертв, и остановить его обычными средствами было невозможно.

Серая тяжелая лапа взметнулась над головой Светела, но не ударила, а упала. Упырь вдруг дернулся, словно его сильно толкнули в спину, привалился к ели и замер, острием Оборотневой Смерти пригвожденный к стволу. Серая туша тяжело обвисла, лохматые, грязные руки и ноги задергались, когти скребли промерзшую землю, из ран на руке и на голове медленно капала темная кровь и еще какая-то мутная, гнилая гадость. Нестерпимая вонь напол-

нила воздух на поляне. А Бебря со свирепым лицом все нажимал и нажимал на древко рогатины, словно хотел покрепче пришить гадину к стволу. Уж теперь не вырвется!

А Милава все бежала и бежала, не чуя ног, пока не увидела тын. Ее тоже заметили, раскрыли ворота, все родовичи обступили ее с расспросами. Почему она бежит, почему одна, как там упырь, как мужики? Милава ничего не могла толком ответить, но из ее обрывочных восклицаний все поняли, что упыря все-таки встретили. Что там теперь? Оставив Милаву с женщинами, все оставшиеся мужики и даже парни мигом похватили давно заготовленные осиновые колья и побежали гурьбой искать своих. Как бы там ни было, а помочь надо!

Бебря и двух братьев нашли на той же поляне. Упырь, прибитый рогатиной к стволу, висел на ели и уже не дергался, только черная гнилая лужа натекла возле корней и дурная вонь разливалась волнами по лесу вокруг. Вслед за мужчинами подросла и Елова. Не морщась от страха и отвращения, как все, она подошла, осмотрела неподвижную серую тушу и с довольным видом закивала.

– Знатно сделано дело! – одобрила ведунья. – Теперь-то он угомонится, Оборотнева Смерть его навек усмирила. Теперь только схоронить, чтоб не смердил тут, чистый Лес не гневил.

Тут же, на поляне, вырыли глубокую яму и свалили в нее тушу упыря, пробили осиновым колом для верности и забросали землей. В землю от поверхности вбили еще один кол – если и ползет вверх, то напорется. Елова говорила, что это все уже ни к чему, но так было надежнее.

– А боярин-то молодец, не сробел! – одобрительно приговаривали мужики. Светелу было приятно это слышать, хотя что ему, брату самого князя, похвалы каких-то оратаев?

Покончив с упырем, Вешничи пошли домой, и впервые за много дней у всех было легко на душе. Нету больше могильного жителя, можно снова ходить хоть в гости, хоть в лес, никого не опасаясь. Вешничи радостно гомонили, смеялись, хвалили Бебря и братьев, жалели Милаву – вот ведь натерпелась девка страха!

А Светел шел молча, не участвуя в общих разговорах, и пытался разобраться в своих мыслях. Что-то странное не давало ему покоя. Непонятное ощущение возникло у него в тот миг, когда перед ним встал упырь, или мгновением позже, и он не мог вспомнить, что же это было. Он часто оглядывался на рогатину в руках Бебри – теперь он сам убедился в ее могуществе. Если она одолела такого огромного и могучего упыря, то, конечно, одолеет и...

И вот тут Светел понял, что его тревожило. Ведь он много раз смотрел в лицо Огнелю, стоял рядом с ним, даже дотрагивался до него. И ни разу не чувствовал холодного запаха могильной плесени, не ощущал пронзительного веяния мира мертвых. Дивий был полон огня, а не холода. Он – совсем другой породы, нежели этот упырь. И борьба с ним будет совсем другой.

* * *

Тем же вечером Вешничи и Моховики, избавившись от упыря, устроили на радостях общее пиршество. Молодежь обоих родов была особенно рада встрече после стольких дней, проведенных в разлуке. До поздней ночи в беседе горел огонь, висел гул голосов, пахло жареным мясом. Мужики толковали о своем, молодежь смеялась по углам, то и дело кто-то принимался петь, другие подхватывали, песня растворялась в разговорах и смехе, а потом затевалась новая.

Светела посадили на почетном месте, между Берестенем и Взимоком. После того, как он не побоялся загородить дорогу упырю, на него стали смотреть с большим уважением. Изредка вставляя слово в разговор двух стариков, Светел не сводил глаз с Оборотневой Смерти. Священная рогатина стояла в Макошином углу, прислоненная к стене возле небольшого идола Великой Матери. Дурная кровь упыря с нее была смыта, клинок намазан кровью оленя, под-

стреленного Вешничами для этого угощения. То и дело кто-то из женщин обоих родов подходил к ней и проводил по клинку кусочком мяса или пирога, после чего кусочек бросали в огонь. А Светел напряженно размышлял, как ему заговорить с Берестенем о своем деле. Поглядев, какой силой наделена священная рогатина и с каким благоговением Вешничи относятся к оберегу рода, он усомнился, что сумеет уговорить их расстаться с ней хотя бы на время.

Вот еще одна девушка подошла к Оборотневой Смерти с медовым блином, помазала по клинку, угощая рогатину, шепотом благодаря ее за защиту. Ее светлые волосы были заплетены в две косы, и Светел определил, что она из Моховиков. Наблюдая за ловкими и плавными движениями стройной невысокой девушки, он позабыл даже о рогатине. Девушка повернулась и пошла к очагу; Светел увидел ее лицо, и словно теплый свежий ветерок повеял на него среди задымленной душистой избы. Чем-то милым, добрым, ласковым дышало ее лицо, и Светел не задумался даже, красива она или нет. Просто она была лучшей девушкой на свете.

– Кто это? – не отводя глаз от девушки, Светел подтолкнул локтем Берестеня. Даже обычная вежливость сейчас ему изменила.

– Эта? – Тот обернулся, взгляделся и с пьяноватым довольством усмехнулся. – А! Это Горлинка, Моховушка, Прибавы и Долголета дочка. Скоро наша будет! Наш Брезь, Лобанов сынок, ее сватать хочет. Хороша девка!

Слова его будто ножом резанули Светела. Ее хотят сватать! Она почти невеста! Еще немного – и один из этих оратаев назовет ее своей женой! Светелу была нестерпима мысль об этом, но он привык сдерживать свои чувства. Больше он ничего не спрашивал, но остаток вечера не сводил глаз с Горлинки. Каждое ее мягкое движение, наклон головы, блеск светлых кос в отсветах огня – все казалось ему полно невыразимой прелести. Единным шагом она вошла в его сердце и заполнила собою все.

Спать Светела уложили в избе Берестеня, в маленькой клети, пристроенной к истобке. Бебря с женой уступили боярину свое место, а сами устроились в истобке на полу вместе со своими неженатыми сыновьями. В клетушке было холодно – там не было ни печи, ни очага, – но Светел, закутанный в медвежьи шкуры, не замечал холода. Он не спал, а все произошедшее за эти два дня казалось ему сном. Священная рогатина, упырь, девушка-Моховушка, лучшая во всем белом свете!

И больше всего мысли Светела занимала именно девушка. Он не знал, что будет теперь делать, но был убежден, что именно ее Мать Макошь назначила ему в жены. Ах, если бы она была из Вешничей! Тогда бы он взял ее вместе со священной рогатиной, и родичи были бы еще ему благодарны. Но они хотят взять ее в невестки и не обрадуются, если их попытаются ее лишить. Даже в сладком тумане любви Светел не утратил способности рассуждать здраво и понимал, что свою любовь к Горлинке ему придется скрывать – хотя бы до тех пор, пока Оборотнева Смерть не окажется в его руках.

Утром Берестень повел чуроборского боярина в большой амбар, где хранилась приготовленная дань.

– Только вот прости, боярин светлый, бобров более у нас нету, – сказал старейшина, показав хлеб, мед, воск и связки шкурок.

– Как – нету? – изумился Светел.

Дорогой бобровый мех добывали на Белезени всего несколько родов, он был необходим чуроборскому князю в торговле с южными и северными заморьями. Князь Неизмир с наибольшим нетерпением ждал эту часть дани, и слова старейшины неприятно поразили Светела.

– Велес не дал! – Берестень развел руками, совсем как старейшина Ручейников, и торопливо заговорил, видя, как нахмурился боярин: – Ушли бобры с Темнички, на другую реку, видно, подались. Мы их искали, до самой пущени добрались. А к пущени уж не сунулись, не обессудь. Из тамошних лесов не то что бобровой – своей шкуры целой не унесешь.

Светел грозно хмурился, но ничего не сказал. Потеря бобрового меха была очень неприятна, но теперь он знал, как начать разговор о рогатине.

Берестеню тоже было невесело оказаться у князя в должниках. Вернувшись из амбара, он велел Ветохе поставить на стол лучшего малинового меда, принести пирогов, вчерашнего мяса, старался угостить и задобрить чуроборского боярина. Видя его старания, Светел все больше верил в успех своего дела, а для вида продолжал хранить суровость.

– Нелегко мне будет князю сказать, что ваших бобров я не привез, – заговорил он наконец. Берестень даже почувствовал себя виноватым – из-за них князь разгневается на младшего брата.

– Должно быть, пущеньские кудесники ворожкой переманили к себе наших бобров, – сказал старейшина. – Люди говорят...

– Однако можете вы и по-иному выказать свою дружбу князю Неизмиру, – задумчиво начал Светел.

– Как? – оживился Берестень. – Ты скажи только, боярин, мы князю нашему доброму все, что хочешь, сделаем! Ничего не пожалеем!

– Много у князя недругов, много завистников. И многие недруги его чародейством владеют. Может, кто-то и увел ваших бобров. Есть и такие, кого простое оружие не возьмет. Отдайте князю вашу рогатину, Оборотневу Смерть, и тогда он вам бобров простит и от дани вовсе освободит.

Берестень опешил, даже разинул рот, изумленно глядя на боярина. Предлагая князю «все, что хочешь», он никак не думал, что князь захочет священную рогатину, оберег рода!

– Да как же... – забормотал он. Это было все равно что попросить снять с себя самого голову. – Никак нельзя... Как мы без нее? Предки наши...

– Не навек просит князь вашу рогатину, – чуть-чуть попятился Светел. – На время. Одолеет он недругов, и к вам рогатина вернется. А может, и бобры вернуться еще. Зато от дани будете свободны хоть пять лет, хоть десять. Живите, богатеите. А не дадите – тот чародей злой у вас и прочее зверье повыведет, будете корешки жевать, как Черничники.

Берестень взялся за бороду и задумался. По правде сказать, лето было не слишком урожайное и положенную дань хлебом и медом они набрали с известным трудом. Самим хлеба до нового урожая никак не хватит. А за бобрами и правда может уйти другое зверье – ведунья говорила, что кто-то дурно ворожит против нее. Но отдать в чужие руки священный оберег рода – страшно и подумать!

Но не насовсем же. На время.

– Ох, боярин, не могу я один такое дело решить! – сказал наконец Берестень. Светел обрадовался в душе, поняв, что сам старейшина его предложение принял. – Надо род спросить. Не я Оборотневой Смертью владею, а род, ему и решать. И Елову спросить надо. Елову позовем – пусть она предков спросит. Если чуры наши противиться не будут – бери рогатину, и дани нам не платить десять лет.

В беседе, где еще плавали запахи вчерашнего пиршества, собрались все женатые мужчины рода. Мальчишки сбегали за Еловой. Она была единственной женщиной, которая допускалась на мужские сходки. Глядя, как она идет от ворот займища к крыльцу беседы, заметно прихрамывая и опираясь на клюку из ствола можжевельника, с комлем вместо навершия, Светел почувствовал, что в этой женщине найдет непримиримую противницу.

Елова была высока ростом, сухощава и не очень еще стара на вид. Лицо ее вовсе не имело возраста и хранило выражение властности и тайного презрения ко всем вокруг. Все зубы у нее были целы, а непокрытая коса поседела до последнего волоска. На груди ее, на темной рубахе из толстой шерсти, щелкали и терлись друг о друга несколько кабаньих клыков. По тем взглядам, которые бросали на нее родовичи, по их поспешным поклонам при ее приближении и облегченным вздохам ей вслед Светел понял, что Вешнички боятся свою ведунью. Что там

говорил о ней старейшина Ручейников? «Злая у них баба, а сила в ней могучая!» Однажды поглядев на Елову, Светел поверил и первому, и второму.

Чуроборца усадили в почетный угол, рядом с самим Берестенем. Елова устроилась возле идола Матери Макоши. Вешничи посматривали на боярина с опасливым любопытством. О неудаче с бобровыми шкурками все знали, и все понимали, что недоимки надо как-то возмещать.

Но того, чего потребовал боярин, не мог предположить никто. Если бы он потребовал трех девок себе в жены, Вешничи удивились бы меньше (они считались самым красивым родом во всей округе). Но Оборотневу Смерть! Когда Берестень рассказал, чего хочет боярин и что предлагает, все на миг онемели, а потом загомонили разом, как беспорочные мальчишки на речном песке. Отдать священную рогатину! Никогда! Чуры не простят! Род пропадет!

Светел спокойно слушал, пока родовичи накричатся. Украсть или отнять рогатину силой нельзя – тогда ее чудесная сила исчезнет. Но вот данью или иными повинностями прижать Вешничей очень даже можно. Ведь сейчас они у него в долгу, а не он у них.

– Скажите мне, внуки Вешника, разве князь Неизмир когда-нибудь нарушал свои обещания? – заговорил Светел, когда первое волнение схлынуло и шум поутих. Его голос был негромок, но так тверд и властен, что Вешничи совсем притихли. Неизмир был прав – из Светела вышел бы отличный князь. – Разве бывало так, чтобы князь Неизмир позволил дикой пущени разорять ваши земли? Разве он несправедливо судил ваши тяжбы с другими родами? Разве он потребовал когда-нибудь хоть горсть зерна, хоть беличью шкурку свыше уговоренного?

Вешничи молчали в ответ. Им было не в чем упрекнуть князя, и они почувствовали себя пристыженными. А Светел продолжал:

– Князь Неизмир всегда был другом вам, внуки Вешника. И если будет меж нами раздор, то не по вине князя. Где ваша дань? Я говорю о полной дани. Где бобровые шкурки? Я слышал от вашего старейшины, что бобры ушли. Разве князь виноват, что вы разгневали Велеса, Лесного Деда, водяного Темнички? С кого ему теперь спросить свои убытки? Другой князь приказал бы дружине перерыть ваши дома и забрать вместо бобров хлеб или несколько ваших дочерей.

Мужики беспокойно зашевелились. Терять дочерей никому не хотелось, да и хлеба до весны в обрез, дотянуть бы не до новой жатвы, а хотя бы до белокрыльника.

– Но князь Неизмир добр к своим людям, – чуть мягче продолжал Светел, видя, что победа его близка. – Князь согласен простить вам долг и даже освободить вас от дани на десять лет. Он будет вам другом, если вы будете друзьями ему. Он просит на время дать ему ваше священное оружие. Еще до весны Оборотнева Смерть вернется к вам, а сборщики дани заедут сюда только на одиннадцатую зиму после этой. Подумайте об этом. Вам нужно кормить ваших детей.

С этими словами Светел поднялся, легким неспешным шагом пересек при общем молчании беседу и вышел. Теперь Вешничам нужно покричать и поспорить без него. И Светел знал, с каким ответом к нему вскоре придет Берестень.

Обсуждение и правда вышло горячим и бурным. Женщинам и детям было любопытно, о чем мужчины так долго спорят. Вострец сунулся подслушать в сени и вскоре вылетел оттуда с вытаращенными глазами. Они хотят отдать в Чуробор Оборотневу Смерть!

Через мгновение потрясающую новость обсуждало все займище, от шепелявых девчонок до беззубых старух. Кое-кто из женщин начал подвывать и причитать, как над покойником. Остаться без священного оберега было страшнее, чем без тына вокруг домов.

– Не слушайте его! – воскликнула Елова, едва Светел исчез в сенях. – Нет таких благ, на которые можно благословение предков выменять! Оно как совесть – продать-то продашь и за полбелки, а назад не купишь за сорок соболей! Оборотнева Смерть нашему роду эту землю

дала, а без нее и землю потеряем, и сами пропадем! Чуры нам такого паскудства не простят! Они отвернутся от нас!

– Да ведь не совсем, до поры! – уговаривал ведунью и других Берестень. – До весны вернется! Не придет же до весны новый упырь! Зато без дани десять лет! Да мы за десять лет как разбогатеем! Вы подумайте только вашими головами!

– При Матери постыдись хоть такое говорить! – Елова гневно потрясала своей блестящей клюкой, указывая на идол Макоши. – Стыд нам всем! Вешнику в Верхнем Небе тошно смотреть на нас! Гнев богов нас ждет!

С вздетой клюкой, с растрепавшейся седой косой и страшно горящими глазами ведунья была похожа на саму Деву Обиду, живое воплощение гнева богов. Многих смущали и тревожили ее слова, многие признавали ее правоту, но уговоры Берестеня тоже были убедительны. Бобров не вернешь, а дани десять лет не платить. Надо соглашаться, пока добром просят. У боярина дружина – не уговорит, так отберет, вовсе ни с чем останемся.

Наконец Елова в гневной досаде стукнула клюкой об пол и быстро вышла. Все притихли, понимая, что она разгневалась не на шутку, но без нее сразу стало легче дышать. Без Еловы Берестень быстро уговорил родовичей и вскоре уже стоял перед Светелом с тем самым ответом, которого тот и ждал.

* * *

Должно быть, во всем роду Вешничей был только один человек, которого мало занимала судьба священной рогатины. Это был Брезь. Для него хмурый и промозглый день предвзято дышал теплом и свежестью месяца кресеня. Вчера он попросил у Горлинки ее невестино обручье, и она дала, не размышляя, и улыбнулась, и сама надела браслет из чеканного серебра ему на запястье. И всякий, кто увидит Брезь с этим браслетом, будет знать – он сговорился с невестой. Всю дорогу домой от Моховиков Брезь жалел, что никто ему не встретился и не увидел обручья, знака его счастливой любви, – ему со всем миром хотелось поделиться своим счастьем. С этим браслетом он теперь мог идти с родичами сватать девушку и знать, что не встретит отказа. Кое-где и сейчас еще умыкали невест, но над Белезенью в последние два-три поколения сватались добром, а от прежнего обычая осталось обыкновение вместо девушки приносить домой ее обручье. Особенно зимой – а в теплый месяц кресень можно и побегать.

Целый день Брезь любовался обручьем, и ему казалось, словно сама Горлинка уже здесь, с ним. Он перебирал в памяти все встречи с Горлинкой, начиная с самой первой, в Ярилин день, блаженно мечтал о близкой свадьбе, уже видел Горлинку хозяйкой возле печи в своей родной избе, видел даже с ребенком на руках... Оставалось только одно дело – а потом можно идти к Берестеню просить о сватовстве.

В мечты и счастливые мысли Брезь лишь изредка врывались обрывки возбужденных разговоров родни. Ему были безразличны сейчас все рогатины на свете, включая и Оборотневу Смерть. Услышал он только одно: «Елова ушла». У него было дело как раз к Елове, и Брезь хотел тут же идти за ней следом.

К счастью, мать послала его за водой, потом попросила еще с чем-то помочь по дому, чем изрядно задержала его. К счастью, потому что если бы Брезь попался под руку разгневанной ведунье, то она сгоряча превратила бы его в зайца, и мечтам о свадьбе был бы конец.

В ельник, где жила ведунья, Брезь попал только перед сумерками. Среди зеленых великанов осень была меньше заметна, но вечный сумрак и сырость нагоняли тоску. Сама избушка Еловы стояла, прислонясь бревенчатым боком к стволу огромной ели, словно опиралась на нее. Она была маленькой и тесной – видно, что строили для одного человека, у которого не будет детей и внуков.

Елова не ответила на стук, но на низком сером крыльчке не лежало ветки – это означало, что хозяйка дома и путь к ней не закрыт. Толкнув низкую дверь, Брезь шагнул через порог, взгляделся, стараясь увидеть саму ведунью. В тесной избушке было совсем темно, только посередине, на полу красным пятном пламенела горка углей в открытом очаге. Его слабый свет позволял разглядеть сидящую рядом на полу темную фигуру, похожую на огромную нахохленную птицу.

– Ты! – раздался из темноты голос ведуньи, как будто удивленный слишком точно сбывшимся предсказаньем. – Пришел-таки! Скоро же!

Брезь так понял, что войти ему не запрещают. Притворив за собой дверь, он шагнул к очагу и поклонился.

– Здорова будь, матушка, и пусть голос твой всегда слышат боги! – вежливо начал он. – Дозволишь мне одной малостью тебя побеспокоить? Я ненадолго, дело-то у меня простенькое, тебе на один чих, а у меня вся судьба моя от него зависит.

– Хватит болтать, дело говори быстрее, – буркнула Елова. – Дело на один чих, а разговор с три короба!

– Я вот чего пришел, – торопливо продолжил Брезь. – Я, матушка моя, жениться хочу. Хочу Горлинку из Моховиков за себя взять, дочку Прибавы и Долголета. Она сама-то согласна. А стали мы с ней дедов и бабок вспоминать – запутались. Ведь в каждом колене у них по восемь человек! Помоги, матушка. Скажи – ведь у нас в семи коленах нет родства? Можно мне ее сватать?

Брезь замолчал, волнуясь в ожидании ответа. Закон рода суров – если они с Горлинкой родня в шестом-седьмом колене, то свадьбе не бывать, какая бы тут любовь ни приключилась. А Моховики и Вешничи роднились часто, и поди упомни всех бабок и дедов, которые уже вполне могли успеть пережениться между собой. А если она сестра – хоть в омут кидайся, а ничего не переменишь.

Ведунья вдруг тихо, со злорадством засмеялась, и Брезь похолодел.

– Что ты? – воскликнул он, забыв обычное боязливое почтение, и подался вперед, стараясь разглядеть во тьме лицо ведуньи. – Что ты смеешься? Или мы с ней родня?

А Елова все смеялась, не отвечая, и отчаяние переполнило Брезя. Видно, так и есть! Мигом весь мир для него перевернулся, на месте цветущего луга развернулась черная гарь. Весь свет стал темным и холодным, как эта избушка. Не сбьются его мечтам! Пропало их счастье, обманула любовь! Как теперь жить? Горлинка, жизнь его, теперь все равно что умершая. Но как увидеть ее женой другого, как самому вести в дом другую хозяйку? Брезь не верил, не мог поверить, что судьба к нему так жестока, задыхался от душевной боли и все равно не верил.

– Судьба! – вдруг разобрал он в смехе ведуньи. – Судьба! Вот она! О волке речь, а волк навстречь!

– Что – судьба? Что – волк? – отчаянно воскликнул Брезь, не понимая, чем и зачем она его морочит. – Говори хоть толком!

– Толк! Да в чем ты знаешь толк, голубь мой сизокрылый? За девками по роще гонять? – с издевкой спросила Елова, все еще посмеиваясь. – Ты хоть знаешь, что ныне судьба твоего рода решается? А тебе одна твоя девка весь белый свет застит! Как щенок слепой. Род гибнет – а ему невесту подавай!

– Что там род – старшие разберутся, – уже потише, растерянно ответил Брезь. – Меня-то все равно не спросят. Молод я еще родовые дела думать, мне в своих бы разобраться.

Теперь он не знал, что и думать. Может, все-таки рано отчаялся?

– Старшие! – с горькой насмешкой и презрением повторила Елова. – Тебе девка, а им шкурки да мешки глаза затворили. Они хуже тебя слепы. Не старшие, а ты! Ты один теперь судьбу рода решишь!

– Я? – Брезь был совсем сбит с толку. В темноте он не видел ни стен, ни пола, на котором стоял, ни ведуньи, с которой говорил, а видел только краснеющие, медленно меркнувшие пятна углей в очаге, и все это казалось ненастоящим, похожим на путанный и пугающий сон. – Да как же – я? При чем я? Я всего-то и хочу, что на Горлинке жениться! Мне уж пора! Ты только скажи – можно?

Елова перестала наконец смеяться и сидела молча, обхватив колени, похожая на большую нахохленную птицу. Потом она тихо, безразлично заговорила, глядя в дотлевающие глаза углей:

– Я спрашивала богов и предков о судьбе рода. Я спрашивала, что с нами будет, если мы отдадим священную рогатину в чужие руки.

Ведунья уронила руку, взяла что-то с пола возле очага, и Брезь разглядел, что там лежат ее гадательные амулеты – птичьи и звериные косточки с процарапанными таинственными знаками, щепки разных деревьев, зачерненные углем с одной стороны.

– И сказали мне чурь: отдать Оборотневу Смерть из рода нельзя. Но можно отпустить ее в поход, не разлучая с родом. Можно, если ее понесет к князю один из Вешничей и сам сделает то, что нужно князю. Тогда найдет он себе великую славу, почет и богатство, и дороги его будут далеки, и много веков спустя кошуны и песни будут рассказывать о его деяниях. Тогда спросила я чуров: кто из внуков Вешника достоин нести Оборотневу Смерть? И ответили мне чурь: Брезь, сын Вмалы и Лобана.

– Я? – Брезь не верил происходящему, все больше убеждался, что это сон. – Да быть не может!

– Я лгу? – язвительно спросила Елова. – Или чурь лгут? Спросила я тогда богов о твоей судьбе. И сказали боги: дальнюю дорогу они отворят перед тобой.

Брезь снова хотел возразить, но не посмел, а в душе ни с чем не согласился. Такое пророчество показалось ему и нелепым, и недостоверным, и нежеланным. Разве он вечерами пропадавал возле деда Щуряка, требуя все новых басен и кошун? Разве он рвался в битвы, мечтал о Чуроборе, о других землях? Ничего такого он не хотел. Зачем ему богатства, слава, сам княжеский стол? Чего они стоили без любимой? А с ней они не нужны. У него был свой собственный мир, небольшой, но глубокий и наполненный, ему было в нем уютно, и его не тянуло в неведомые дали.

– Так что мне теперь, все бросить и за столом княжеским бежать? – хмуро спросил Брезь у ведуньи. – Змея одолеть и на княжне жениться? Не хочу я ни в князья, ни в воеводы. Я жить хочу, как деды и прадеды наши жили. А больше ничего мне и не надо. За что меня так судьба наказала?

– Судьба! – повторила Елова. – Что ты о судьбе знаешь, голубь мой? Думаешь, судьба что река – куда течет, туда и приплывешь? Нет, судьбу пытаться – что колодец копать. У тебя есть под землей водная жила – копай, и будешь с водой. А у другого нет – он хоть версту вглубь пророет, а останется ни с чем. А коли будешь ты над водяной жилой сложа руки сидеть – тоже пустой останешься.

– Может, другой кто? – с надеждой спросил Брезь. – Мало ли у нас парней? Вон, брат Заренец чем плох? Он и старше, и удалее меня.

– Не дано Заренцу владеть священной рогатиной, она ему не подчинится. Или ты – или никто, так боги сказали. Да ведь твой колодец за тебя никто не выроет. Не хочешь – седи, где сидишь.

В последних словах Еловы было насмешливое презрение, но Брезь его не заметил. Разобравшись наконец в ее речах, он вздохнул свободней. Что там вздохнул – словно медведь его давил да вдруг выпустил. Никто не заставляет его бросить родню и любимую невесту и бежать неведомо куда, неведомо зачем. Ему можно и остаться дома. Боги позволяют выбрать – и Брезь сделал свой выбор без колебаний.

– Я роду не скажу, – прервала молчание Елова. – А то силой погонят. А гнать нельзя – свою судьбу каждый сам исполнить должен. Род тут не помощник. Сам решай и отцу не говори.

– Да я решил, – с облегчением ответил Брезь. – Не надо мне ничего, только бы на Горлинке жениться. Так что, матушка, – можно?

– Да женись, – безразлично бросила Елова, словно утратила к нему всякий интерес. – Вы не родня.

– Спасибо, матушка! – от души сказал Брезь и низко поклонился. – На стговор приходи!

И он пошел прочь. Елова проводила парня безразличным взглядом и стала пошевеливать веточкой в остывающих углях. Оживший огонек осветил ее гадательные амулеты, причудливо разбросанные по полу. Ведунья знала еще кое-что, чего не сказала никому.

* * *

Добившись желаемого, Светел в тот же день с двумя отроками поехал обратно в Чуробор. В этот раз его поход оказался коротким, но удачным как никогда. Священная рогатина, от конца ратовища до острия обмотанная от чужих глаз серой холстиной, была прикреплена к его седлу, и Светел то и дело опускал руку, проверяя, на месте ли она.

Вешничи всей толпой провожали его, а вернее, Оборотневу Смерть, женщины и старухи причитали, словно у них увозили кого-то из близких. Мужчины хмурились, кто-то уже жалел о решении, но идти на попятный было поздно. Опасаясь осуждения соседней, Берестень строго запретил рассказывать другим родам о потере. Боги помилуют, до весны других упырей не объявится, а на медвежий лов можно и с простой рогатиной сходить.

Дружина полюдя еще на одну ночь оставалась у Вешничей, а завтра должна была отправиться дальше вверх по Белезени, обычным путем. Теперь ее предстояло вести боярину Туче. Это был прежний кормилец и наставник Светела, который до сих пор сопровождал его в походах и давал советы. К чести Светела, он не вообразил себя умнее всех и внимательно обдумывал советы Тучи. Из всей дружины один Туча знал о поисках священной рогатины, знал и о том, для кого она предназначена. Теперь боярин присоветовал Светелу сказать, будто он получил спешную весть и должен сам везти ее князю, а к Оборотневой Смерти внимания не привлекать, как будто захватил ее заодно. Светел так и поступил. Несмотря на близкую ночь, он простился с Вешничами и пустился в путь.

Светел был благодарен Туче за советы, но именно теперь был рад расстаться со своим наставником. То, что он задумал, осторожный и осмотрительный боярин никак не одобрил бы. Он слишком давно был молодым и давно забыл о власти над людьми ласковой богини Лады, нередко одолевающей и мудрого Сварога, и неукротимо-воинственного Перуна, и бережливого Велеса. Пусть задерживаться с рогатиной было безрассудно – Светел не мог просто так покинуть эти места. Теперь, когда Оборотнева Смерть была в его руках, все его помыслы устремились к Горлинке. Он ехал к Моховикам, желая хотя бы еще раз увидеть ее и раздумывая, что теперь делать. Конечно, лучше бы сначала отвезти рогатину в Чуробор и даже разделаться с оборотнем, а уж потом заняться сердечными делами. Но ждать нельзя – у девушки есть жених. Уже через несколько дней она может оказаться замужем. Но посвататься самому? А если она любит этого своего жениха и не захочет его оставить? Какой позор для княжеского брата – свататься к простой девке из лесного рода и получить в ответ пустое веретено!⁴

Неспешно проехав несколько верст, разделяющих займища Вешничей и Моховиков, Светел в сумерках оказался перед дубравой, укрывающей тын. Здесь он тоже поведал Взимоку свою выдумку о срочной вести для князя и милостиво согласился остаться переночевать.

⁴ Намек на одну из форм сватовства: на посиделках парень дает девушке вырезанное им самим веретено, и если она согласна выйти за него замуж, то в конце вечера возвращает веретено с пряжей, а в противном случае – пустым.

– Хочешь, боярин, почивать ложись, а хочешь – в беседу тебя проведу, – после ужина предложил ему старейшина. – Мы нынче вечером без гостей, так хоть послушай, как наши девки поют. Все тебе веселее будет!

Статный княжеский брат с открытым лицом и чистым взглядом голубых глаз был совсем не то что смуглый огненноглазый княжич-оборотень, оповещающий о своем приближении волчьим воем. Светелу Взимок не боялся показать хоть всех своих девок. Пусть видит, что и Моховики не хуже других. А при надобности поможет чем-нибудь...

В беседе среди охапок обтрепанного льна сидели четыре девушки-Моховушки, несколько девочек-подростков, кого матери не загоняли спать так рано, несколько парней чинили сети, строгали ратовища, занимались другой сидячей работой. Светел уселся в стороне, подальше от огня. Сначала его дичились, потом про него позабыли, и болтовня потекла дальше.

Горлинка тоже была здесь, и Светел нашел ее взглядом, едва шагнув через порог. Она сидела в стороне и не принимала участия в общем разговоре. Девки чесали лен, а она подшивала полотенце, ловко и привычно двигая иглой, и лишь изредка поднимала глаза на сестер и братьев, если кто-то окликал ее. Дождавшись, когда на него перестанут обращать внимание, Светел незаметно подсел к Горлинке. Другого случая обменяться с ней хоть словом, наверное, уже не будет.

– Что же ты, красавица, от сестер отбилась? – ласково спросил он, любуясь ее лицом.

Горлинка бросила на него короткий смущенный взгляд.

– Почему же отбилась?

– Все лен чешут, а ты убрус шьешь. Или уже приданое готовишь?

Румянец сильнее зарозовел на щеках девушки.

– Всем пора бывает приданое шить, – тихо ответила она. – Может, и моя пришла.

– Пришла? – настойчиво расспрашивал Светел. – У тебя уж есть жених?

– Нет еще, да, может, будет, Мать Макошь даст.

Горлинка постаралась незаметно спрятать левую руку, но Светел, уловив ее движение, заметил отсутствие невестиного обручья, и вся кровь будто вскипела в нем. Она уже отдала обручье! Значит, вот-вот будет сговор! Еще немного – и он потеряет ее навсегда.

– Какого же тебе надо жениха? – стараясь сдержать раздражение и тревогу из-за грозящей его счастью опасности, спросил Светел.

– Какого Макошь даст, такой и будет.

Горлинку смущали его вопросы, его настойчивый взгляд, она не понимала, к чему чуроборский боярин завел с ней разговор. И, уж конечно, она не собиралась рассказывать ему о своих сердечных тайнах и надеждах. Пока их с Брезем не обручили по обычаю, никому не нужно об этом знать, особенно чужим.

– Какого же она здесь тебе даст жениха? – не унимался боярин. – Оратая какого-нибудь? А что бы ты сказала, если бы я к тебе посватался?

Светел вдруг взял ее за руку и склонился к ней, ожидая ответа. Изумленный взгляд Горлинки встретился с его взглядом.

– Да ты смеешься... – начала она и поняла, что он вовсе не смеется.

А Светел придвинулся к ней ближе и горячо зашептал:

– Я тебя как увидел у Вешничей, так в тот же час полюбил. Много в Чуроборе красавиц, а такой нет среди них. Я тебя в жены возьму, с собой увезу, скажи только – полюбишь меня?

– Да что ты говоришь такое? – в изумлении и испуге пролепетала Горлинка, отстранилась от него, вырвала руку и кинулась прочь, бросив шитье.

А братья и сестры ничего не заметили – они горячо обсуждали, сможет ли упырь теперь, уже бесплотным духом, выходить из могилы?

Горлинка убежала к Малинке. Завтра начиналась Макошина Неделя, а на второй ее день назначена была Малинкина свадьба. Невеста целый день перебирала свое приданое и подарки

будущей родне, раздумывая, не забыла ли чего-нибудь. Из дому ее не пускали, так что она всегда была рада гостям. Зато все ее мысли занимала собственная свадьба, и ей не приходило в голову спросить, отчего Горлинка так взволнована и румяна больше обычного.

А Горлинке совсем не хотелось рассказывать о своей беседе с молодым чуроборским боярином. Какие разговоры пойдут, если кто-то узнает! Одни скажут: что-то к нам чуроборцы зачастили! Княжичу Милава приглянулась, князеву брату – Горлинка. Чем-то это все кончится? А другие скажут: чего теряешься, девка глупая, не каждый день к тебе бояре сватаются! А что скажут Вешничи? А Брезь? При мысли о нем Горлинка испуганно прижала руку к щеке. Она любила Брезя, с радостью отдала ему обручье, с нетерпением ждала его сватовства, сговора, свадьбы. Как позавидовала она сейчас Малинке – та уже крепко связана со своим женихом, послезавтра он станет ее мужем, и никто не разлучит их! А ее счастье пока остается мечтой, его еще могут сглазить, разрушить! И зачем этот чуроборский боярин только приехал к ним!

* * *

На другой день рано утром Горлинка собралась к Вешничам. Малинка просила ее звать на свадьбу всю семью тетки Вмалы, да никто из Моховиков, зная о скором сговоре Горлинки, и не удивился, что ее тянет к Вешничам. А ей хотелось уйти подальше от чуроборского боярина, больше не встречаться с ним до его отъезда, да и возле Брезя ей будет спокойнее.

Выйдя на крыльцо поутру, Светел успел увидеть стройную девичью фигурку в кожухе, с теплым платком на голове, выходящую из ворот. Со спины, с одного взгляда он сразу узнал ее и вздрогнул: куда она уходит? У него так мало времени, его ждут в Чуроборе!

Мгновенно приняв решение, Светел кинулся назад в избу, разбудил своих отроков и велел немедленно собираться. «Ишь, как к князю торопится!» – думали Моховики, глядя, как отроки торопливо седлают коней. Простившись с хозяевами, три всадника выехали за ворота и поскакали к реке, вдоль высокого берега которой пролегалла сухопутная дорога на Чуробор.

Скрывшись из глаз, всадники разделились. Светел велел отрокам ждать его чуть ниже по реке, где в Белезень впадает ручей, а сам развернул коня и полями, в обход займища во весь опор поскакал к землям Вешничей. Он успел увидеть, куда свернула Горлинка, и надеялся ее догнать. Что он ей скажет – он не думал, для него было важно сейчас, как на лову, не дать ей уйти.

На полпути между займищами Горлинка вдруг услышала позади дробный стук копыт по промерзшей земле, хорошо слышный в тихий, безветренный день. Оглянувшись, она узнала всадника и вдруг испугалась, словно за ней гнался сам вставший из второй могилы упырь. Не думая, Горлинка свернула с тропы и кинулась бежать прямо в лес.

Светел бросил коня на том месте, где она последний раз мелькнула у него перед глазами, и сам устремился за ней. В опустевшем лесу меж темных стволов далеко была видна ее тонкая фигурка, и Светел мчался, как пес на лову, не замечая бьющих по лицу веток. Добыча была близка.

Горлинка бежала изо всех сил, промочила ноги в тяжелом снегу, лежавшем в укромных уголках леса, подола двух рубаш путались у нее в ногах, она задыхалась от испуга, даже не пыталась кричать – кто ее услышит в лесу?

В глубине чащи Светел догнал ее и крепко схватил за руку.

– Что же ты бежишь от меня? – чуть задыхаясь, выговорил он.

Горлинка пыталась вырваться, но Светел не пускал.

– Разве я тебе чего худого сделал? Или я зверь лесной, оборотень? Я не оборотень. Я тебе зла не хочу.

Горлинка дрожала, глаза ее были полны страха, она все тянула прочь свою руку, как животное в ловушке, которое само не понимает, что его держит и не пускает. И Светел уговаривал ее, стараясь успокоить:

– Не бойся ты меня! Я тебя в Чуробор увезу, боярыней сделаю. Что боярыней – княгиней станешь! Вот только с оборотнем проклятым разделаюсь – сам князем буду, а ты княгиней. В золоте будешь ходить, в сапогах, в шелках заморских! Я тебя не обижу, ни в чем отказа знать не будешь! Я тебя люблю, и ты меня полюбишь, мы ладно будем жить. Не бойся!

Но Горлинка все молчала, прижималась спиной к дереву, словно хотела, как Лесовица, войти внутрь ствола, и глаза у нее были как у загнанной косули. Кажется, его слова вовсе не доходили до ее сознания, и она слушала их как рычание зверя, готового ее съесть. Светел даже удивился – никому никогда он еще не внушал такого страха.

– Ну что ты, глупая? – с ласковой снисходительностью, как собаку или лошадь, уговаривал он.

– Пусти, пусти! – умоляюще выговорила наконец Горлинка. – Пусти меня, боярин! Не надо мне от тебя ничего!

– Да пойми же, я люблю тебя! Княгиней будешь, подумай!

Светел обнял ее и нагнулся, хотел поцеловать, но Горлинка ахнула и отвернулась, словно к ней тянулась змея.

И вдруг тишину леса прорезал далекий волчий вой. Светел сильно вздрогнул, вскинул голову и прислушался. Далекое вой медленно нарастал. Его ни с чем нельзя было спутать – это Огнеярова Стая загоняла дичь.

Мысль об Огнеяре пронзила Светела как молния, и он выпустил девушку. Горлинка тут же кинулась прочь, но Светел больше не гнался за ней. Он зажал уши ладонями, отпустил – вой не исчез. Это не наваждение – Дивий близко! Тревога, досада на собственное безрассудство охватили его, смыли горячий туман любовного безумия, как поток холодной воды. Нашел время за девками гоняться! Рогатину надо везти!

Рогатина! Она же осталась с конем, на тропе, как раз в той стороне, откуда теперь доносятся вой! Светел сам изумился, как мог настолько забыть. Правду говорят, что Ярила лишает людей разума!

Не оглянувшись даже вслед убежавшей Горлинке, Светел изо всех сил помчался назад к тропе, отчаянно боясь, что заблудится в незнакомом лесу, не успеет раньше Дивия. К счастью, выглянуло бледное солнышко и указало ему путь. Торопливо кидаясь из стороны в сторону, Светел выскочил наконец на тропу почти в том же месте, где вошел в лес. Его конь стоял там, где Светел его оставил, и Оборотнева Смерть по-прежнему висела на седле.

Только теперь ощутив, как бешено стучит сердце, Светел подошел, шатаясь, к своему коню, положил руки ему на спину и прижался лицом к замотанному холстиной клинку рогатины, как к щеке любимой девушки. Хотя бы эту находку он должен довести до дома.

Сев в седло, Светел осторожно, так же в обход, поехал к ручью, где его ждали отроки. Волчий вой постепенно затихал в стороне. Облава миновала его.

Глава 4

Последнюю пятницу месяца листопад, что открывает Макошину Неделю, Милава провела у Моховиков. Она явилась сюда прямо с утра, чтобы теперь не разлучаться с Малинкой до самой завтрашней свадьбы. В душе она мечтала, что на другой день после Малинкиной свадьбы Брезь с родичами придет сватать Горлинку, и она посмотрит на сватовство и сговор – обычно женщины рода жениха видели свою будущую невестку только в день свадьбы уже у себя дома. Милаве было весело – столько радостных событий разом!

Горлинки дома не оказалось, и Милава удивилась, как же они сумели разминуться на одной-единственной тропе. Но ждать Горлинку было некогда, пришла пора собирать Малинку. Из лесу принесли маленькую елочку, поставили ее в избе, нарядили лентами, пели песни, прося богиню Ладу благословить замужнюю жизнь невесты. Потом пошли топить баню.

Тут появилась Горлинка, и ей баня нужна была не меньше, чем невесте, только совсем по другим причинам. Она едва держалась на ногах от усталости, платок у нее сбился на затылок, волосы были растрепаны, на щеках засохли следы слез. Милава напустилась на нее с распросами, но Горлинка сказала только, что свернула с тропы и заблудилась, видно, Леший покружил. Говорить об этом посреди девичника было некогда, и Горлинка пошла в баню со всеми девушками и с невестой, надеясь, что поправится.

После бани она и правда успокоилась, повеселела, и к вечеру, когда пришла пора ткать обыденную пелену, была уже такой, как всегда. Все девушки и молодые женщины Моховиков собрались в беседе, принесли чесалки, прялки, собрали в углу ткацкий стан. За этот вечер им предстояло расчесать всем вместе охапку льна, на прясть пряжи и соткать холстину. Если успеют – Мать Макошь благословит их долгие труды этой зимой. Да и как было не успеть – обыденная пелена начинала веселую пору посиделок, и ткань ее с песнями и разговорами затягивалось до утра.

Занятые своей работой женщины не слышали стука в ворота. Несколько мужчин вышли спросить, кто пожаловал на ночь глядя.

– Огнеяр Серебряный Волк, княжич чуроборский! – ответил из-за тына знакомый голос. – Где там дед Взимок? Он меня в гости звал!

Взимок схватился за голову – а ведь и правда звал, теперь не откажешься. Да и не оставишь ночью за воротами гостя, да еще княжича!

Ворота раскрылись, Огнеяр со своей Стаей въехал во двор, на займище сразу стало тесно и шумно.

– Здоров будь, дед Взимок, и весь твой род пусть благоденствует! – весело пожелал Огнеяр, соскочив с коня. – И я свое обещание не забыл – вон какой подарочек вам привез!

Подарочком оказались туши двух крупных туров. У одного, пегого лесного быка, рога были длиной в полтора локтя. Немалая нужна была сила, чтобы такого завалить. Мужчины одобрительно загудели. Одного на свадьбу, как обещал, а второго и самим можно съесть.

– Ко времени, княжич, мы и пива наварили! – радостно прогудел густым голосом Прапруд, старший сын Взимока.

– Только гляди за своими отроками, княжич светлый! – неприветливо буркнул Долголет. – Как бы опять кто голову не зашиб, а мы потом беды не оберемся.

Вспомнив о недавних событиях, Моховики замолчали, стали настороженно оглядывать отроков. Огнеяр нахмурился.

– Какие беды? Или слишком мой отрок вас натрудил, что три дня хворал? Или могилу было тяжело копать? Так скажите – мой человек был, я за него рассчитаюсь.

– Будто сам не знаешь, что с твоим человеком? – угрюмо ответил Долголет. Он считал, что Огнеяра вообще не следует пускать на займище, и это ясно отражалось у него на лице.

– Не знаю, – ответил Огнеяр, чуя неладное. – Что с ним было?

– Да упырем он сделался, не к ночи будь... – Взимок опасливо огляделся и сотворил знак огня. – Дней десять у нас под тыном зубы скалил. Кабы не Оборотнева Смерть, так и не видать нам покоя.

Известие это поразило Огнеяра; прикусив нижнюю губу, он внимательно оглядел лица Моховиков. И почти на каждом лице было ясно написано: «Шел бы ты своей дорогой, княжич, нас бы не трогал. А то не ровен час, беды с тобой не оберешься!» Никто не смел сказать ему этого вслух, но он и так все понял. Подобные взгляды были ему хорошо знакомы.

Шагнув к Долголету, Огнеяр взял у него факел и сунул руку в пламя. Кое-кто из Моховиков ахнул, Стая не обронила ни звука. Прошло несколько долгих мгновений, потом Огнеяр вернул факел изумленному Долголету и спокойно спросил:

– Веришь, что я не упырь и не нечисть?

– Да чего же? Я ничего... – Долголет не знал, что сказать, но общее напряжение схлынуло, все перевели дух.

Нечисть боится серебра и огня, а чуроборский княжич не боится ни того ни другого. Мужики то глядели в лицо Огнеяру, то косились на его руку, стараясь разглядеть, есть ли на ней ожог, но на дворе было слишком темно.

– Будь нашим гостем! Просим милости! – засуетился Взимок. – У нас пелена обыденная, бабы свою работу справили, как раз угощенью пора! Иди в беседу, княжич, сейчас и бычка твоего распотрошим!

В беседе уже убирали прялки и разбирали ткацкий стан, новая обыденная пелена с пестрой вышивкой украшала Макошин угол, а парни готовили столы для угощения. Всем было весело, спать не хотелось. Только Горлинка сидела в углу, не пела и не смеялась со всеми, едва могла удержать в руках веретено и совсем немного сделала в общей работе. Почему-то ей было холодно, хотя в очаге горел яркий огонь. Она куталась в свой кожух, но внутри у нее что-то дрожало, а ноги казались ледяными. Все тело ломило, по жилам разливалась такая слабость, будто она весь день возила на себе дрова.

– Что с тобой? – не отставала от нее Милава. – Ой, какие у тебя руки холодные, будто с морозу без рукавиц! И дрожишь!

– Что-то я мерзну, – тихо созналась Горлинка. – Я в лесу намерзлась, ветер стылый был. И ноги промочила. После бани вроде отошло, а теперь опять...

– Надо бы тебе травок заварить. Я сейчас у тетки попрошу.

– Я уж лучше домой пойду, – виновато сказала Горлинка. – Видно, Макошь на меня гневается за что-то – в самый свой велик-день заболеть приказала. Ну, до завтра отойдет. Мне бы багульника выпить, у нас дома есть.

– Пойдем, я тебя доведу.

– Да я сама, что ты! Идти-то два шага!

Но Милава сама укутала Горлинку в платок и кожух, отвела ее в избу, где сейчас никого не было, сделала ей горячий отвар с медом, уложила и накрыла двумя шкурами. Сестры, может, вовсе сегодня спать не придут, им одеял не нужно.

– Иди, иди. – Выпив отвар, Горлинка отослала ее. – Иди, повеселись. Я засну теперь, а к утру, глядишь, полегчает.

Милава пошла обратно в беседу. На дворе она заметила множество народа, лошадей, мелькание факелов. Кто бы это мог быть? Не из Лисогоров ли гости приехали? Вроде рановато. Или дружина полюдья – говорят, они здесь и не были, прямо к Вешничам кинулись.

Милава подошла к крыльцу беседы и вдруг увидела поблизости двух рослых парней в серых накидках, с длинными волосами, завязанными в хвосты. Сообразив, кто это, она изумленно ахнула и быстро огляделась. И встретила взгляд, ярко блестящий при свете факела, увидела знакомые черты лица, резкие и чуть грубоватые, навек отпечатавшиеся в ее сознании.

Огнеяр тоже сразу ее увидел и тоже не поверил глазам – ведь она не здешняя, она должна быть в Вешницах. Как будто сами боги привели ее сюда, чтобы исполнить самое горячее, хотя и тайное его желание. Ему тоже было приятно увидеть снова займище Моховиков, согретое памятью о Милаве, и вдруг он увидел ее саму! Девичье лицо, освещенное пляшущим пламенем факела, было полно изумления. И вдруг Огнеяру вспомнился другой такой же вечер, другое девичье лицо в свете факела. Как наяву он видел, как изумление перерастает в ужас, как рот раскрывается в отчаянном крике, как она поворачивается и бежит навстречу безумию... И впервые в жизни Огнеяру стало страшно.

– Это ты! – ахнула Милава и шагнула навстречу.

И гора свалилась с плеч Огнеяра: вместо страха в глазах девушки отразилась радость, она улыбнулась и протянула к нему руку, дотронулась до меха его накидки и отдернула руку: еще посчитает ее дурочкой!

Но Огнеяр тоже улыбнулся, блеснув белыми зубами, взял ее руку и прижал к груди. На холоде его рука показалась Милаве горячей как огонь, но это было очень приятно.

– Откуда ты взялся? – глуповато смеясь, спросила она, все еще не веря, что это все правда. Она столько раз видела его во сне, так мечтала, что однажды он снова придет, что теперь не верила сбывшимся мечтам.

– Что с тобой было? – вместо ответа спросил Огнеяр.

Увидев ее невредимой, он испытал облегчение от такой тревоги, какую раньше в нем вызывало только нездоровье матери. А эта девушка, которую он едва знал, вдруг стала для него важна ничуть не меньше.

– Что? Когда? – Милава удивилась, но даже удивление не прогнало с ее лица глуповато-счастливую улыбку. Она совсем забыла о недавних страхах.

– Третьего дня. Ты кричала.

– Кричала? – переспросила Милава, потом вспомнила и ахнула. – Да! Упырь же! А ты откуда знаешь?

– Слышал. На тебя упырь лез?

– Да. На меня его приманивали.

– Чего?

Огнеяр даже нагнулся к ее лицу, как будто ослышался. Милава опять заглянула ему в глаза и уже не увидела в них ничего страшного, ей хотелось смотреть и смотреть в них без конца. Все это бабья глупая болтовня, никакой он не оборотень!

– Как – приманивали? – настойчиво спрашивал Огнеяр.

– Пойдем в беседу – я тебе расскажу.

Милава потянула его на крыльцо. В беседе уже толпились вперемешку Моховики и Огнеяровы отроки, было шумно и душно, женщины пытались кое-как разместить всех за столами.

И не мужчинам сегодня принадлежали лучшие места, даже если это княжеские отроки. В велик-день Матери Макоши почетные места отводились женщинам, и место Взимока готовилась занять бабка Бажана, самая старая в роду.

– Пожалуй сюда, княжич! – потеснившись, семидесятилетняя старуха указала княжичу место возле себя, но он со смехом покачал головой:

– Спасибо за честь, бабушка, да не по чину мне такое место занимать! Мы и на полу посидим! К огню поближе!

Стая расселась на полу, и многие парни и мальчишки Моховиков с удовольствием устроились вместе с ними. Не в первый раз принимая у себя чуроборского княжича, они уже гордились, что он так запросто делит с ними кров и еду, и никто уже не помнил, как боялся его. Над очагом жарилось мясо подаренного тура, в ожидании все ели пироги, похлебки, каши, блины, пили пиво, кто-то уже пел, и пуще всех веселилась Стая. Тополь сидел в темном углу с Березкой; она хоть и фыркала раньше, но теперь смеялась от счастья, что он ее не забыл. А Огнеяр усадил возле себя Милаву и в перерывах разговоров и песен расспрашивал ее об упыре. И теперь ей было совсем не страшно рассказывать, хотя холодная осенняя ночь была на дворе. От Огнеяра веяло теплом, как от самого огня, и Милаве казалось, что он защитит ее от всей нежити, что только есть.

Узнав о том, как Милава была приманкой для упыря, Огнеяр рассердился.

– Вот придумали! Мужики! – с негодованием воскликнул он. – Девчонкой прикрылись. А знали ведь, на кого лезли!

– Я совсем-совсем не боялась! – старалась уверить его Милава, сама веря, что говорит правду.

– А чего кричала?

– А... чтобы его приманить получше.

Огнеяр недоверчиво хмыкнул.

– А чего мне было бояться – там же у Бебри Оборотнева Смерть была! – добавила Милава.

– А это что за диво?

– А это наша рогатина священная. Она любую нечисть убьет, любого...

Милава запнулась. «Любого оборотня», хотела она сказать, но не решилась. Ведь про него говорят... Еще обидится.

– Знатная, должно быть, рогатина! – протянул Огнеяр. – Мне бы на нее посмотреть. Как по-твоему – пустят родичи?

– Не... нет, наверное, – пробормотала Милава. Она вспомнила запрет Берестеня рассказывать, что Оборотневой Смерти у них больше нет.

– А, ну и ладно! – легко согласился Огнеяр. – Все равно не дело упырей на девчонок манить.

Милава сейчас занимала его гораздо больше любой рогатины, как бы священна та ни была. От радости и близости огня Милава раздурманилась, глаза ее весело блестели, она казалась настоящей красавицей. Огнеяра тянуло прикоснуться губами к ее нежной теплой щеке, и его влечение к ней было совсем не тем чувством, которое в нем раньше вызывали другие девушки. Она казалась ему не просто девушкой, а светлым лучом, указавшим ему дорогу в теплый и добрый человеческий мир. Тот мир, который двадцать лет заключался для него в одной только матери, княгине Добровзоре. А Милава видела в нем человека, и зверь в нем замолчал, забился куда-то вглубь, испуганный лаской в ее взоре, как вся нечисть прячется от взора Светлого Хорса.

– Да больше у нас упырей не будет, бояться нечего! – весело уверяла Огнеяра Милава, начисто забыв тревогу и страх. Сейчас им не было места в ее душе.

– Не будет! – уверенно подтвердил Огнеяр, не сводя глаз с ее лица, и ему было, честно говоря, все равно, о чем беседовать. – Они меня боятся. Я ведь волк – любую нечисть сожру.

Милава засмеялась.

– Не веришь? У меня и хвост сзади, ты разве не слыхала?

Но Милава видела, что он и сам смеется, и ей глупыми казались все разговоры о нем. Никакой он не оборотень, обыкновенный парень. И красивый, веселый – лучше всех!

– Ну и пусть хвост! – со смехом ответила она. – Я тебя и так...

– Что? – Огнеяр мгновенно подался к ней, так быстро, что она вздрогнула от неожиданности, и схватил ее за плечи.

– Ничего! – Милава радостно улыбалась, стараясь спрятать поглубже слово, которое чуть не вырвалось у нее. Но Огнеяр видел его у нее в глазах. Может быть, она и сможет его полюбить. Ведь у него и правда нет хвоста.

Огнеяр быстро нагнулся и поцеловал ее, и Милава ахнула – ее лица словно коснулся горячий уголек. Вырвавшись, она закрыла лицо руками, смеясь в ладони, а потом подняла голову и огляделась – не видела ли их вредная Черничница? Зато теперь она точно знает, что Огнеяр не кусается.

* * *

Утро было ясное, но пронзительно-холодное, еле-еле рассветало, серая мгла висела между землей и небом. Вода Белезени тоже была серой и холодной даже на вид, но по-прежнему резво бежала меж лесистых берегов, как будто хотела убежать от Зимерзлы. Может быть, ей это и удастся. А вот людям приходилось оставаться на месте и встречать зиму.

Милава и Огнеяр шли вверх по Белезени, к роднику, который бил из обрывистого берега верстах в четырех от Моховиков. Милава несла маленькую глиняную корчажку, украшенную священными узорами. У корчажки были три маленькие ручки, очень неудобные и ненадежные, но так в незапамятные времена лепили священные сосуды, так делали их и теперь. Вокруг горлышка корчажка была обвязана веревочкой, и за веревочку Милава ее держала. Невесте в день свадьбы полагается умываться наговоренной водой из разных источников – чем больше источников соберет ей воду, тем лучше. Сегодня с рассветом, пока невеста еще спала – точнее, изнывала от волнения и нетерпения, притворно закрыв глаза, – все семь девиц и девчонок из рода Моховиков отправились за водой к разным колодцам, ручьям и озеркам, что были поблизости. А Милаве пришлось заменить Горлинку; ночью та плохо спала и сегодня еще была нездорова.

Мгла постепенно редела, делалось светлее, уже можно было ясно разглядеть черные стволы деревьев с пустыми мокрыми ветками. Воду нужно брать на заре, да только какая заря на Макошиной Неделе?

– А почему опять ночью волки выли? – спрашивала Милава по дороге. – У нас все болтают, что к беде, к дурной зиме. Говорят ведь, что волки в глухозимье стадаются, а теперь еще не пора. Отчего так? Или правда зима будет злая?

– Зима будет простая. Это Князь Волков воет, а он круглый год в стае, – отвечал Огнеяр, для которого в зверином мире не было тайн. – Белый Старик в одиночку не живет. Он уже и дичь не сам гоняет, ему в зубах приносят барашка помоложе.

– Ой! – Милава сморщилась. – У Скворичей прошлой весной волки целое стадо овец порезали. Мы как раз на родинные трапезы ездили к тетке – я сама видела. Полтора десятка овец загрызено было, у всех горло порвано, крови – ручьями, вся лужайка! Фу! А по следам, говорили, двое всего волков было. Они двух всего овец унесли – зачем же столько резать было?

– Кровавый хмель! В древние времена, когда и людей-то не было, волки тоже родами жили круглый год, большими родами, поколений по семь. Охотники их как находили стадо

кабанов или туров – те тоже тогда стадами ходили, хотя и поменьше, у них память-то короткая, – так все стадо резали, а уж потом род подходил и все до косточки съедал. Теперь волчьи семьи маленькие, и то только зимой, а как волк кровь свежую почует – она ему в голову ударяет, древняя память просыпается, и мнится ему, что он – охотник, а за ним идет большой род. Вот тогда он и счастлив. Потому что за ним род.

Милага слушала его рассказ, как кощуну деда Щуряка, и втайне обрадовалась, что у нее тоже есть род. И ей стало на миг жаль самого Огнеяра – у него ведь рода нет. Только мать, а отец... Если правда, что он сын Велеса – страшно и идти рядом с ним. Но разве он виноват? А кто же он сам? Вопросы и сомнения жалили Миладу, как осы, но она отмахивалась от них. Ей было хорошо рядом с Огнеяром, она верила ему и не хотела рассуждать.

Они подошли к роднику, и Милага отослала Огнеяра.

– Отойди, тебе слушать нельзя.

Огнеяр послушно отошел и присел в стороне на камень, чтобы не мешать женской ворожке предсвадебной воды. Милага поклонилась роднику, положила рядом с ямой кусок хлеба, намазанного медом, кусок жареного мяса, поставила ладони ко рту и зашептала:

– Мать-Вода, всем матерям мать, всем княгиням княгиня, благослови Малинку замуж идти! Как бел твой туман поутру, пусть так она будет бела; как красна заря в небе, пусть так она будет румяна; как весела ты и резва, так пусть в ней весела будет кровь; как путь твой долог до моря, пусть так ее жизнь будет долга! Камешек на дно пал и пропал, как его никому не найти, так и слов моих никому не порушить!

Поклонившись еще раз, она набрала в корчажку чистой воды из родника, подняла ее, дала каплям стечь с глиняных боков и хотела идти прочь, но вдруг заметила на другом берегу ложбинки, возле самой воды, на подмерзшем речном песке странный отпечаток звериной лапы.

– Ой! Что это за зверь? – удивилась Милага.

По размеру след был больше ее ладони с растопыренными пальцами – как медвежий. Но это был не медвежий след, похожий на человеческий, с продолговатой ступней, с ясно видными пятью пальцами и когтями. По очертаниям это был след волка – округлый, с четырьмя вмятинками пальцев и пяткой позади. Но размером с женскую ладонь! Какой же сам этот волк?

Милага изумленно рассматривала след, не понимая, что это такое. На голос ее подошел Огнеяр; заметив отпечаток, он удивленно присвистнул, присел рядом со следом на корточки, и Милаге показалось, что он принюхивается. Это так напомнило ей зверя, что она незаметно поежилась.

– Это что такое? – спросила она.

Огнеяр помолчал, потрогал отпечаток в песке. Потом он поднял голову, оглядел цепочку следов, идущую вдоль воды. Бережно поставив на землю корчажку с водой, Милага хотела тоже потрогать след, но Огнеяр перехватил ее руку и мягко отвел в сторону.

– Ведь это волк? – полуутвердительно спросила она.

– Нет. Мышка-полевка, – отозвался Огнеяр. – Не трогай – учует и в норку утащит.

Лицо его стало странным – застывшим и напряженным. Если бы это был кто-нибудь другой, Милага решила бы, что он боится. А кого может бояться Огнеяр?

И вдруг Милага ахнула, напуганная пришедшей догадкой. Ведь только что они говорили о нем!

– Это он, да? – прошептала она, не смея назвать вслух. Огнеяр поднял глаза от следа и по лицу ее понял, что она и правда догадалась.

– Это он? – продолжала Милага. – Белый Князь?

– Он самый, – нехотя подтвердил Огнеяр. – Еще тогда предупреждал. Явился-таки. Да ты не бойся. – Огнеяр встал на ноги и взял Миладу за плечо. – Он не тронет.

Но Милага не сводила глаз с чудовищного следа, вспоминала тот вой, который не раз слышали по ночам с самого начала осени. Ей стало страшно, так страшно, что слезы от мгновен-

ного ужаса наворачнулись на глаза. Это была угроза похуже бессмысленно-кроважного упыря. Белого Князя Волков осиновым колом не возьмешь.

– Он оборотень, да? – дрожащим голосом спросила Милава.

Да и что было спрашивать – самые страшные из басен и кошун, которые каждый знал с детства, были о них – об оборотнях и Князьях Леса. Оборотни наделены звериной силой и человеческим разумом, и если они злы, то нет врага страшнее. А тем более если это Звериный Князь, воплощенный дух того или иного звериного племени, соединивший в себе мощь и жизненную силу всего рода. Сильных Зверей боятся и почитают, им приносят жертвы, и только оружие самих богов способно одолеть их.

– Да, – подтвердил Огнеяр. – Все Сильные Звери оборотни. Оборотни, рожденные зверями. Даже если такой человечью шкуру наденет, то дух в нем останется звериный. А бывают другие. Рожденные людьми. Такие и в звериной шкуре человеческий разум и человеческую душу сохраняют. Иной раз и с голодудохнут, а сохраняют. Дороже всего – человеческая душа.

Огнеяр говорил тихо, глядя не на Милаву, а куда-то в лес на другом берегу Белезени, но в голосе его была такая причастность ко всему этому, что в глазах Милавы снова перевернулся мир. Нет сомнений – он говорил и о себе тоже. Нет, лучше любой ответ, чем эта неопределенность.

– А ты... ты оборотень? – спросила она. Голос не повиновался ей, и она говорила шепотом.

– Да, – спокойно и твердо ответил Огнеяр. Он тоже хотел, чтобы она знала. Пусть лучше отвернется, чем любит, не зная. – Оборотень я. Смотри.

Он нагнул голову и откинул волосы с шеи. И Милава увидела полосу серой шерсти, убегающую под ворот рубахи, совсем такую же, как волчий мех накидки, только живую, блестящую. Дрожа от волнения, Милава не сводила с нее глаз. Ее потрясло это свидетельство его оборотнической, звериной сущности, но не напугало. Она сама удивлялась, почему не испытывала страха перед Огнеяром. Слишком сильно она поверила, что Огнеяр – человек, и теперь не могла перестать считать его человеком. И эта звериная черта быстро входила в ее сознание, она привыкала к ней, как если бы у него обнаружилось простое родимое пятно или недостаток зубов, и Милава уже готова была полюбить и эту полоску шерсти тоже, как любила его темные глаза, горячие смуглые руки и даже выступающие верхние клыки, которые заметила раньше.

Протянув руку, она чуть-чуть прикоснулась кончиками пальцев к полоске шерсти; Огнеяр напрягся, как дикий зверь, впервые позволяющий человеческой руке прикоснуться к себе, но не отстранился. Милава смелее погладила шерсть; она была прохладной сверху и теплой внутри, немного жестковатой, как у молоденьких щенков. Милаве казалось, что это сон, никогда она такого не видела и вообразить толком не могла. Но вот ведь: гладкая горячая человеческая кожа на шее, и тут же – живая волчья шерсть.

Милава убрала руку, потом прикоснулась к плечу Огнеяра – она хотела посмотреть ему в глаза. Он повернул к ней лицо. Она вглядывалась в его темно-карие глаза, нарочно искала в них зверя, но не находила. Она видела только человеческое тревожное ожидание: что теперь будет? Она хотела то ли спросить что-то очень глупое – не съест ли он ее теперь? – то ли сказать, что она все-таки его не боится – так это он и сам уже понял. Или что ей все равно, человек он или зверь.

– Страшно? – прошептал Огнеяр. Он тоже не знал, что сказать.

Милава решительно помотала головой.

– А вдруг я тебя съем?

– Съешь, – тут же позволила она.

– Все равно мне других не надо.

Огнеяр обнял ее и прижался лицом к ее волосам. Княгиня Добровзора была права, материнская любовь не обманула ее. Добрая богиня Лада не отвернулась от сына Велеса. Нашлась и

другая женщина, которая полюбила оборотня таким, какой он есть. И Мать-Вода, неподвластная зиме, приняла на сохранение невысказанный обет.

* * *

Короткий день предзимья кончался, когда на двор займища вывели из избы Малинку, укутанную в большое покрывало с волшебными оберегающими знаками. Со слезами и воплями она простилась с чурами, навек покидая род, сожгла клочок кудели – не прясть ей больше и не ткать для родного дома! – с плачем перецеловала сестер – не сидеть ей больше с ними на посиделках, не петь в хороводах. Взмок и отец обвели ее вокруг жениха, соединяя их навек, и он за руку вывел ее из дому.

На дворе стояло множество оседланных лошадей. Жених посадил Малинку перед собой, его братья везли возле седел мешки с подарками невесты для новой родни. Провожать Малинку в новый род ехали ее два брата и Милава. Кроме новой родни Лисогоры позвали и Огнеяра. Княжеский сын на свадьбе – немалая честь. Стаю свою он оставил у Моховиков, чтобы не разорить хозяев таким множеством гостей, но сам был рад приглашению. Найдя утром след хромого волка, он в душе тревожился и не хотел бы отпускать Милаву одну.

Малинка плакала, как предписывалось обычаем с тех времен, когда невест умыкали, да и правда жаль было расставаться с родичами, страшновато ехать навстречу новой жизни в женах. А Лисогоры пели удалые песни – они были с прибытком. Звенели подвески на сбруях, копыта десятка лошадей дробно стучали по промерзшей земле, чуть-чуть припорошенной снегом. Веселые, немного хмельные человеческие голоса далеко разносились по пустому стылому лесу. Теперь ему еще не раз предстояло услышать песни про уточку, отбившуюся от стаи и приставшую к серым гусям: Макошина Неделя – пора свадеб.

Миновав дубраву и несколько перелесков, свадьба выехала к полю. Снег шел мелкий, но густой, и вся пустая пашня уже была запорошена белой крупой. Передние кони вдруг стали упрямы, тревожно ржать. Их понукали, но они тревожно бились, не хотели скакать вперед.

Зеленые огоньки загорелись на опушке, мелькнуло несколько быстрых серых теней. Волки! Не растерявшись, жених, одной рукой придерживая Малинку, поднял рогатину, которую свадьбе полагалось брать в дорогу от нечисти. Все мужчины были вооружены, и никто особенно не испугался. Еще не зима, чтобы оголодавшие до безумия волки кидались на людей. Но почему они вышли из леса навстречу?

А волков было все больше, все новые серые тени выскакивали из-под ветвей.

– Что это они? – сдерживая дрожь в голосе, спросила Милава.

Даже не само появление волчьей стаи напугало ее; она смутно чувствовала что-то неладное.

Огнеяр не ответил и вдруг сильнее прижал ее к себе. И она увидела на краю поляны огромного волка, размером почти с годовалого бычка, ослепительно-белого, и глаза его горели ярким зеленым огнем.

Раздались крики ужаса, оружие выпало из ослабевших рук. А Белый Князь прыгнул вперед, не навстречу людям, а пустился наперерез, заметно хромя на переднюю правую лапу. И каждый его мягкий прыжок, казалось, сотрясал землю, деревья вокруг стонали и плакали от страха. Было совсем тихо, чудовищный белый волк на белом снегу казался ожившим ночным кошмаром.

И свет померк в глазах людей, земля качнулась, небо дрогнуло, лес завертелся вокруг белого поля. Каждая косточка, каждый мускул в человеческих телах пришли в движение, страшное колдовство ломало их и изменяло непоправимо... Несколько мгновений – и со спин обезумевших коней на белую пашню неловкими комками полетели волки, серые лохматые звери, скулящие и воющие от ужаса, не понимающие, что с ними случилось, не узнающие своих

голосов, своих тел, всего мира вокруг. Они хотели звать на помощь добрых родных чуров, но слышали волчий вой, голос зверя, которого называют «чужой».

Милава тоже ощутила, как завертелось все перед глазами, и непонятная сила вцепилась в ее тело, норовя переделать по-своему. Но руки Огнеяра обнимали ее еще крепче, обхватив защитным огненным кольцом. Две страшные силы тянули и рвали Милаву в разные стороны, она кричала от страха и сама не зная от чего, чувствуя, что сейчас перестанет быть собой, и отчаянно не желая этого. Река неудержимой силы тянула и несла ее прочь, но она держалась, вернее, ее держали, не давали бурному слепому потоку увлечь ее и погубить. Перед глазами ее полыхало пламя, а по телу струилась вода, она кричала изо всех сил и сама не слышала своего голоса, но все же это был человеческий голос.

И вдруг горячий вихрь опал и на смену ему пришел ледяной холод. Милава прижималась к чему-то теплому и мохнатому, сильные руки по-прежнему обнимали ее. Она чувствовала себя разбитой, но все же осталась такой, как была.

А вокруг нее волнами плескался многоголосый вой и скулеж. Чувство опасности заставило ее пересилить страх и открыть глаза. Она сидела на коне, прижимаясь к Огнеяру, это его волчья накидка была теплой и мохнатой.

Милава обернулась, и ей открылось невероятное зрелище. Десяток коней мчались в разные стороны по полю, но каждого преследовало несколько волков, настигая их в прыжке и вцепляясь в горло, несколько коней уже бились на заснеженной пашне, а другим оставалось жить считанные мгновения. Испуганное ржание, предсмертные хрипы смешивались с торжествующим волчьим воем. А там, где прервался путь свадьбы, на истоптанном снегу каталось десятка полтора волков. Они бились о снег, терлись мордами, возились спиной, кувыркались, как собаки, если глупые дети нарядят их в человеческие рубахи; они словно хотели вырваться из шкуры, выли, стонали, скулили. А Князь Волков сидел белой глыбой посреди поля, любуясь на все это, и его глаза горели, как два огромных зеленых светляка.

Цепочка волков отделилась от опушки, подбежала к беснующимся посреди поля зверям и погнала их к лесу. Те не хотели идти, валялись по снегу, но их кусали, толкали мордами и заставляли бежать. Все кони уже были зарезаны, и серые хищники сидели над ними с окровавленными мордами, словно ожидали позволения.

А пылающие глаза Белого Князя вдруг обратились к Милаве. Слабо вскрикнув, она зажмурилась и уткнулась лицом в лохматый теплый мех. В ее голове не было ни единой ясной мысли, один всепоглощающий ужас, но этот теплый мех обещал какую-то защиту.

Белый Князь Волков поднялся и двинулся к Огнеяру и Милаве. Даже Похвист, с жеребчьего возраста привыкший к волчьему запаху хозяина и безусловно послушный ему, забеспокоился и заплясал. Огнеяр с усилием оторвал от себя руки Милавы и заставил ее вцепиться в гриву жеребца, а сам сошел с седла и встал перед конем, загораживая Похвиста с сидящей на нем девушкой от приближающегося Сильного Зверя.

Милава намертво вцепилась в гриву и открыла глаза – ничего не знать было страшнее, чем увидеть самое страшное. Сияющий белизной чудовищный волк приблизился на пять шагов и неспешно, величественно сел на снег. Серые волки, маленькие по сравнению с ним, как щенки, полукругом устроились на небольшом отдалении.

– Я вижу, ты упрямо держишься за человеческую шкуру, – прорычал Белый Князь.

В голосе его были явное презрение и скрытая досада. Огнеяр уловил эту досаду, и ему стало легче. Он никогда не сталкивался с Белым Князем и не знал его силы. Выходит, она не безгранична и с ним можно поспорить.

– Я в ней родился, – так же, рычаньем, ответил Огнеяр. – И буду ходить в ней, сколько захочу. И менять на другую, когда захочу.

– В своей шкуре ты волен. Но никому не позволено мешать моей охоте. Я говорил об этом давно, и ты об этом знаешь. Эта девчонка тоже будет нашей. Она молода и здорова, у нее будет много раз по много крепких волчат. Отдай ее мне.

– Возьми, – просто предложил Огнеяр, но не шелохнулся.

И даже самому глупому волку на этом поле стало ясно: взять ее можно будет, только перервав ему горло.

Понял это и Белый Князь.

– Ты рано начал охотиться в чужих угодьях, – проворчал он. – Ты не успеешь заматереть и собрать свою стаю. Я не стану мараить зубы в твоей жидкой крови. Но иные из нас любят человеческую кровь.

Из ряда серых фигур, уже почти неразличимых в сгустившейся мгле, вышел один, поджарый и ловкий зверь.

– Сейчас ты узнаешь, насколько лучше быть волком, – неразборчиво проворчал он, не глядя на Огнеяра.

– Где тебе знать – ведь ты не бывал человеком! – презрительно бросил Огнеяр. – Поставь тебя на две ноги – ты и не удержишься. Тот первый волк, которому Сварог сломал спину⁵, был во всем похож на тебя!

Поджарый злобно оскалился, глаза его вспыхнули зеленым.

– Сейчас ты узнаешь, как я владею своими зубами, – пообещал ему Огнеяр. – А ты, Белый Князь, поклянись не трогать нас больше, если он не справится один.

– Я клянусь Отцом Стад, который зачем-то родил тебя на свет, – проворчал Князь Волков. – Я не велю убивать тебя – это не мне решать. Но эта девчонка будет моя, и ты больше не станешь отбивать у меня добычу.

– Смотри, чему научил меня Отец Стад.

Огнеяр расстегнул пояс с оружием и бросил в снег, туда же полетели накидка и оба серебряных браслета. Потом Огнеяр присел на корточки, быстро перекатился вперед через голову – и перед Белым Князем предстал волк, крупный, хотя меньше него, сильный, с пышным загривком и черноватыми подпалинами на лапах и на брюхе. Волки в поле хором взвыли, поджарый вздрогнул и попятился.

– Ты привык кидаться на людей, которым нечем тебя встретить! – прорычал ему Огнеяр. – Иди же ко мне – посмотрим, чьи зубы крепче.

Две серые молнии ринулись навстречу друг другу; Милава закрыла глаза и уткнулась лицом в гриву Похвиста. Она не могла, конечно, ни слова понять из беседы Огнеяра с волками, но знала, что исходом схватки будет чья-то смерть. Она изнемогала от ужаса и перестала бояться, словно исчерпала страх, отпущенный ей на много лет вперед. Ей казалось, что она где-то на речном дне, в другом мире, где все не так, где правит Белый Князь и превращает людей в своих подданных-волков, карая смертью непокорных. Кто она сама в этом мире, Милава не знала, ей мучительно хотелось проснуться, ее била дрожь, но тело было словно сковано льдом.

Ее слух терзали звериные голоса, она слышала скрип снега, короткие вскрики, хриплое яростное рычание, кожей ощущала, как где-то близко мечутся в драке два могучих зверя. Все это обрушивалось на нее дождем, а мгновения тянулись медленно-медленно. И вдруг десятки волчьих голосов взвыли разом, и Милава заставила себя открыть глаза. Поджарый лежал на земле, взрытой и перемешанной со снегом и клочьями шерсти, а Огнеяр стоял над ним, тяжело дыша, высунув длинный язык.

– Он был плохой охотник – пусть его ест воронье, – небрежно бросил Князь Волков. Так ему было легче признать свое поражение. – А ты доказал, что не разучился носить шкуру и драться собственным оружием, которым одарили нас боги. Когтями и зубами. – Он повернул

⁵ У славян есть миф о том, что бог сломал спину волку, и поэтому тот не может стоять на задних лапах.

белую морду к Огнеяру и поднялся. – Ты уже не щенок. И если ты опять встанешь на моей тропе, я возьмусь за тебя сам.

Больше он ничем не стал грозить – исход поединка с ним был очевиден. Не оглянувшись даже на Милаву, Белый Князь неспешно направился к опушке, заметно хромя. Стая потянулась за ним.

Милава провожала Князя Волков глазами, не веря – он уходит, а она жива. Огнеяр подошел к коню – она и не заметила, как он вернулся в человеческий облик, – и устало привалился лбом к шее Похвиста. Он тяжело дышал, волосы его были растрепаны сильнее обычного. С трудом расцепив оледеневшие пальцы, Милава уронила руку ему на плечо. Оно было горячим и сильно вздрагивало. Вокруг было тихо и пусто, как будто все это – свадьба, волчья стая во главе с Белым Князем, драка – было страшным сном, наваждением, дурным мороком. Только темные туши зарезанных коней были далеко разбросаны по полю да поджарый волк, облезлый и помятый, лежал неподалеку, странно выгнув спину, запрокинув голову.

– Ты чего? – неверным голосом пробормотала Милава. Она сама не знала, что хочет спросить, ей нужно было услышать его голос.

– Ничего, – хрипло отозвался Огнеяр и тяжело закашлялся. – Убрался старый.

Оторвавшись от конской шеи, он потрепал Похвиста по морде, нагнулся, поднял свою накидку, стал одеваться. Даже с этим несложным делом ему оказалось непросто справиться, пальцы его дрожали.

– А где же все? – Милава оглядела пустое поле и ждала в ответ вопроса: «Какие все? Никого не было». – Где люди? Малинка?

– Были люди, стали волки, – ответил Огнеяр, затягивая пояс и стараясь просунуть окованный серебром наконечник ремня в узорную пряжку. – И Малинка твоя теперь волку в жены достанется. Еще не теперь – к весне поближе, к сечению-месяцу. Бегать им теперь волками, пока сам Белый Князь не отпустит. Да только я не слышал, чтобы он кого отпускал.

– А ты не можешь...

Милава понемногу осознавала произошедшее, глаза ее наполнились слезами. Лисогоры, жених, Малинка, ее братья – все превращены в волков! Она слышала страшные байки о таких делах, но не могла поверить, что это самое произошло на ее глазах с близкими ей людьми. Неужели ничем нельзя помочь? С надеждой и волнением она ждала ответа Огнеяра; если он спас ее, то, может быть, спасет и других?

– Я ведь не колдун, – устало ответил Огнеяр, обтирая о рукав свои браслеты. Его дыхание почти успокоилось, но руки немного подрагивали. – Я другими-то не распоряжаюсь – собой только. Другого кого ни в волка, ни в человека обернуть не могу. Как я тебя удержал – и сам не знаю. И то спасибо Велесу. Сам чуть зайцем не сделался.

– Почему зайцем? – растерянно спросила Милава.

– Потому что сил надо много – у меня уже почти нет, все вышли.

Огнеяр с трудом поднялся в седло, стал подбирать поводья, близко придвинувшись к девушке. Милава ощутила, что он дрожит, как в лихорадке, и встревожилась за него. Видно, все это дорого ему обошлось.

– Да не плачь пока, – сказал ей Огнеяр. – Если они к дому вернуться, то можно им обратно превратиться. Если дорогу найдут. Скажи спасибо добрым богам – сами мы с тобой живы.

Огнеяр развернул коня назад к Моховикам. Милава вдруг заметила, что на истоптанном снегу лежит что-то.

– Постой! Посмотри, что вон там!

Огнеяр пригляделся, подъехал к тому месту, сошел с коня и подал Милаве большой кусок льняного полотна – мокрого, грязного, порванного. На нем виднелась красная вышивка, сложенная в хитрые оберегающие узоры. Покрывало невесты. Оно могло защитить от сглаза, но не защитило от жадной силы Князя Волков.

* * *

...Огнеяру было шесть лет, когда он узнал, кто он такой. До этого он жил как все дети и не задумывался, отчего у него есть шерсть на спине, а у других нет. Все изменилось однажды теплым летним утром, когда Огнеяр, затеяв возню со своим приятелем-ровесником из дворовой челяди, случайно перекувырнулся через голову. Мир сильным толчком крутанулся вокруг него, он плюхнулся животом на землю, уткнулся носом в пыль и никак не мог встать. Руки и ноги не слушались его, каждая косточка и каждый мускул ныли, как будто он побывал в ступке. Целый ворох незнакомых резких запахов бил ему в нос, свет изменился, все стало другим. Оглушенный и напуганный, Огнеяр не мог сообразить, что с ним случилось, кто набросил на него эту пугающую и жестокую сеть, хотел заплакать, позвать мать, но вместо своего голоса слышал какой-то скулеж.

А его маленькие приятели с воплями разбежались прочь, дворовая челядь ошалело гладела на волчонка, копошась на том месте, где только что сидел княжич.

Хорошо, что Двоеум был поблизости. Прибежав на всполошные крики челяди, он сразу понял, что случилось. Обратническая сущность Огнеяра, которую чародей подозревал с самого рождения княжича, дала о себе знать. Подросший, полугодовалый на вид волчонок беспомощно барахтался в пыли, как новорожденный, тыкался мордой в землю и отчаянно скулил. Он не умел жить и двигаться в зверином облике, лапы его не слушались, вид, звук, запах не помогали разобраться в том, что вокруг, а только мешали. Княгиня Добровзора, белая как снег, стояла на крыльце, то протягивала руки к волчонку, то отшатывалась назад, потрясенная превращением. А как вернуть ему человеческий облик? Есть множество способов сменить шкуру – для тех, кому это позволено богами, – но способа, открытого сыну Велеса, Двоеум не знал. На поиски может уйти долгое время. За это время княжич научится жить волком, но, пожалуй, разучится быть человеком. Счастье, что были хоть какие-то свидетели.

В конюшне Двоеум отыскал мальчишку, с которым играл Огнеяр. Шестилетний Утреч, бойкий и нахально-любопытный, зарылся с головой в сено и ревел от страха. Двоеум вытащил его, словно мышь, и поставил перед собой.

– Говори – что он сделал? Как это было? – строго допрашивал чародей ревущего мальчишку, крепко держа его за плечи.

– Пере... рекувыр... нулся!.. – проревел Утреч, икая от ужаса. А ведь мать ему говорила: держись от княжича подальше!

Двоеум вернулся во двор, взял волчонка одной рукой за хвост, а другой – за шиворот, пригнул ему морду к земле и перекувырнул.

И в пыль упал княжич Огнеяр, живой и здоровый, только ревущий от боли, страха и потрясения. Ему казалось, что его зачем-то окунали с головой в воду и волочили по дну. Двоеум сел на землю рядом с ним и облегченно вытер пот со лба. Все обошлось очень легко для такого трудного дела.

– Так-то, брат! – сказал он ревущему Огнеяру. – Рубаху переменить – и то труд, а то не рубаха – шкура!

Так Огнеяр узнал, что означает полоска серой шерсти у него на спине и почему мать ласково называет его волчонком, а не зайчиком и не птенчиком. Сначала он думал, что все дети умеют превращаться в разных зверей, и часто приставал к Двоеуму с расспросами, как превратиться в птицу.

– Нет, перевертыш наш, с волчьей шерстью ты родился, волком и будешь гулять, – отвечал ему чародей. – Всем по одной шкуре богами дано, а тебе две, так хоть научись обе носить толком.

Двоеум начал учить его менять шкуру, слышать и понимать в себе зверя, сдерживать его и подчинять человеку. Но от себя не уйдешь – чародей понимал это и сумел найти в лесах волка, который научил Огнеяра жить и действовать в волчьем обличье. Неизмир смотрел на эти занятия с недовольством, но чародей знал, что делает.

– Пусть он свою силу знает! – отвечал он на хмурые взгляды князя. – Не будет знать – много худших дел натворит. Как говорят – дров наломает. А ты, княже, загодя его не бойся. Сила его велика, больше человеческой. Но судьба и боги сильнее.

Когда Огнеяру исполнилось семь лет, Двоеум рассказал ему об Огненном Змее. Так он узнал, почему у всех детей отцы, а у него князь Неизмир. Его водили в святилище и показывали ему рогатый идол Велеса с железным посохом в руках. Он внушал мальчику благоговение и тайный страх. Отец-то он отец, но как знать, что он с тебя спросит?

В двенадцать лет Огнеяра посвятили в воины, и он наконец-то узнал о своем предназначении. До того он был задирист и вспыльчив, но после посвящения стал сдерживать себя. Вопрос: чью жизнь он послан отнять? – стал мучить и его. Но дать ему ответа не мог даже Двоеум.

– Слушай сердце свое! – сказал он только. – Как ОН перед тобою встанет – ты *его* узнаешь.

Не расспрашивая чародея больше, Огнеяр стал слушать. Он быстро понял, какие чувства питает к нему отчим, и слушал – может, и правда он?

Но при встречах с Неизмиром его сердце молчало.

* * *

– А знаешь, – сказал Огнеяр Милаве, когда они въехали в дубраву. – Я сегодня в первый раз убил волка.

– М-м... ну? – сонно пробормотала Милава.

Она почти спала, уткнувшись лицом в мех его накидки. После пережитого в поле она чувствовала себя слабой, опустошенной, в ней не осталось ни мыслей, ни чувств, а только неодолимая сонливость, стремление забыться и хоть немного восстановить силы души и тела, исчерпанные без остатка.

– Я никогда не убивал волков, ты понимаешь? Никогда. А теперь пришлось. Все равно что на родича руку поднять. Судьба ломается.

Огнеяру было немногим лучше – защита Милавы, два превращения, драка с поджарым волком вымотали его намертво, ему тоже хотелось упасть на пол возле огня, закрыть глаза и провалиться в сон. Но он старался держаться, чувствуя, что впереди у него еще один бой.

– Что же теперь будет? – растерянно спрашивала Милава, растирая лоб замерзшей рукой. – Как же они все...

– Да, плохо им теперь! – невесело согласился Огнеяр. – И не умеют они волками ходить, а тут еще одежды сколько!

– А что – надо без одежды? – Милава не поняла, при чем это здесь.

– А ты представь, что у тебя под кожей две рубахи да кожух!

Милава представила и содрогнулась. Теперь она поняла, зачем Огнеяр перед дракой избавился от накидки и пояса.

– Под шкурой человеческое платье года за три истлеет, но и намучает! – Огнеяр потряс головой. – Одно слово – беда!

– Это потому... потому что Оборотнева Смерть ушла, – тихо сказала Милава. – Елова говорила: без нее нас беды найдут.

– Куда же она ушла?

– Боярин увез.

– Какой боярин?

– Ну, что дань собирал.

– Светел?!

Огнеяр резко натянул поводья, и голос его был таким, что Милава совсем пробудилась от своей обессиленной дремы.

– Да, он, – сказала она, подняв голову и с усилием разлепляя веки. – А ты чего? Ой...

Она вспомнила, что Берестень не велел об этом говорить. Впрочем, она не очень испугалась. После Князя Волков даже гнев старейшины рода ее не страшил.

– Зачем Светел ее забрал? – спросил Огнеяр, уже предугадывая истинную причину.

– Не знаю. Он с мужиками толковал. У нас бобров на дань не хватило, а он нас от дани на десять лет освободил. За Оборотневу Смерть.

– На десять лет!

Огнеяр вцепился в волосы у себя на затылке и зарычал – человеческих слов у него не нашлось. Он слишком хорошо знал бережливость Неизмира, недалекую от настоящей скупости. Отказаться от дани на десять лет князь мог только в обмен на что-то действительно ценное для него. Любого оборотня убьет... Трещага...

– Ты чего? – Милава с тревогой заглядывала в его изменившееся лицо, коснулась пальцами щеки, словно хотела разбудить. – Ну, на десять лет. Весной вернуть обещал.

Ничего не сказав, Огнеяр тронул коня, и они поехали дальше. Светела не догнать, да и не он теперь был главной заботой.

В беседе Моховиков опять горел яркий огонь и звучали песни. Вскоре после отъезда Малинки с женихом явились Вешничи – Берестень, Лобан и Брезь. Показав обручье Горлинки, они потребовали отдать им и саму девушку. Теперь с ее головы уже сняли девичью ленту, не приставшую нареченной невесте, и родня шумно праздновала новый сговор. Свадьбу решили играть в последний день Макошиной Недели – оставалось всего пять дней. Горлинка была немного бледна и часто украдкой покашливала, но старалась улыбаться и правда была счастлива.

Появления Милавы и Огнеяра поначалу никто не заметил. Она вошла первой в шумную жаркую беседу, беспомощным взглядом окинула веселые, покрасневшие от огня и пива лица родни. До сих пор ей было тяжело нести одно страшное известие, но теперь она ощутила, что перекладывать его на плечи других не легче. Она видела Брезя и Горлинку, сидящих рядом на медвежьей шкуре, нашла глазами родителей Малинки.

– Милава! – окликнул ее Лобан. – А ты откуда? Что так мало погуляли?

– А чего невеселая? – с хмельным добродушием крикнул Взимок, проводивший из рода Малинку и готовый проводить и Горлинку. – Или тоже замуж хочешь? Скоро-скоро и тебе жениха найдем!

– Люди! – дрожащим голосом начала Милава, и шум в беседе разом стал стихать. Все услышали по ее голосу, что у нее небывалые и горькие вести. – Родичи! Беда! Свадьба вся пропала! Князь Волков нам повстречался... Он всех в волков превратил на дороге. И Малинку, и Быстреца, и Липеня, и всех...

Последние слова она едва сумела выговорить, тоска схватила ее за горло и цепко сжала.

– Там, в поле, на льнах... – Милава махнула рукой, не зная, что еще добавить. – Всех. Он сам белый, огромный, а глаза зеленым горят. Он дорогу перебежал. И все. И другие волки их в лес угнали. Вот.

Милава подняла покрывало невесты и протянула его бабке Бажане. Среди тишины старуха протянула вперед руки, как слепая, взяла у девушки мокрый от снега и грязный от земли кусок льняного полотна, которым совсем недавно покрыла внучку. И это вернее несвязных слов Милавы убедило ее в страшной сущности произошедшего.

Голова Бажаны вдруг затряслась, лицо сморщилось, рот скривился. Помутившийся взгляд ее нашел Огнеяра за спиной Милавы, и она страшно закричала, завывала, как волчица над погибшими детенышами:

– Ты! Ты, оборотень проклятый! Ты наших детей погубил! Горе наше на тебе! Будь ты проклят вовек, умойся слезами твоя мать, родившая тебя на горе свету белому! Поди прочь, к черным навьям, ты, оборотень, беда наша! Будь ты проклят меж людьми! Обрушья Перунов гром на тебя, терзай тебя Мара и Морок, изложи тебя лихорадка, подавись камнем, захлебнись в своей крови! Оборотень! Оборотень!

Старуха трясла головой, топала ногами, била себя в грудь, зажав в руке рваное покрывало, выкрикивала проклятия, давясь слезами. Закричали женщины, поверив в страшное несчастье, дико завывала мать Малинки, разом лишившаяся троих детей, билась головой о камни очага, призывая чуров и упрекая их в том, что не защитили ее дочь и сыновей.

А мужчины разом приступили к Огнеяру, сжимая кулаки, держась за ножи на поясе. На их лицах была непримиримая враждебность, и это вдруг так ясно напомнило Милаве обступившую их волчью стаю, что она тихо вскрикнула, подалась назад и прижалась к Огнеяру, закрывая его от подступающих мужчин. Закусив губу, Огнеяр хотел передвинуть ее к себе за спину, но Милава не поддавалась. Теперь и она поняла, что их ждет еще один бой.

– Нет, это не он! – отчаянно выкрикнула Милава, перебивая вой, причитания и проклятия. – Он не виноват! Он меня спас! Я бы тоже превратилась! Он не с ними!

– Отойди! – Брезь прорвался вперед и протянул руки к сестре, но Милава только крепче прижалась к Огнеяру. – Отойди от него! Он – оборотень!

– Не он виноват, а Князь Волков! – торопливо и горячо твердила Милава. – Сами подите посмотрите, там на поле следы остались и кони зарезанные! У него следы с ладонь, сразу найдете! Там был Князь Волков!

– Может, и был Князь Волков, да только кто его навел на свадьбу! – с угрюмой твердой убежденностью сказал Долголет. – Он ведь давно про свадьбу знал! Он – оборотень, волчий выродок, он волков навел на наших! Осинкой его, и вся недолга!

Огнеяр молчал, только переводил взгляд с одного лица на другое. Его обвиняли в том, что он оборотень, и он не мог ответить «нет».

– Отойди, дочка! – с родительской властью и глухой угрозой в голосе проговорил Лобан.

Огнеяр взял Милаву за плечо и попытался оторвать от себя, но она не шелохнулась. Огнеяр прикрыл ее от волков, а теперь только она могла прикрыть его от гнева родичей. Пока она с ним – его не тронут.

Но в двух шагах от порога, возле которого застыли Милава и Огнеяр, грозная стена остановилась. Все то, что заставляло обвинять Огнеяра в несчастье, заставляло и бояться его. Он был один против многих, но его сила была больше человеческой. Прямого взгляда Огнеяра, горящего Подземным Пламенем, никто не выдерживал, никто не решался сделать первый шаг.

– Да, – сказал наконец Огнеяр, и слова его падали, как тяжелые камни в воду. – Оборотень я. Пусть кто другой от своей шкуры отпирается, а я не стану. Только и Князю Волков, людоеду старому, я не товарищ.

– Маре и Мороку ты товарищ! – выкрикнул отец Малинки, Привалень. Голос его ломался, как бывает у мужчин, не умеющих плакать. Он порывался броситься на оборотня с кулаками, но только потрясал ими в воздухе.

– За ножи не держитесь – ножом меня уже пробовали. – Огнеяр невесело усмехнулся, и оскал его белых зубов с выступающими клыками всем показался истинно волчьим. Он держался спокойно и говорил твердо, и вооруженные мужчины ощущали свое бессилие перед ним. – Одна была на меня управа – Оборотнева Смерть. А вы ее отдали. Зря отдали. Здесь она бы со мной скорее встретилась. А теперь Светел ее в Чуробор увез. А я-то еще подумаю, ехать

мне туда или нет. А вы, чем на меня волками глядеть, подумайте лучше, чем от самого Князя Волков обороняться будете. Я вам зла не желаю, а он себя уж показал.

В беседе повисла тишина, даже вопли женщин затихли. Моховики были потрясены известием о потере священной рогатины, а Вешничи потихоньку сообразили, кто же тот враг князя, на которого понадобилась Оборотнева Смерть.

Взимок сделал маленький шаг вперед и поклонился Огнеяру. У него хватало ума сообразить, какие огромные силы сшиблись в схватке над крышами их тихих изб, и желал только одного – чтобы эти громы не затронули род Моховиков. Тут не до злобы, не до мести – только бы худших бед избежать.

– Уходи от нас! – устало попросил он. – Не знаем мы, оборотень ты или кто, добра ли желаешь или зла, только уйди от нас, не тревожь нас, бедных! Хватит нам бед без тебя, дай нам покою! Оставь наши роды в мире!

– В мире! – повторил Огнеяр. – Уйти я уйду, да едва ли вам без меня мирно будет. Да как знаете.

Оттолкнув от себя Милаву, Огнеяр вышел из избы. Помедлив мгновение и не веря в такой мирный исход, мужчины двинулись за ним, со всеми пошла и Милава, с неожиданной силой отталкивая от себя руки родни, пытавшейся ее удержать.

Выйдя во двор, Огнеяр поднял голову к темному небу и издал короткий призывный вой, и мороз пробежал по спинам всех, кто его услышал. Таинственный и пугающий Надвечный Мир, грань своего и чужого были в этом волчьем голосе, льющемся из человеческой груди. Отроки спешно выскакивали из всех изб на призыв своего вожака, на ходу оправляя одежду и подбирая волосы. Его не ждали сегодня назад, на всех лицах было тревожное удивление.

– Едем. Сейчас, – коротко сказал Огнеяр.

И никто не задал ему ни одного вопроса, отроки молча кинулись выводить и седлать коней.

Моховики открыли ворота, Стая потянулась прочь со двора займища. Против своего обычая, Огнеяр ехал последним. В воротах он обернулся и нашел взглядом Милаву среди молчащих мужчин.

– Милава! – крикнул Огнеяр, и она невольно шагнула вперед, брат удержал ее. – А хвоста у меня и правда нет!

И он поскакал прочь. Милава смотрела, как за ним закрываются ворота, слушала, как затихает, удаляясь, стук копыт в лесу. И ей казалось, что это гложет биение ее сердца. Даже в поле перед волчьей стаей ей не было так плохо. Холодная пустота обрушилась на нее и заполнила весь мир. Ей хотелось закричать, так громко, чтобы он и на другом краю света услышал: «Ну и пусть был бы хвост! Я и с хвостом тебя люблю! Как есть люблю!»

Но не было голоса закричать, не было сил двинуться. Брезь взял Милаву за плечи и повел обратно в беседу. И, словно разбуженная этим прикосновением и движением от тяжелого сна, Милава заплакала, впервые за этот долгий и страшный вечер. Брезь и Горлинка утешали ее, обнимали, гладили по голове и по плечам, но Милава никак не могла остановиться, вскрикивала и дрожала, словно хотела со слезами выбросить весь страх и все потрясения от прошедших событий. Но сильнее всего ее терзала боль от разлуки с Огнеяром – со зверем или с человеком, с таким, какой он есть.

Глава 5

В двух родах нашелся, наверное, только один человек, склонный хотя бы отчасти оправдать чуроборского оборотня. Вмала, жена Лобана, без конца обнимала Милаву, избежавшую страшной участи участников свадьбы, и благодарила за это не только чуров, но и Огнеяра. Остальные дружно решили, что это он навел Князя Волков на людей, а спасение Милавы объясняли тем, что она как-никак родом из Вешничей – ведь свой род всегда кажется более угоден богам, чем другие, а свои чуры – могущественнее и заботливее. Потрясая кулаками, мужчины-Вешничи упрекали Моховиков в малодушии, что те не испробовали на проклятом оборотне хотя бы осинового кола. Елова с презрением поджимала тонкие сухие губы, слыша такие разговоры.

Но потрясать кулаками было поздно: Огнеяр уехал. По слухам, он со своей Стаей быстро нагнал дружину полюдья и сам повел ее дальше по землям дебричей. Поговаривали и о том, что оборотень испугался священной рогатины и удрал в леса. Так или иначе, из окрестностей он убрался, и Вешничи надеялись больше никогда его не видеть.

Но страшное событие на льняном поле не отвратило род человеческий от мыслей о продолжении, молодежь не перестала подумывать о свадьбах. На другой же день явились сваты к Спорине, старшей дочери Лобана. Спорина и парень из рода Боровиков, Здоровец, не первый год приглядывались друг к другу и обещали составить хорошую пару. Веселясь на их стоворе, Вешничи почти позабыли о прежних печалях.

– Добры к тебе боги, Лобан! – говорил Берестень отцу невесты. – Двух детей разом сговорил, разом и свадьбы справишь! Одну девку из дому проводишь, другую в дом возьмешь, чурам в утешенье. И роду урона не будет! Вот все бы так!

У осмотрительной и трудолюбивой Спорины все приданое и подарки новой родне давно были готовы, не было препятствий к скорой свадьбе – от девичьей ленты до женского пояса ее отделяло всего четыре дня. Изба Лобана теперь с утра до вечера гудела, здесь толпились все женщины рода, для всех находилось дело. И никто не замечал, что Милава молчалива и печальна.

За два дня до конца Макошиной Недели она отправилась к Моховикам. Брезь проводил ее тоскливым взглядом: за несколько дней стовора, когда жениху и невесте не полагалось видеться, он истосковался по своей Горлинке, как будто разлука их продолжалась целый год.

А для Милавы займище Моховиков уже стало чуть ли не милее родного: здесь она увидела Огнеяра и в первый, и, наверное, в последний раз. Нечего было и думать, чтобы Моховики или Вешничи когда-нибудь снова впустили в свои ворота чуроборского оборотня. Но ее мир опустел без него, в сердце ее было холодно и неприятно, как в лесу поздней осенью. Каждое воспоминание об Огнеяре стало драгоценно, Милава без конца перебирала в памяти каждое

слово его, каждое движение, и к очагу в беседе Моховиков, где сидела когда-то вместе с ним, она стремилась как к источнику живой воды.

Из окошек беседы тянулся серый дымок, слышалось слаженное многоголосое пение.

*Ой, выйди, матушка, за ворота,
Приклони голову к сырой земле,
Послушай, не шумит ли дубрава зеленая,
Не стонет ли дорога широкая,
Не едут ли за мной из чужой стороны,
Не летят ли за уточкой серые гуси?*

Девушки Моховиков, хотя и были напуганы участью Малинки, все же ждали женихов и верили, что к ним судьба и боги будут добрее. Говорят, что Князь Волков требует себе по девке в год – так в этом году он уже получил свою жертву, и остальные могли его не опасаться.

Горлинку Милава нашла не шьющей пояса для подарков, как надеялась, а лежащей на лавке. На другое утро после сговора, когда родня жениха уехала, она внезапно расхворалась. Недуг, подхваченный в стылом осеннем лесу и несколько дней тлевший в ее груди, теперь вдруг вспыхнул пожаром. Даже под теплой медвежьей шкурой Горлинка дрожала от холода, часто сухо покашливала и хваталась за бок, кривилась от жгучей боли в груди, разливавшейся при каждом глубоком вздохе. Лоб ее был горячее камней очага, и вот уже два дня она почти не вставала.

Мать, Прибава, сидела возле нее с кринкой овсяного отвара на молоке и уговаривала Горлинку выпить хоть чуть-чуть.

– Уж второй день не ест, не пьет! – горестно пожаловалась Прибава. – Беда-то какая! Только сговорили, порадовались, свадьба вот-вот, а куда такую отдавать! Ваш старший-то своего не упустит, ему худого товара не всучишь! Скажет ведь, что худую девку, болезную хотим вам спихнуть!

– Не скажет! Мы ее все равно возьмем! – уверяла ее Милава. – Нам только Горлинка нужна, другой не надо и даром, пусть хоть здоровее лосихи будет!

Горлинка непрерывно кашляла, давилась и хваталась за горло, как будто хотела оторвать душившие ее пальцы Лихорадки. Ни овсяный отвар, ни липовый цвет не помогали, и родные тревожились о ней все сильнее.

– Надо Елову позвать! – убеждала Милава хозяйку. – Долго ли до беды!

– Я уж хотела, да бабка Бажана не велела! – Прибава досадливо махнула рукой. – Не любит она ведунью вашу. Говорит, молода старух учить.

– Елова-то молода? – изумилась Милава. – Скажет тоже!

– А то! Елове ведь... дай сочту... – Прибава наморщила лоб. – Она же меня моложе, а мне как раз тридцать шесть годков. Да, я замуж как раз сюда пришла, а она в лес, и ей тогда пятнадцать сравнялось. У меня старшенькому девятнадцать, выходит, Елове вашей всего-то тридцать пять, а Бажана вдвое ее старше.

Милава молчала в сильнейшем удивлении – она-то думала, что Елове под семьдесят.

Но долго раздумывать о возрасте ведуньи было некогда. Тревожась о Горлинке, Милава решила не ходить домой, а ночевать у Прибавы. Всю ночь они с Веснавкой, четырнадцатилетней сестрой Горлинки, поочередно сидели возле нее, да сама Прибава несколько раз за ночь выходила из клетушки в истобку проведать дочь. И пока, несмотря на травы и заговоры, облегчение не наступало. Горлинка дрожала от холода, пылая лихорадочным жаром, не спала, а мучилась в полузабытьи, тяжело дышала и иногда, забывшись, постанывала от боли в груди. Сердце Милавы переворачивалось от жалости, ей хотелось немедленно сделать хоть

что-нибудь, ничего не было жалко, лишь бы Горлинке полегчало. Но – увы! – Милава не была обучена искусству врачевания и мало чем могла помочь.

Под утро пришла бабка Бажана. Поглядев на Горлинку, она горестно покачала головой, заварила травы душицы, нашептала ее тайным заговором, которого не знала даже Елова, и велела поить Горлинку с ложки. Милава, Веснавка и Прибава старались как могли, придумывали десятки забот, стараясь подбодрить себя и друг друга. Но в душе все понимали, что дело плохо: пылающая жаром и дрожащая от холода, покрытая испариной девушка тонула в Огненной Реке, служащей гранью жизни и смерти. Животворящие стихии Огня и Воды, против божьих установлений сошедшиеся в ее теле, грозили ей гибелью. Никакие доступные средства не могли восстановить равновесие этого хрупкого мира – человеческого тела, созданного богами из дерева и огня. Огонь грозил пожрать Горлинку, и даже реки слез матери не могли загасить его жадного жара.

В полдень все женщины рода собрались на капище внутри тына и вместе молили богов помочь девушке.

– Ох, чует нечисть рожениц да невест! – горько бормотала Бажана, склоняясь головой к самому подножию идола Матери Макоши. – Хоть ты, Матушка, охрани Горлинку! Одну невесту у нас волки отняли, хоть эту уберегите!

Веснавка испекла двенадцать блинов, помазала их медом и сметаной, отнесла в лес и оставила под елкой, прокричав в чашу:

– Вот вам блины, сестры-лихорадки, ешьте, а сестру мою оставьте!

Перед вечером Горлинка опять забеспокоилась, забормотала что-то.

– Увезу... увезу... – шептала она, и Милава в страхе поняла, что Горлинка говорит в беспамятстве. – Я не оборотень! – вдруг вскрикнула Горлинка, и все в избе вздрогнули.

Бабка Бажана склонилась над девушкой, выставила ухо из-под повоя. В беспамятстве больной часто называет злого духа, который его мучает, и тем помогает его изгнать.

– Про оборотня! Тоже про оборотня! – испуганно перешептывались родичи. Даже Долголет, до того не показывавший тревоги, бросил на скамье недочиненную сбрую и подошел к лежанке дочери.

– Княгиней будешь! – опять вскрикнула Горлинка и жалобно застонала. Дыхание ее стало частым-частым, она задыхалась и бессознательно тянулась вперед, словно гналась за ускользающим воздухом, а злой дух в ней продолжал кричать: – Не бойся! Я не оборотень! Княгиней будешь! Вот разделаюсь... Не хочу! Пусти! Пусти...

Женщины переглядывались, глаза их стали круглыми от изумления. Милава стояла на коленях возле лежанки, сжимала руку Горлинки и сквозь слезы звала ее:

– Горлинка! Сестра моя! Очнись! Опомнись, что ты говоришь!

Но Горлинка не слышала ее и сама не знала, что говорит. Злая болезнь привела ее дух на самую грань мира живых и мира мертвых, из-за Огненной Реки лихорадка кричала о том, о чем сама Горлинка хотела умолчать, чтобы не тревожить старую и новую родню. Сама Невея, старшая из двенадцати злобных и вечно голодных сестер-лихорадок, вцепилась в нее железными когтями и тянула в Кошное Подземелье.

– Вот оно что! – прошипела бабка Бажана. – Оборотень ее испортил!

– Говорил я – не пускать его! – Долголет в бессильной злобе и отчаянии потрянул кулаком. – Горе наше! В колыбели бы его придушить!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.